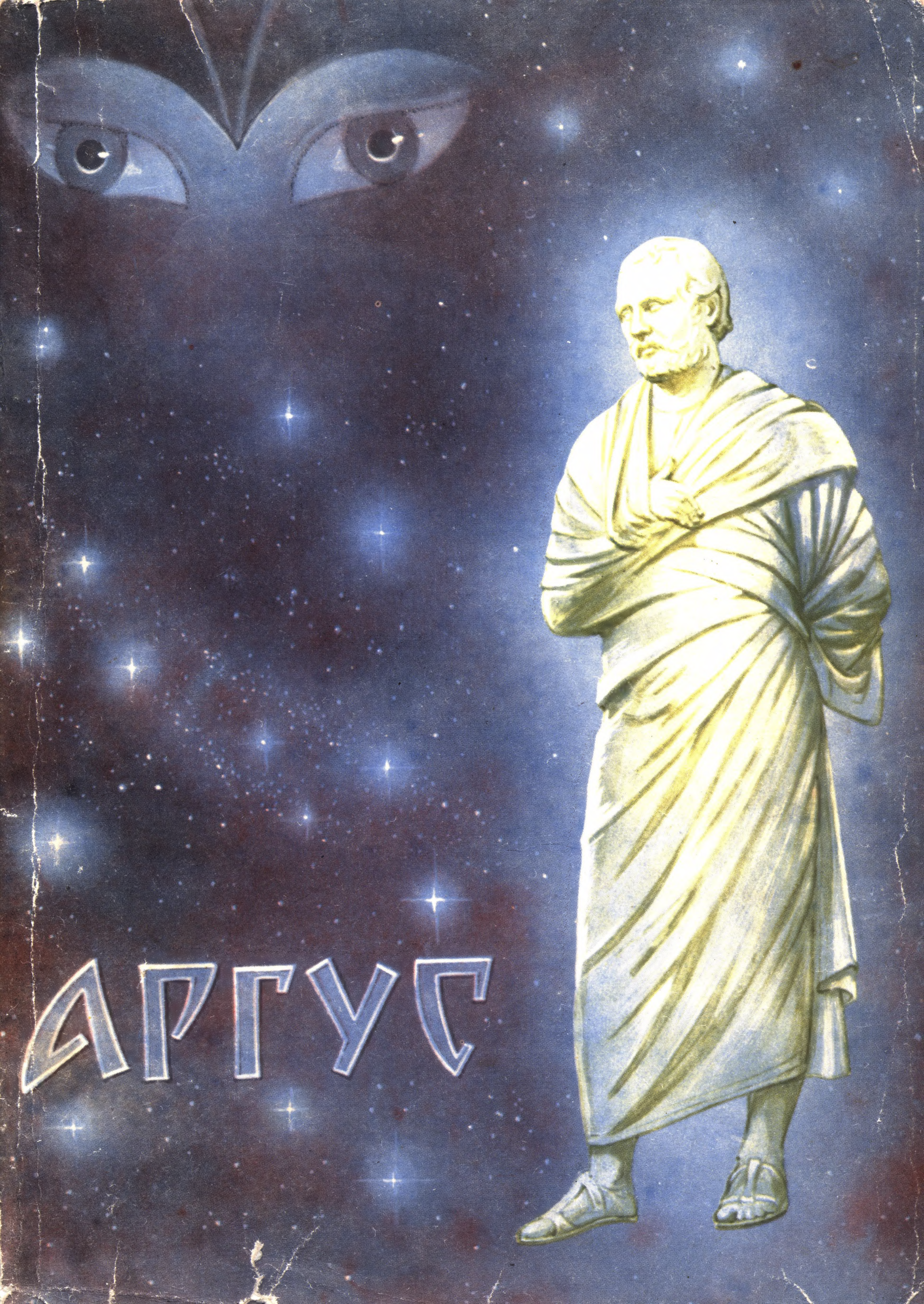

АРГУС

ВЫПУСК I

Сборник научных, научно-популярных статей и художественных произведений, посвященных неординарным возможностям человека

Свердловск, 1991

ББК 84Р7-4
С23

С23 АРГУС. Сб. научно-популярных статей и художественных рассказов. М.: СП «Интербук», С.: ТПО «Старт». 1990.—160 с.

С $\frac{4702010206-044}{945(01)-91}$ без объявл. ББК84Р7-4

Сборник наш — плод коллективного труда, результат совместной деятельности творческо-производственного объединения «Старт», лаборатории нетрадиционных исследований «ЛАНИ» и многих авторов: писателей, журналистов, ученых, экстрасенсов и просто «сочувствующих».

Первый номер скорее пробный, чем «промышленный» выпуск; многие рубрики, которым отводилось место, не нашли своих материалов. Между тем, было бы уместным появление на страницах альманаха юмора, кроссвордов, библиографических обзоров, рецензий, новостей и т. д. Мы надеемся, что с выходом первого номера у нас появятся не только первые читатели, но и новые авторы.

Особо хочется выделить одну характерную черту сборника: редакция — лишь передаточное звено между автором и читателем, мы как можно меньше стараемся воздействовать на авторскую позицию, стремимся расширить наше сознание до пределов, позволяющих терпимо относиться к любым поискам человеческой мысли. Конечно, наш нейтралитет безграничным никогда не будет — хотим мы этого или нет. Во-первых, мы не допустим материалов с низменной этической и эстетической основой; во-вторых, будем уравновешенно давать пропаганду различных мнений, школ и течений, чтобы обеспечить читателю свободу мысли; в-третьих, мы оставляем за собой право литературной правки присылаемых нам материалов (с последующим согласованием ее с автором).

Направление, тематику сборника можно определить просто: Человек, его возможности (называемые обычно сверхвозможностями), его взаимосвязи и место в окружающем мире.

Для многих авторов небезынтересно будет также узнать, что наш сборник — гонорарный. Ставки авторского гонорара определяются типовыми издательскими нормативами, но при росте рентабельности издания гонорарные ставки будут соответственно увеличиваться.

Различные творческие союзы, организации также могут участвовать в нашем сборнике на договорной или другой основе.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ

ЧАСТЬ I

Оценка функционального состояния организма человека

М. Ю. Григорьев,
зав. лабораторией биорегуляции
отдела теоретических проблем АН СССР

Идеи о существовании физического поля, окружающего биосистемы, высказывались уже давно (М. В. Погорельский, 1899; Рейхенбах, 1854; Н. Г. Котик, 1904, 1907, 1912; Г. Дюрвиль, 1911, 1813 и др.).

Позже изучением полей вблизи биологических объектов занимались многие ученые (А. Г. Гурвич, 1944; А. А. Гурвич и др., 1974; Г. А. Сергеев, 1976; В. П. Казначеев и Л. П. Михайлова, 1981, 1985 и др.), которые сообщают о возможности объективной регистрации физических эффектов.

В последнее время Ю. В. Гуляев и Э. Э. Годик (1986) в многочисленных публикациях сообщают о том, что они с помощью чувствительной аппаратуры обнаружили излучение от тела человека в инфракрасном, СВЧ, электромагнитном, акустическом диапазоне, а также зафиксировали электростатическое поле.

Однако необходимо указать, что выявленные Ю. В. Гуляевым и Э. Э. Годиком при обследовании человека физические поля не обладают рядом свойств, характерных для экстрасенсорных явлений. Кроме того, методы исследования технически крайне сложны и, к сожалению, недостаточно информативны.

В этой связи наше внимание привлекла возможность оценки функционального состояния биосистемы биолокационным методом с помощью индикаторной рамки (Н. Н. Сочеванов, 1973).

Обследование проводит специально обученный оператор, который держит в руке Г-образную рамку из металлической проволоки диаметром 2—2,5 мм.

Нами разработана схема, а также специальная карта обследования организма человека в динамике.

Измерения полевых характеристик включают показатели градиента поля вокруг тела человека, его головы, рук и ног, оценку функционального состояния всех эндокринных органов, иммунной, кроветворной и лимфатической систем, а также всех органов, что занимает не более 5—10-ти минут и выражается в градусах отклонения рамки со знаком «+» (по часовой стрелке) и «—» (против часовой стрелки). Кроме того проводится оценка протяженности поля в шагах или метрах.

С целью сопоставления и объективизации замеров полевых характеристик мы проводили определение функционального состояния организма по показателям изменения проводимости в биологически активных контрольно-измерительных точках по методу доктора Р. Фолля (ФРГ), а также обычные клинико-лабораторные исследования.

Р. Фолль клинико-экспериментальным путем разработал рефлексогенную систему информационно-энергетических точек и меридианов, которая была оформлена им в виде трехтомного морфо-анатомического атласа. Автором дана четкая картина органо-функционального значения контрольно-измерительных информационных точек и меридианов. По сравнению с древневосточными источниками Р. Фолль дополнительно ввел большое количество точек, которые значительно расширили диагностические возможности этого метода.

Нами разработаны два алгоритма измерений и соответственно карта обследования. В первом, более коротком, проводится замер общей проводимости (рука—рука), которая в норме должна составлять по шкале прибора, разделенной на 100 делений — 70—80 условных единиц. При более высоких цифрах можно говорить о функциональном перевозбуждении, перегрузке; при значениях 91—100 — о патологической функциональной перегрузке или наличии воспалительных процессов в организме. Низкие цифры порядка 30—50 указывают на дегенеративные процессы.

В контрольных информационных точках нормальные значения составляют 50—60 единиц. При измерении учитывается также не только величина, но и скорость падения показателей (в норме должны быть устойчивыми), которые характеризуют состояние и свидетельствуют об атрофии, дегенерации и перерождении органов и систем. Всего по короткому алгоритму проводится 20 замеров, которые, в основном, характеризуют функциональное состояние систем.

По большому алгоритму замер проводится еще в 25 точках, которые позволяют оценить функциональное состояние важнейших органов.

Нами на базе медсанчасти № 33 Министерства связи СССР проведено обследование методом биолокации и методом Фолля 650-ти человек различного пола и возраста, относительно здоровых и больных с разнообразной патологией.

Биолокационные исследования показали, что полевые характеристики различных людей в норме имеют определенное сходство и в то же время носят строго индивидуальные черты.

Так, например, у относительно здоровых людей вокруг тела со всех сторон наблюдается поле положительного знака (под углом до 90° от тела) протяженностью до 2—3-х метров. Вокруг головы также выявляется ровное положительное поле с вектором, направленным под углом 90° от головы человека.

При измерении рук и ног у правшей отклонение индикаторной рамки с правой стороны составляет, как правило, +90°, а с левой — значительно меньше. У левшей наблюдается обратная картина, и очень часто человек даже не знает, что он — генетический левша.

При снятии полевых характеристик органов и систем индикатор направляется перпендикулярно к телу обследуемого и измеряемому органу. При этом, если индикатор не отклоняется, а остается на нулевой линии, то орган здоровый. Чем больше индикатор отклоняется от нулевой линии вправо, тем сильнее выражены функциональные изменения в органе, а чем больше влево — тем сильнее воспалительные и дегенеративные процессы.

Активность эндокринных органов оценивается по отклонению индикатора, расположенного параллельно телу. При нормальной активности индикатор не отклоняется, при гиперфункции отклоняется от органа, а при гипофункции — к органу.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что практически мы не наблюдали идеальной полевой характеристики, свидетельствующей о полном здоровье, ни у одного обследованного человека, в том числе и у спортсменов.

Полевая картина носит строго индивидуальный характер для данного человека в данном состоянии и может в определенной степени динамически меняться. Однако необходимо подчеркнуть, что наличие патологических отклонений носит достаточно устойчивый характер, особенно при органических изменениях.

В основном почти у всех обследованных нами людей фиксировались более или менее выраженные нарушения конфигурации поля вокруг туловища, которые были асиметричными, недостаточными по углу отклонения рамки (менее 90°) и протяженности (менее одного метра).

Поле вокруг головы также сигнализировало о перенесенных ушибах и сотрясениях мозга, родовых травмах, наличии сосудистых изменений, а в ряде случаев опухолей, в том числе и злокачественных.

Как правило, в настоящее время у подавляющего большинства людей отмечаются те или иные нарушения эндокринных функций как в центральных (эпифиз—гипоталамус—гипофиз), так и в периферических звеньях (щитовидная железа, яичники, надпочечники, поджелудочная железа), с чем связаны патологические процессы в гормонально-зависимых органах (молочные железы, матка, простата и др.).

Кроме того, наблюдается выраженное снижение активности тимуса и костного мозга, что влечет за собой частые длительно текущие воспалительные процессы, особенно органов дыхательной и пищеварительной системы.

Снятие полевых характеристик позволяет за короткое время выявить не только симптомы заболеваний, установить глубину и степень патологических изменений органов и систем, но в большинстве случаев установить причину заболевания и наметить пути коррекции выявленных нарушений.

Данные, полученные по методу доктора Р. Фолля, хорошо коррелируют с замерами полевых характеристик, а также с результатами клинико-лабораторных исследований. Следует подчеркнуть, что использование метода Р. Фолля и измерения полевых характеристик позволяют выявить доклинические формы заболеваний. Необходимо также указать, что на показатели проводимости в контрольно-измерительных точках активное действие оказывают фармакологические препараты, особенно аналгетики и психотропные вещества, которые перекрывают истинную информацию.

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют о высокой информативности метода биолокации и методики Р. Фолля для оценки функционального состояния организма человека и перспективности их практического использования, особенно при массовых профилактических осмотрах.

Микролептонная концепция биолокационного эффекта

А. Ф. Охатрин,
кандидат технических наук,
ведущий сотрудник ИМГРЭ
Мингео СССР

В ряде работ в последнее время обсуждаются модели газа, частицами-носителями которого являются сверхлегкие слабовзаимодействующие частицы — микролептоны и их более легкая разновидность — аксионы [1—5]. В целях их обнаружения проводятся экспериментальные работы [6].

Ряд экспериментов допускает интерпретацию, что сверхлегкий газ в возбужденном состоянии микролептонов (несохранение слабого заряда) вокруг тел в воздухе может образовывать макроквантовые пространственные структуры — макрокластеры, которые имеют шаровую конфигурацию, состоящую из нескольких квантовых слоев. Макрокластерные структуры из микролептонов, вероятно, существуют также внутри тел, оказывая влияние на их характеристики. По-видимому, их существование объясняет закон преимущественных размеров отдельностей, впервые сформулированный акад. М. А. Содовским [7], подтвержденный рядом исследователей [8].

Макрокластерные структуры, сформированные из сверхлегких слабовзаимодействующих частиц вокруг твердых тел, фиксируются с помощью крутильных весов. Поле сил притяжения и отталкивания, действующих на стрелку крутильных весов, обнаружено нами для ряда возбужденных материалов — металлы, керамика и др. [18]. Следует отметить, что интерпретация экспериментальных результатов ряда авторов, необъяснимых на основе известных законов физики, может быть выполнена с применением микролептонной (МЛ) модели. В частности, колебательные режимы светорассеяния в водных растворах белков [9], колебания площади поперечного сечения хлоропластов [10], динамические режимы сейсмической эмиссии [11], короткопериодические вариации интенсивности космических лучей [12], периодические структуры разрушений поверхности различных материалов под действием лазерного или электронного пучка [13]. Макрокластерные структуры, очевидно, существуют не только вне тел, но и внутри них и участвуют в процессах их деформации и разрушения, а также в изменении их характеристик. В частности, образование дискретных значений зерен при разрушении горных пород [8] или кристаллов [14], формирование шероховатости при напылении материалов на подложку [15], разгорание и гашение рентгенолюминесценции под действием импульсов электрического поля [16], токовый фликкер, шум в твердых телах и др. Следует отметить также, что кластерные структуры вокруг неподвижных и вращающихся тел фиксируются фотометодом [18].

Идентификация основных характеристик макрокластерных формирований, проявившихся в экспериментах, изложенных в [7—18], выполнена газокинетической моделью микролептонного (аксионного) газа и описывается уравнениями Фоккера—Планка для функции распределения f_y, уравнениями Гельмгольца для скалярного φ_y и векторного $\bar{U}_y$ микролептонных (МЛ) потенциалов, уравнением Навье—Стокса и определением сил в следующем виде:

$$\frac{\partial f_\nu}{\partial t} + \frac{P_\nu}{m_\nu}\frac{\partial f_\nu}{\partial x} - \frac{\partial U_c}{\partial x}\frac{\partial f_\nu}{\partial P_\nu} = \frac{\partial J_i}{\partial P_i},$$

$$\xi = x^2, \qquad (1)$$

$$\Box_\xi \varphi_\nu + \frac{1}{\gamma_1}\frac{\partial \varphi_\nu}{\partial \xi} + \delta_1\frac{\partial \varphi_\nu}{\partial t} + \frac{\varphi_\nu}{L_1}(1 +$$

$$+ \theta_1 \varphi_\nu^2) = \frac{P_\nu}{a_1} + b_1\frac{dV}{dt}, \qquad (2)$$

$$\Box_\xi \bar{U}_\nu + \frac{1}{\gamma_2}\frac{\partial \bar{U}_\nu}{\partial \xi} + \delta_2\frac{\partial \bar{U}_\nu}{\partial t} + \frac{\bar{U}_\nu}{L_2}(1 +$$

$$+ \theta_2 \bar{U}^2{}_\nu) = \frac{P_u \bar{v}_p}{a_2} = b_2 \nabla_\xi \bar{B} + b_3 \bar{S}_u . \qquad (3)$$

$$\triangle \bar{v}_0 + \frac{1}{3} \nabla (\nabla \bar{v}_0) - \frac{P_\nu}{\eta_\nu} \frac{d\bar{v}_0}{dt} =$$

$$= \frac{1}{\eta_\nu} (\nabla P_\nu - \bar{F}_\varphi - \bar{F}_u), \qquad (4)$$

$$\bar{F}_\varphi = k_\varphi P_u \left(\nabla \varphi_\nu - \alpha_1 \frac{\partial \bar{U}_\nu}{\partial t} \right),$$

$$\bar{F}_u = k_u P_u \bar{v}_p \times \nabla \times \bar{U}_\nu, \qquad (5)$$

где $P_u = q_c + k_c q$, $\bar{S}_u = \bar{A}_v + k_c \bar{A}$ — объемные источники МЛ-поля, V, $\bar{B}$ — электрический потенциал и магнитная индукция, $\bar{v}_p$, $\bar{v}_0$ — скорости источника и единичного объема МЛ-газа, Р, η_y, P_y — давление, вязкость и плотность МЛ-газа, m_ν, P_ν — масса и импульс микролептона, J_i, U_c — ток и самосогласованный потенциал частицы, $\bar{A}_y$, $\bar{A}$ — потенциалы лептонодинамического и магнитного полей, q_c, q — лептонный и электрический заряды.

Система (1) ÷ (5) описывает состояния МЛ-газа в зависимости от распределения сторонних лептонных и электрических зарядов, а также от лептонодинамических (спинорных) и магнитных полей. Применение этой модели для описания экспериментов из [6—18] приводит к следующим выражениям параметров микролептонов (аксионов) и характеристикам МЛ-газа в системе СГС:

1. Масса

$$m_\nu = \left(\frac{\hbar}{e_c}\right)^2 \frac{1}{R_k}, \; m_\nu = \alpha \hbar k_c \frac{T_k}{A_0^2}, \qquad (6), (7)$$

$$m_\nu = m_p k_c \left(\frac{2}{3} \frac{R_k}{L_k} - 1 \right) \frac{N}{R} \frac{R_k^3}{R_c^3}, \qquad (8)$$

2. Заряд лептонный

$$e_c = \left(\frac{h}{ak_c} \frac{R_k}{T_k} \right)^{1/2}, \qquad (9)$$

3. Магнитный момент

$$\mu_\nu = 1{,}1 \cdot 10^4 \left(1 - k_m^2\right) \frac{R_k^4 L_m}{T_k^2 B_c} m_\nu N_\nu^{2/3}, \qquad (10)$$

4. Плотность МЛ-газа

$$N_\nu = \sqrt{\frac{\pi}{2}} \left(\frac{m_\nu}{\hbar k_c \sigma_\nu T_\partial} \right)^{3/4}, \qquad (11)$$

$$N_\nu = \frac{20\pi}{3a} \frac{e_c m_\nu}{\hbar k_c}, \qquad (12)$$

5. Тепловая скорость микролептона

$$v_\nu = \frac{a \hbar k_c}{m_\nu} N_\nu^{1/3}, \qquad (13)$$

6. Сечение слабого взаимодействия

$$\sigma_\nu = \left(\frac{\hbar k_c}{e_c} \right)^{5/2} \frac{1}{b e_c T_\partial m_\nu^{1/3}}, \qquad (14)$$

7. Вязкость МЛ-газа

$$\eta_\nu = 2 m_\nu N_\nu \frac{R_k T_\partial}{T_k^2}, \qquad (15)$$

8. Диффузионная скорость

$$v_\partial = \frac{a}{3} \frac{\hbar k_c}{\sigma_{\nu a} L_\partial} \frac{1}{m_\nu N_\nu^{2/3}}, \qquad (16)$$

где обозначено R_k — радиус связного кластера, T_k — период колебаний свободного кластера, T_∂ — диффузионная постоянная времени, L_∂ — диффузионная длина, $k_c = 4g^+/\alpha$ — коэффициент масштабной инвариантности (g^* — безразмерная постоянная Ферми, α — постоянная тонкой структуры), $\sigma_{\nu a}$ — сечение взаимодействия атома с микролептоном, L_m — радиус пространственной релаксации магнитного поля соленоида, A_0 — боровский лептонный радиус, T_m — период колебаний свободного кластера в магнитном поле, $k_m = T_m/T_k$, B_c — магнитная индукция в соленоиде, A, N — атомное и нуклонное число элемента, R_c — радиус образца, L_k — коэффициент деформации микролептонного облака, $a = 1{,}55$, $b = 1{,}4 \cdot 10^4$ — постоянные коэффициенты.

Данные экспериментов из [8—18] использованы путем подстановки в выражениях (9) ÷ (16) для оценки параметров микролептонов (аксионов) и характеристики газа из них. Параметры сведены в таблицу 1, в которой представлены и расчетные данные, выполненные в соответствии с модифицированной электрослабой моделью (Вайнберг—Салам) и микролептонной моделью. Сравнение экспериментальных данных с расчетными указывает на их близкие значения.

Данные экспериментов из [6—18] использованы путем подстановки в выражениях (6) ÷ (8) для оценки масс микролептонов, сведенных в таблицу 2. В ней для сравнения приведены расчетные массы микролептонов, найденных в соответствии с выражением $m_\nu = k_c m_н$, где $m_н$ — масса нуклона (или элементарной частицы). В таблицах 1, 2 приведены данные для микролептонов в возбужденном состоянии.

Квантование уравнения (2) приводит к существованию двух устойчивых структур из сверхлегких частиц. Первая группа с боровским радиусом вида $\alpha_a = (\hbar/e_c)^2/m_\nu$, лежащим в пределах 1 мкм до 10^3 км, представляет макрокластерные формирования, описанные в ряде экспериментов [6—18]. Вторая — микрокластерные формирования, представляющие галло вокруг электрона и ядра, состоящее из микролептонов. Боровские радиусы таких систем определяются выражением $\alpha_{02} = (\hbar k_c/e_c)^2$. Возможность существования таких структур отмечена в [5]. Из квантовой модели следует, что скорость распространения квантов слабого поля больше скорости света в вакууме и составляет $v_c = c/k_c = 1{,}82 \cdot 10^{19}$ см/сек. Это является следствием результатов наших измерений магнитного момента микролептона (аксиона) и подтверждается расчетными оценками, выполненными в [20, 21].

Анализ отношения масс микролептонов, приведенных в таблице 2, к массам элементарных частиц и нуклонов приводит к эмпирическому соотношению $m_\nu = k_c m_н$, где $k_c = 1{,}65 \cdot 10^{-9}$.

Экспериментально обнаружено, что некоторые сорта микролептонов индуцированно распадаются на фотоны. Энергосодержание достигает в алюминии и графите 10^8 Дж/м^3 [19], в Космосе — $6 \cdot 10^3$ Дж/м^3 [22], в воздухе — $7 \cdot 10^5$ Дж/м^3 [23].

Изменение состояний микролептонного газа индуцирует электрические и магнитные поля. Точнее происходит взаимная индукция электромагнитным лептонного и лептонным электромагнитного. Это обстоятельство неоднократно отмечалось экспериментально [24]. Состояние лептонных полей в зависимости от электромагнитных описывается системой (1) ÷ (5). В целях описания процессов индукции электромагнитных полей лептонными целесообразно в уравнения электродинамики ввести следующие члены: q_ν, j_y — эквивалентные электрические заряды и ток, индуцируемые лептонными зарядом q_c и током j_c, $\bar{D}_\nu$, $\bar{B}_\nu$ — эффективные электрическую и магнитную индукции, генерируемые микролептонным газом в диэлектриках и магнетиках. Вследствие этого уравнения Максвелла принимают вид:

$$rot\,\bar{E} = -\frac{1}{c}\,\frac{\partial}{\partial t}\left(\bar{B} + \bar{B}_\nu\right),$$

$$div\left(\bar{B} + \bar{B}_\nu\right) = 0, \qquad (17)$$

$$rot\,\bar{H} = \frac{1}{c}\,\frac{\partial}{\partial t}(\bar{D} + \bar{D}_\nu) + \frac{4\pi}{c}(\bar{j} + \bar{j}_\nu), \qquad (18)$$

$$div\,(\bar{D} + \bar{D}_\nu) = 4\pi\,(q + q_\nu),$$

$$q_\nu = k_c q_c, \quad q_c = l_c N_\nu, \qquad (19)$$

$$\bar{j}_\nu = k_c \bar{j}_c, \;\; j_c = \frac{dq_c}{dt}, \qquad (20)$$

$$D_\nu = \left(\frac{4\pi}{3}\right)^2 \varkappa e_c k_c N_\nu^{2/3}, \qquad (21)$$

$$B_\nu = (4\pi)^2 \varkappa_m \mu_\nu N_\nu, \qquad (22)$$

где $\varkappa$, $\varkappa_m$ — диэлектрическая и магнитная восприимчивость вещества, μ_ν — магнитный момент микролептона.

Системы (1) ÷ (5) и (17) ÷ (22), идентифицирующие лептонные и электромагнитные процессы, а также связь между ними дают возможность объяснить биолокационный эффект (БЛЭ) и провести расчет приборов, регистрирующих лептонные поля.

В результате проведенных нами исследований, а также использования опубликованных экспериментальных данных (интерпретация которых невозможна на основании известных физических законов) из физики твердого тела, биофизики, астрофизики, ядерной физики и др. областей и анализа следствий МЛ-модели получены следующие выводы:

1. Микролептонный газ в нейтральном и возбужденном (несущем слабый заряд) состояниях находится в твердых телах, жидкостях и газах, а также проникает во все среды Земли и находится в Космосе;

2. В однородных средах и Космосе эти газы структурируются в сфероидальные формы типа кластерных формирований, а вокруг отдельных твердых тел в многослойные кластерные структуры, причем масса микролептона пропорциональна массе химического элемента тела;

3. Микролептонный газ находится в состоянии, близком к сверхтекучему, и его кластерные структуры находятся в постоянном движении;

4. Микролептоны входят в состав атома и его ядра и находятся вокруг электрона;

5. Возбужденные микролептоны и аксионы взаимодействуют со свободными и связанными электронами и нуклонами вещества, что приводит к изменению его электромагнитных и механических характеристик (диэлектрической и магнитной проницаемости, прочности, вязкости и др.);

6. В средах возбужденные микролептонный и аксионный газы индуцируют сла-

Таблица 1

Параметры микролептонов и характеристики микролептонного газа

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Экспериментальные данные		Расчетные данные в соответствии с	
			микролептонный газ	аксионный газ	микролептонной моделью	электрослабой моделью
1	Слабый заряд	ед. СГСЕ	$4{,}9 \cdot 10^{-10}$	$5{,}4 \cdot 10^{-10}$	$2{,}4 \cdot 10^{-10}$	$4{,}8 \cdot 10^{-10}$
2	Магнитный момент	эрг/гс		$1{,}0 \cdot 10^{-29}$	$1{,}53 \cdot 10^{-29}$	$1{,}4 \cdot 10^{-29}$
3	Сечение слабого взаимодействия	$см^2$	$1{,}2 \cdot 10^{-31}$	$2{,}6 \cdot 10^{-32}$	$1{,}2 \cdot 10^{-31}$	$2{,}0 \cdot 10^{-34}$
4	Сечение взаимодействия микролептон-атом	$см^2$	$1{,}0 \cdot 10^{-17}$			
5	Сечение взаимодействия микролептон-электрон	$см^2$	$3{,}0 \cdot 10^{-27}$		$5{,}5 \cdot 10^{-27}$	
6	Радиус микролептона	см	$1{,}0 \cdot 10^{-22}$		$4{,}6 \cdot 10^{-22}$	$4{,}7 \cdot 10^{-22}$
7	Тепловая скорость	см/сек	$3{,}5 \cdot 10^{6}$	$1{,}1 \cdot 10^{7}$	$5{,}8 \cdot 10^{6}$	
8	Диффузионная скорость	см/сек	0,12		0,59	
9	Плотность	$см^{-3}$	7,5· [illegible]	$4{,}9 \cdot 10^{17}$	$3{,}5 \cdot 10^{19}$	
10	Вязкость	г/см·сек	1,2· [illegible]	$1{,}2 \cdot 10^{-15}$	$1{,}5 \cdot 10^{-15}$	

Таблица 2

Массы микролептонов и параметры кластеров

№ п/п	Масса экспериментальная, г	Масса расчетная, г	Радиус		Период колебаний свободного кластера, см	Соответствие	№ литературы	Энергия деления Дж/м^3
			связного кластера	свободного кластера, см				
1	$7{,}2 \cdot 10^{-40}$				$2{,}5 \cdot 10^{-3}$	α	16	
2	$1{,}8 \cdot 10^{-38}$		264		$6{,}3 \cdot 10^{-2}$	α	6, 7	
3	$1{,}1 \cdot 10^{-36}$							$7 \cdot 10^{5}$
4	$1{,}5 \cdot 10^{-36}$	$1{,}53 \cdot 10^{-36}$	3,23		5,1	e^-	9, 11	
5	$2{,}3 \cdot 10^{-36}$						22	$6 \cdot 10^{3}$
6	$3 \cdot 10^{-34}$	$3{,}1 \cdot 10^{-34}$			$1{,}1 \cdot 10^{3}$	μ^-	12	
7	$3{,}7 \cdot 10^{-34}$	$3{,}9 \cdot 10^{-34}$			$1{,}4 \cdot 10^{3}$	π^0	12	
8	$9{,}5 \cdot 10^{-34}$				$3{,}1 \cdot 10^{3}$	q	15	
9	$1{,}6 \cdot 10^{-33}$	$1{,}6 \cdot 10^{-33}$	$1{,}7 \cdot 10^{-3}$		$5{,}4 \cdot 10^{3}$	r	9	
10	$2{,}8 \cdot 10^{-33}$	$2{,}7 \cdot 10^{-33}$			$9{,}6 \cdot 10^{3}$	P	10	
11	$3{,}8 \cdot 10^{-33}$	$3{,}5 \cdot 10^{-33}$			$1{,}3 \cdot 10^{4}$	Σ^0	10	
12	$5{,}4 \cdot 10^{-33}$	$5{,}5 \cdot 10^{-33}$			$1{,}8 \cdot 10^{4}$	H^2	10	
13	$1{,}2 \cdot 10^{-32}$	$1{,}9 \cdot 10^{-32}$				Li	18	
14	$3{,}1 \cdot 10^{-32}$	$3{,}3 \cdot 10^{-32}$				C	7	
15	$4{,}4 \cdot 10^{-32}$	$4{,}4 \cdot 10^{-32}$		$1 \cdot 10^{-6}$		O	18, 15	
16	$7{,}4 \cdot 10^{-32}$	$7{,}4 \cdot 10^{-32}$				Al	18, 15	
17	$8{,}5 \cdot 10^{-32}$	$7{,}8 \cdot 10^{-32}$		$3 \cdot 10^{-6}$		Si	14, 15	
18	$1{,}6 \cdot 10^{-31}$	$1{,}7 \cdot 10^{-31}$				Cu	18	
19	$1{,}8 \cdot 10^{-31}$	$1{,}8 \cdot 10^{-31}$				Zn	18	
20	$2{,}0 \cdot 10^{-31}$	$1{,}9 \cdot 10^{-31}$				Ga	18	
21	$5{,}3 \cdot 10^{-31}$	$5{,}1 \cdot 10^{-31}$				W	18	
22	$5{,}5 \cdot 10^{-31}$	$5{,}5 \cdot 10^{-31}$				Hg	18	
23	$5{,}7 \cdot 10^{-31}$	$5{,}7 \cdot 10^{-31}$				Pb	18	
24	$5{,}9 \cdot 10^{-31}$	$5{,}8 \cdot 10^{-31}$				Bi	18	
25	$4 \cdot 10^{-29}$						19	$1 \cdot 10^{8}$

бые магнитные и электрические поля, а в живых системах влияют на скорость биохимических процессов;

7. В микролептонном газе распространяются продольные волны со скоростью 30 км/сек и большой глубиной проникновения;

8. Некоторые сорта микролептонов индуцированно распадаются на фотоны с выделением избыточной энергии, следова-

тельно, МЛ-газ может служить топливом (как делящийся материал);

9. Электронные переходы в атомах и молекулах сопровождаются излучением слабых квантов;

10. Предварительными экспериментами установлены факты превращения микролептонов в нуклоны и электроны.

Микролептонная модель допускает объяснение ряда основных особенностей биолокационного эффекта.

1. Рамка в руках оператора является аналогом стрелки крутильных весов;

2. Резонансный эффект БЛЭ объясняется увеличением коэффициента взаимодействия рамки с резонатором;

3. Остаточный эффект БЛЭ как поверхностный, так и объемный объясняются временем релаксации возбужденного МЛ-газа в месте, где ранее был расположен объект;

4. Эффект проникновения БЛЭ через породы и экраны объясняется присутствием в них МЛ-газа, по которому распространяется волна и формируются зоны;

5. Теоретические расчеты подтверждены практическими наблюдениями, которые показывают значительную проникающую способность микролептонного газа, достигающую 4 км и более через толщу горных пород.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джоржи Ж. УФН, 1982, т. 136, в. 2, с. 127.
2. Ансельм А. А. УФН, 1985, т. 145, в. 2, с. 185.
3. Харри Х. В мире науки, 1983, № 6, с. 26.
4. Ткачев И. И. Письма в АЖ, 1986, т. 12, № 9, с. 726.
5. Slonszewski J. Phys. Rev. P., 1985, V. 32, № 12, p. 3338.
6. Turok N. Nature. 1986, V. 322, № 6075, p. 111.
7. Садовский М. А. ДАН СССР, 1983, т. 269, в. 1, с. 69.
8. Бовенко В. И. ДАН СССР, 1987, т. 292, в. 5, с. 1075.
9. Черников Ф. Р. БФ, 1986, т. 31, в. 4, с. 526.
10. Руденко Т. И. БФ, 1983, т. 28, в. 3, с. 445.
11. Каррыев Б. С. ДАН СССР, 1986, т. 290, в. 1, с. 67.
12. Дорман Л. И. УФН, 1985, т. 145, в. 3, с. 403.
13. Баскин Б. Л. Письма в ЖТФ, 1985, т. 11, в. 10, с. 1251.
14. Блисчанов А. А. Письма в ЖТФ, 1985, т. 11, в. 21, с. 1333.
15. Хайкин М. С. Письма в ЖТФ, 1986, т. 44, в. 4, с. 193.
16. Алтухов А. А. ДАН СССР, 1986, т. 290, в. 4, с. 840.
17. Коган Ш. М. УФН, 1985, т. 145, в. 2, с. 285.
18. Решение VII Всесоюзного научно-технического семинара по проблемам биолокации, М., «Радио и связь», 1986.
19. Альтшуллер Г. Б. Письма в ЖТФ, 1987, т. 13, в. 3, с. 152.
20. Cope F. Physiol. Chem. and Pnys. 1978, V. 10, № 6, p. 547.
21. Дубровский В. А. ДАН СССР, 1985, т. 282, в. 1, с. 83.
22. Сб. «Физический аспект современной астрономии», Л., 1985, в. 11, с. 94.
23. Алферов В. В. Письма в ЖТФ, 1985, т. 11, в. 24, с. 1492.
24. Сальников В. Н. Исследования плазменных явлений в помещениях и электромагнитные системы», отчет ТПИ, Томск, 1987.

НЕВЕРОЯТНОЕ НАХОДИТ ОБЪЯСНЕНИЕ

Ю. А. ФОМИН,
старший научный сотрудник,
с 1956 года работает в области разгадки различных аномальных явлений,
автор ряда работ на эту тему,
опубликованных в СССР и за рубежом.

1. УДИВИТЕЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЭКСТРАСЕНСОВ

Уже давно человечество обратило внимание на то, что некоторые люди наделены или приобретают какие-либо необычные свойства. Они способны передавать мысли на расстоянии, ставить дистанционно диагнозы, излечивать заболевания, предвидеть будущее и так далее. Этих людей стали называть экстрасенсами, а по поводу их возможностей и способностей ведутся бесконечные споры. Происходит смешение реального и выдумок, поразительных экспериментов и прямого шарлатанства, и трудно бывает установить, где же граница между реальностью и фантазией или обманом.

Сложность, а часто и невозможность экспериментальных проверок подобных феноменов, а подчас и прямая предубежденность не позволяют создать достаточно ясное и объективное представление о реальных возможностях экстрасенсов и природе этого явления. В последнее время миллионы телезрителей познакомились с поразительными способностями А. Чумака и А. Кашпировского, но механизм этих чудес остается пока неясным.

Для того, чтобы разобраться в этом, постараемся выявить возможности экстрасенсов, проанализировать методику их работы. В качестве объекта исследований остановимся на хорошо известном московском экстрасенсе Владимире Ивановиче Сафонове. Он обладает способностью на расстоянии выявлять аномальные участки человеческого организма (болевые точки) и в ряде случаев излечивать больных. При этом присутствие субъекта не обязательно, достаточно иметь его фотографию или какой-нибудь принадлежащий ему предмет.

При отсутствии пациента Сафонов мысленно воссоздает около себя его фантом (образ) и диагностирует его. Таким образом, можно исследовать не только живых, но и умерших людей, устанавливая их прижизненные заболевания и причину их смерти. Вот результаты одного из таких экспериментов.

Экстрасенсу были предъявлены фотографии и литографии неизвестных ему умерших лиц. Диагностирование осуществлялось при отсутствии свидетелей. Результаты эксперимента сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Диагностируемый	Зона смерти по диагностике	Известная причина смерти
Поль Гоген	Глаза, мозг, легкие	Последствия сифилиса
Тулуз Лотрек	Желудок, сильно пил	Последствия алкоголизма
Канарис	Легкие, удушье	Убит в тюрьме
Генрих фон Клейст	Правая сторона головы. Самоубийство	Самоубийство. Пуля в висок
Джозеф Смит	Сердце, грудь, убит	Причина неизвестна
Эдуард Монэ	Ноги ниже колен	Гангрена левой ноги
Альдо Моро	Травма всего тела	Автоматные очереди
Шелли	Легкое, удушье	Утонул
Уитмен	Голова, шея	Инсульт, мозговое кровоизлияние
Столыпин	Правый бок, печень	Выстрел в печень
Иероним Карданус	Желудок, кишечник	Предсказал дату смерти, уморил себя голодом к этому дню
Савонарола	Шея, удушье	Повешен
Бодлер	Паралич, сердце, конечности	Последствия сифилиса
Эмиль Золя	Легкие, удушье	Отравление газом
Маркиз де Сад	Желудок, кишечник	Туберкулез желудка
Ван Гог	Живот, потеря крови	Самоубийство, пуля в живот
Метерлинк	Правый бок, печень	Рак печени
Колчак	Убит	Расстрелян
Жерико	Голова, висок	Самоубийство, выстрел в голову
Андре Шенье	Полоса вокруг шеи	Гильотинирован
Альберт Камю	Многочисленные раны	Автокатастрофа
Врубель	Легкие	Пневмония
Федор Сологуб	Голова	Инсульт
Кафка	Грудь, голова	Туберкулез

В другом опыте чер третье лицо, не контактирующее с Сафоновым, было сделано несколько одинаковых снимков. Непроявленная пленка, через посредника, без пояснения сюжета, была передана для диагностирования. Его результаты приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Показания Сафонова	Действительность
На снимке две женщины, одна с черными волосами, другая ниже, светлая	Изображены мать и дочь, у матери черные волосы
У высокой женщины	
мастит правой груди	соответствует
возможно заболевание сердца	беспокоят боли сердца
изменения в районе пупка	боли при надавливании
падение на правую руку	кисть правой руки распухла
на правой ноге расширение вен	соответствует
У низкой женщины	
слабое зрение, возможно, очки	носит очки
слабый вестибулярный аппарат	укачивает в автобусе
признаки перенесенного рахита	был рахит
туловище непропорционально сложено, укорочены ноги	соответствует
плоскостопие	соответствует
слабый мочевой пузырь	соответствует

После проявления пленки и изготовления отпечатков было получено подтверждение показаний Сафонова. Этот же эксперимент был проведен в несколько другом виде. Были сделаны две фотографии разных людей. Отснятые пленки помещены в два конверта, каждый из которых был предъявлен Сафонову для диагностирования. Результаты эксперимента приводятся в таблице 3.

Таблица 3

Показания Сафонова	Действительность
Конверт № 1	
Пожилая женщина	Женщина, ей 59 лет
В левой части головы болезненные явления	В левой части головы злокачественная отечность, подавленная 10 лет назад сеансами рентгеноскопии
Нездоровые почки, возможно, печень	Лечение по диагнозу — нефрит, приступы холецистита
Возможно, отечность ног	Нередко «сводит» ноги
Конверт № 2	
Человек небольшого роста (подросток)	Недоношенный младенец 3 мес.
Не в порядке правый бок	Возможно, родовая травма
Некрасивые ножки	Следы недоношенности

Диагностирование может осуществляться и по отпечаткам пальцев. Однажды Сафонову были показаны отпечатки пальцев неизвестного ему человека, никакой информации об этом человеке ему сообщено не было.

Показания Сафонова. Отпечатки принадлежат женщине невысокого роста, стройного телосложения, с прямыми волосами, возраст 30—35 лет, в настоящее время мертва, смерть наступила в результате удара в затылочную часть, во время смерти была голой.

В действительности предъявленные отпечатки пальцев принадлежали обнаруженному трупу голой женщины, убитой ударом в затылок, в результате чего проломлен череп. Описания внешности совпадают.

Способность диагностирования по фотографии характерна для большинства экстрасенсов, причем их показания обычно совпадают. Примером может служить случай, когда двум экстрасенсам, независимо друг от друга, была предъявлена для диагностирования одна и та же фотография. Вот результаты этого эксперимента.

Зелинский С. Л.

Нарушение кровеносной системы мозга за счет сосудистой системы, может отразиться на глазах. Нарушение работы щитовидной железы, печени, почек. Аномальные явления в нижней части живота (женские половые органы).

Сафонов В. И.

Низкое кровяное давление головы, мозговые нарушения, психоневралгия, нарушение деятельности желез внутренней секреции, в частности щитовидной железы и надпочечников. Возможно заболевание левой молочной железы и женских половых органов (матки). Нарушение психики как производное от общего заболевания.

В качестве ключа или кода для осуществления контактов с живым или мертвым реципиентом экстрасенс может пользоваться различными средствами. Так, например, широко известный в 20—30-х годах экстрасенс Рафал Шерманн для этой цели использовал рукописные тексты, содержание которых не играло роли. По маленькой записке он мог описать внешность и пол человека, его возраст, характер и даже натсроение и наклонности.

Вот, например, оценка Шерманном одного из неизвестных ему авторов маленькой записки:

«Очень ясная голова, его перо остро, как нож. Может несколькими словами уничтожить человека. Прирожденный острослов. Его невозможно вывести из равновесия. Противников разоружает несколькими словами и шутками. Имеет пронизывающий взгляд, проникающий до самого сердца». Эта характеристика была дана писателю Юлиану Тувиму и, по свидетельству знавших писателя, полностью соответствовала действительности.

Мог Шерманн по почерку ставить диагноз и даже предсказывать дальнейшее течение болезни, причем значительно точнее, чем это делали врачи.

Способности экстрасенсов не исчерпываются диагностикой, нередко они излечивают и тяжелые заболевания. В этой связи можно сослаться на хорошо известные случаи из практики А. Кашпировского, А. Чумака и Д. Давиташвили. Немало таких случаев и в практике В. Сафонова.

Так, например, Анну Алексеевну Б. врачи приговорили к неизбежной операции по поводу удаления желчного пузыря, ее постоянно мучали тяжелые боли. В течение месяца Сафонов провел с ней 7—8 сеансов. Уже через неделю боль стала исчезать, а на втором месяце стала рассасываться опухоль. После завершения лечения надобность в операции отпала, что было засвидетельствовано лечащим врачем.

Интересно то, что Сафонов может осуществлять воздействие на значительном расстоянии. Так, например, при лечении Лены К., страдавшей тяжелыми последствиями полиомиелита, сеансы проводились заочно, так как Лена жила в Ленинграде, а Сафонов в Москве. Если до лечения Лена практически не могла самостоятельно передвигаться и обходиться без стального корсета, то после лечения стала кататься на велосипеде, а позже стала счастливой матерью.

Из приведенных выше случаев, а также других экспериментов и исследований, которые мы не имели возможности здесь привести, можно сделать следующие выводы [28].

1. Информация о человеке, как о сложной биологической структуре, формируется сразу же после зачатия и сопровождает его в течение всей жизни, постепенно дополняясь новыми сведениями, которые отражают все происходящее в жизни человека.

2. Этот информационный комплекс продолжает существовать и после смерти человека неопределенно долго вне зависимости от способа захоронения (погребение, кремация и так далее), причем этот комплекс сохраняет свою ярко выраженную индивидуальность вплоть до внешнего облика и других характеристик, специфичных только для данной особи.

3. При проведении диагностирования или других контактов индуктора (экстрасенса) и реципиентом (пациентом) расстояние между ними не играет роли.

4. Для осуществления связи между индуктором и реципиентом необходимо формирование канала связи, создание которого

осуществляется с помощью специального ключа и кода (фотография, предмет, символ, видимое изображение и тому подобное). Эти ключи или коды сами по себе носителями информации об объектах не являются и выполняют только вспомогательные функции.

5. Все сказанное относится не только к человеку, но в равной степени и к животным, а возможно, и к растениям.

6. Индуктор (экстрасенс) может обладать способностью не только получать информацию от пациента, но и оказывать на его организм определенное, правда, ограниченное, воздействие.

7. Современная биология и физика не могут объяснить механизм формирования и сохранения описанного информационного комплекса, а поэтому нередко отрицают сам факт его существования.

2. ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

За последние десятилетия биология и особенно генетика добились значительных успехов. Раскрыты многие тайны генерации, наследственности, строения биологических структур. Появилась новая наука — генная инженерия, позволяющая вмешиваться в закономерности наследственности. Но чем глубже мы проникаем в строение биологических структур, тем с большими противоречиями нам приходится сталкиваться. Создается впечатление, что что-то самое важное остается вне наших знаний, вне нашего понимания. Причем, чем глубже мы вникаем в механизм биологических процессов, тем труднее становится согласовывать результаты наблюдений с нашими теоретическими представлениями [28].

Опытами Гердона по клонингу [1, с. 335] было доказано, что полная информация о будущем организме, его структуре и программе развития заложена в хромосомах ядра клетки, причем этой информацией располагает **каждая** клетка организма. Носителем информации в ядрах являются молекулы ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты), в которых информация кодируется последовательностью размещения и типом нуклеотидов. Соединение хромосом по парам подчинено строгому закону, который никогда не нарушается: адеины соединяются только с тиминами (А—Т), а цитозины — с гуанинами (Ц—Г) [2, 15].

Содержание ДНК определяется в количествах пар оснований (нуклеотидов). В любой человеческой клетке таких пар оснований — $2,8 \times 10^9$ но каждая пара может иметь два варианта состояний: А — Т или Ц — Г, следовательно, **максимальный объем информации, которую может содержать клетка, составит $5,6 \times 10^9$ бит.** Многие авторы считают, что реальный объем информации в клетке меньше за счет избыточной, бессмысленной информации, шумов и так далее [9, 20, 21].

Объем информации, который может содержать клетка, достаточно велик, он эквивалентен содержанию информации в библиотеке, состоящей из 2000 томов. Но достаточно ли этого для того, чтобы обеспечить формирование и развитие такого сложного организма как человек? Для того, чтобы уяснить себе это, обратимся к производству нового организма, так как при этом происходит передача концентрированной информации от родителей к потомству, причем вся эта информация должна быть сосредоточена в единственной оплодотворенной половой клетке.

При вегетативном размножении в воспроизводстве новой особи участвует только материнский организм, поэтому информация, передаваемая по наследству, должна повторять с определенной степенью приближения материнскую. При половом размножении в процессе воспроизводства участвуют отцовский и материнский организмы. Поэтому потомство получает смешанный комплекс информации. Поскольку соотношение частей этого комплекса может быть различным, то потомство от одной и той же пары может быть отличным друг от друга.

Несколько иначе обстоит дело при рождении одноклеточных близнецов. В этом случае оплодотворяется только одна яйцеклетка, но затем она делится на две и из каждой из них развивается самостоятельная особь. Следовательно, одноклеточные близнецы будут обладать одинаковым соотношением материнской и отцовской информации, одинаковыми объемами первичной информации.

Анализируя подобие одноклеточных близнецов, можно оценить информационные возможности клетки. Чем больше сходство одноклеточных близнецов, тем больший объем информации должна нести клетка. Одноклеточные близнецы всегда однополые, как две капли воды похожи друг на друга, имеют одинаковые характеры и склонности, обычно болеют одинаковыми болезнями, как правило умирают примерно в одно и то же время, с разницей всего в несколько месяцев, одинаково реагируют на лекарственные препараты и так далее. Даже папиллярные линии у одноклеточных близнецов совпадают в 92 % случаев [1, с. 393—398]. Но не только внешнее и биологическое подобие характерно для них. Еще более невероятна схожесть их поведения и образа жизни.

Однажды полиция США столкнулась с загадочным явлением. В двух, далеко отстоящих друг от друга штатах, одновременно стали регистрироваться совершенно одинаковые преступления. Взламывались сейфы одним и тем же способом, сходны были и другие детали преступления, вплоть до отпечатков пальцев преступников. Было похоже на то, что действует один и тот же человек, но физически такое было невозможно.

Загадка разрешилась только после задержания преступников. Ими оказались одноклеточные близнецы, волей судеб изолированные друг от друга при рождении. Они воспитывались в разных семьях и не знали о существовании друг друга. Однако оба в одно и то же время стали преступниками, избрали одну и ту же «специальность» и действовали одинаковыми методами.

В другом случае два одноклеточных близнеца, разлученные в детстве, встретились только в 39 лет. И тогда выяснилось, что оба были дважды женаты, у обоих первые жены были Линдами, а вторые — Бетси. Своих первенцев оба назвали Джемсами, а собак Тайами. Оба имели автомобили «Шевроле» одной и той же марки и одного и того же цвета. Оба любили мастерить по дереву и отдыхали в одном и том же месте штата Флорида.

Подобные примеры можно было бы продолжить, но, видимо, такие случаи следует рассматривать не просто как совпадения, а как схожесть поведенческих программ, заложенных в половых клетках, определяющих формирование и развитие одноклеточных близнецов. Но чем больше подобие, тем больший объем информации необходимо передать потомству.

Но и этим не исчерпывается объем информации, который должна содержать клетка. Оказывается, что клетка должна содержать не одну программу развития человека, а целый пакет программ, причем выбор реализуемой определяется внешними условиями, в которых развивается организм. Так, например, исследования Б. М. Медникова показали, что, при определенных условиях, из яйца кузнечика может появиться саранча и наоборот [16,17].

Итак, половая клетка должна содержать объем информации, обеспечивающий:

— формирование организма, содержащего 10^{15} — 10^{16} (для человека) клеток с высокой степенью точности соответствия с заданной программой (подобие одноклеточных близнецов);

— реализацию дифференциации клеток по их типам и определение места каждой клетки во взаимодействии с другими в пространстве и времени, соблюдение последовательности формирования органов, выполнение программы возрастного развития;

— передача по наследству пакета неиспользуемых программ (гипотеза Медникова);

— передача по наследству большого количества безусловных рефлексов, без чего невозможно существование организма.

Из приведенного перечня следует, что при оценке объема информации приходится учитывать еще пути ее реализации, а это выдвигает новые проблемы.

В соответствии с открытием А. А. Заварзина, эволюция тканевых клеток организма имеет строго определенную тенденцию: по мере усложнения организма все больше проявляется взаимосвязь клеток с организмом в целом, они все больше теряют самостоятельность и в своих проявлениях от какой-то **единой внеклеточной регулирующей системы.** Что это за система, современная наука объяснить не может, но существования ее не отрицает [1, с. 334, 335].

Рассмотрим такой удивительный момент. При развитии организма происходит дифференциация клеток, образуются костные, нервные и другие клетки. Каждый вид клетки имеет свою особенную структуру. По мере дальнейшего развития клетки делятся, появляются новые клетки, но при этом соблюдается правило, что костная клетка может образовать костную, нервная — нервную и так далее. Но вместе с тем каждая клетка несет полную информацию о всем организме как о едином целом. И при определенных условиях клетка (например, клонинг) вновь обретает полную память, как бы вспоминает забытое.

«... Соматические клетки животных эволюционируют как субъединицы целостного организма. Отсюда ясно, что принцип был бы нарушен, если происходило бы постоянное превращение одних клеток в другие... Взаимодействие клеток тканей и **надклеточных регулярных систем** (подчеркнуто нами) основано на компетентности, т. е. восприимчивости клеток к регуляционным влияниям. Фактически **все основные функции дифференцированных клеток контролируются организмом** (подчеркнуто нами). [1, с. 334—335]

Итак, предполагается существование «надклеточных» регуляционных систем. Тогда остается предположить, что эти над- или внеклеточные системы должны управляться каким-то единым координирующим центром, **«пока не выясненным программирующим механизмом»**, как назвал его Вулридж, который должен обеспечивать реализацию пакета программ создания и развития организма с передачей команд и получения информации об их исполнении [5, с. 127].

К необъяснимым противоречиям относится и то, что до сих пор не удалось выявить

носителя вновь приобретенной и воспроизведенной информации [28].

Вновь приобретенная информация — это информация, которая воспринимается организмом в течение жизни из окружающей среды через органы чувств.

Воспроизведенная информация — это информация, созданная самим субъектом в результате его умственной деятельности (продукт процесса мышления).

По оценке Джона фон Неймана за 60 лет жизни (2×10^9 секунд) человек получает через органы чувств $2{,}8\times10^{20}$ бит информации, что соответствует $1{,}4\times10^{11}$ бит в секунду (140 млрд.). Другие авторы называют меньшие значения, но во всяком случае не менее 10^9 бит в секунду или 10^{18} бит за 60 лет жизни [5, гл. 9].

К этому нужно добавить еще и воспроизведенную информацию. В этом случае общий объем информации за 60 лет жизни составит не менее 10^{22} — 10^{25} бит. Но вся ли эта информация сохраняется на всю жизнь? Из повседневного опыта мы знаем, что значительный объем вновь приобретенной и воспроизведенной информации нами забывается.

Но оказывается, что это еще не значит, что полученная информация исчезает бесследно. Опыты опровергают такое мнение.

Оказывается, что при определенных условиях все «забытое» может быть восстановлено. Так, опыты Пенфилда, который вводил электроды в мозг пациентов и подавал на них низкое напряжение, показали, что в этих случаях подопытные вновь с большей четкостью вспоминали картины забытого прошлого. Согласно Пенфилду, «больные никогда не рассматривали возникающие переживания как воспоминания. Скорее это значило для них вновь слышать и вновь видеть, т. е. снова переживать мгновения прошлого». Так, например, одна женщина слышала голос своего маленького сына, доносившийся со двора вместе с другими звуками — гудками автомобилей, лаем собак и криками мальчишек.

«Когда электрод нейрохирурга, — пишет Пенфилд, — случайно активизирует запись прошлого, это прошлое развертывается последовательно, мгновение за мгновением. Это несколько напоминает работу магнитофона или демонстрацию киноленты, на которой как бы запечатлено все, что человек некогда осознавал, то, на что он обратил внимание в тот промежуток времени. Здесь отсутствуют впечатления, которые он не замечал, разговоры, к которым не прислушивался» [5, с. 236—237].

Подобные явления могут быть воспроизведены и с помощью гипноза. Так, например, 60-летний каменщик под гипнозом мог описать отдельные кирпичи в стене, выложенной им в возрасте 20—30 лет. Описанные им неровности можно было проверить, и они оказались там на самом деле [5, гл. 9].

Эти эксперименты позволяют утверждать существование абсолютной памяти. Информация не исчезает бесследно, она полностью сохраняется до конца нашей жизни, только мы не умеем ею пользоваться. А если так, то возникает вопрос, где же эта информация хранится? Напрашивается ответ: в коре головного мозга. Посмотрим, насколько это реально.

Человек имеет 10^{10} нейронов (10 млрд), из них 9 миллиардов — это так называемые вставочные нейроны, выполняющие связующие функции, но если даже предположить, что все без исключения нейроны используются для хранения информации (чего, конечно, быть не может), то и в этом случае на каждую нервную клетку придется по 10^{12} — 10^{15} бит информации. Но реальный объем информации, который может хранить клетка, не превышает 10^9 бит, кроме того, любая нервная клетка, как и любая другая, несет полную информацию об организме. Таким образом, практически разместить информацию негде.

Есть и другое доказательство несостоятельности такой гипотезы. Это случай, происшедший с английским рабочим Финеасом Гейджем в сентябре 1848 года [5, гл. 8].

В результате неосторожности при взрывных работах, металлический стержень, длиной более метра и диаметром около трех сантиметров, вошел в левую щеку Гейджа и вышел около темени, пронзив мозг. В течении часа Гейдж находился в бессознательном состоянии, но потом пришел в себя и был направлен в больницу. Через некоторое время он оправился и вышел из больницы со сквозным отверстием в голове.

После несчастного случая Гейдж прожил еще 12 лет и умер по причине, не связанной с полученной травмой. После его смерти было произведено вскрытие и тщательное исследование мозга. Выяснилось, что не только левая лобная доля подверглась тяжелому повреждению, но травма распространилась и на правую лобную долю. Самым удивительным в этой истории было то, что после получения столь серьезной травмы мозга, Гейдж полностью сохранил память, не произошло сколько-нибудь существенного изменения психики. Было только изменение характера. До травмы Гейдж был спокойным и уравновешенным, после травмы — невыдержанным, грубым, мало считался с другими людьми.

После случая с Гейджем были проведены многочисленные опыты с обезьянами. Выяснилось, что удаление одной из лобных до-

лей не оказывает существенного влияния на поведение животных и их способности и только при удалении обеих лобных частей у шимпанзе наблюдалось снижение способностей к выполнению сложных задач. Все эти факты позволяют усомниться в справедливости широко распространенного мнения о том, что мозг является местом хранения и накопления вновь приобретенной и воспроизведенной информации.

И еще об одном очень существенном противоречии. Объем информации, которую может нести клетка, зависит от количества нуклеотидов — первичных носителей информации. Чем больше нуклеотидов, тем больший объем информации можно разместить в клетке. Но чем сложнее организм, тем больший объем информации нужен для его формирования. Таким образом, логично предположить, что чем совершеннее организм, тем большее число нуклеотидов должны содержать его клетки. Однако в действительности это далеко не так.

Оказывается, что информационная емкость клеток человека практически эквивалентна информационной емкости клеток мухи или таракана и значительно меньше этого показателя у некоторых рыб и большинства земноводных. Так, например, информационная емкость клеток саламандры в 60 раз больше, чем у человека [12].

3. ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Все перечисленное заставляет предположить, что информация, заложенная в клетке, не отражает действительного информационного комплекса, который определяет формирование и функционирование биологического организма. Волей-неволей приходится допустить вероятность существования какой-то внеклеточной информации, которая по объему и совершенству значительно превосходит возможности молекул ДНК. Это становится актуальным особенно при осмыслении экспериментов с экстрасенсами. Видимо, пришло время коренного пересмотра основополагающих взглядов современной биологии.

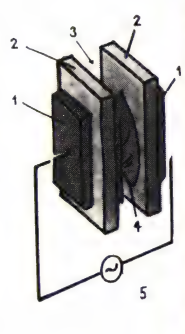
Впервые попытался как-то оформить эту идею еще в конце прошлого века австриец П. Вейс. Он высказал идею о существовании морфогенетического поля. В дальнейшем эта идея была развита у нас А. Г. Гурвичем и Н. К. Кольцовым, сейчас в этом направлении работают Ю. Г. Симаков и другие ученые [8,23,24].

В последней редакции концепция морфогенетического поля выглядит следующим образом. Каждая клетка организма обладает индивидуальным морфогенетическим полем, которое несет в себе информацию обо всем организме и программу его развития. Поля отдельных клеток объединяются в единое морфогенетическое поле организма, которое обволакивает и пронизывает этот организм, находится в постоянной связи с каждой клеткой и управляет всеми операциями по формированию и функционированию как каждой клетки, так и всего организма в целом.

По этой концепции носителем информации является уже не ядро клетки, а ее морфогенетическое поле. ДНК только отражает функционирование этого поля, а оно непрерывно изменяется, отражая динамику развития организма. Таким образом, концепция морфогенетических полей строится на тезисе о существовании внеклеточной, «объемной» информации. С этой точки зрения морфогенетическое поле отвечает требованиям, предъявляемым к неизвестному программирующему механизму, о котором писал Вулридж.

Возможным доказательством существования морфогенетического поля может оказаться **«эффект Кирлиана».** Если биологическую структуру поместить между двумя диэлектрическими пластинами в высокочастотном электрическом поле, то наблюдается свечение короны вокруг его контура. Оно наблюдается визуально и может быть сфотографировано. Интенсивность свечения и его цветовая гамма определяются состоянием биологического объекта. [32].

Если сорвать лист и удалить его часть, то на фотографии, сделанной по методу Кирлиана, появится полный контур листа вместе с удаленной частью (рис. 1).

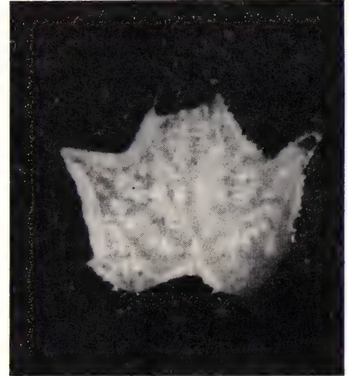

Рис. 1. Эффект Кирлиана:

1 — электроды; 2 — диэлектрические пластины; 3 — разрядный промежуток; 4 — объект; 5 — высокочастотный генератор.

Введение понятия «морфогенетическое поле» не дает ответа ни на один из поставленных вопросов. Оно только постулирует, и это очень важно, реальность существования внеклеточной информации, связь ее с генетической памятью и наличие «чего-то», что объективно существует, но механизм действия этого «чего-то» по-прежнему остается нами непонятым.

Интересную гипотезу и объяснение ряда изложенных противоречий выдвигает В. В. Налимов. Он предполагает наличие «полей сознания», существующих вне человека и независимо от него. Налимов пишет:

«... Можно задать вопрос — как можно представить себе механизм, с помощью которого человек подключается к непрерывным потокам образов? Можно подумать, что механизм континуального мышления носит аналоговый характер в отличие от рефлективного логического мышления, за которое должен быть ответственен механизм дискретного устройства (последний должен допускать существование биологических носителей дискретных знаков — некоторого аналога носителей генетического языка). Человек в каком-то глубоком смысле мыслит всем своим телом» [19].

«Осмысливание всего многообразия сведений о роли измененных состояний сознания в интеллектуальной жизни позволяет снова поставить вопрос о том, является человек творцом континуального мышления или только приемником тех потоков, которые протекают вне его. Если справедливо второе предположение, то все усилия человека, направленные на восприятие этих потоков — медитации, прием психодинамических средств, участие в мистериях или, наконец, умение задавать себе вопросы на языке дискретных представлений и ждать на них ответа — все это только различные способы настраиваться на прием» [19].

Итак, Налимов считает, что «... континуальные потоки находятся вне человека, но не вне человечества...», т. е. он подразумевает внеклеточную форму существования информации, причем предполагает, что эта информация не дискретная, а аналоговая и существует независимо от биологических структур (человека, животного), но эти биологические структуры обладают способностью подключаться к этому резервуару независимо от существующей информации и частично использовать ее.

В этом отношении Налимов по своим взглядам очень близок к швейцарскому психологу Ю. К. Юнгу, который считал, что «... прогресс состоит в подготовке сознания и к восприятию идей откуда-то извне его протекающих потоков». В качестве подтверждения своей концепции Налимов ссылается на то, что «... некоторые серьезные математики глубоко убеждены в том, что они в своей творческой деятельности не изобретают, а открывают реально и независимо существующие абстрактные структуры».

Если сопоставить концепцию морфогенетических полей с концепцией полей сознания, то не трудно отметить их родственный характер. Обе они очень абстрактны, но концепция полей сознания более объемна.

В последнее время в литературе, по телевидению и в повседневной практике широкое распространение получило понятие «биологическое поле» или «биополе». На него возлагается ответственность за многие явления, которые не могут быть объяснены современной наукой. Причем это понятие трактуется по-разному. Все это вносит солидную путаницу, хотя и придает рассуждениям определенную наукообразность.

В этой связи нужно заметить, что само понятие «поле», введенное Ньютоном еще 300 лет назад, обозначает только область, в которой проявляются некоторые физические явления. Если это понятие не дополняется математическим описанием характеристик поля, то оно становится просто бессмысленным, поскольку не раскрывает ни природы, ни механизма действия явления, ни даже характера его распространения в пространстве.

Ньютон не только ввел понятие гравитационного поля, но и математически описал его. Что же касается биополя, то пока никому еще не удалось ни математически его описать, ни выявить его характеристики, ни определить закономерности его распространения в пространстве. Поэтому понятие «биополе» превращается в полнейшую абстракцию, существование которой вызывает серьезные возражения.

4. ИНФОРМАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Для того, чтобы сформировать объективную модель информационного комплекса необходимо выявить, какими качествами он должен обладать. Эти качества будут следующими:

1. Содержать очень большой объем информации как генетической, так и вновь приобретенной и воспроизведенной.

2. Обладать способностью накапливать эту информацию при жизни и сохранять ее после смерти особи.

3. Выполнять распорядительные функции, необходимые для формирования и функционирования живого организма.

4. Получать информацию о состоянии и

деятельности организма, воздействии окружающей среды и результатах выполнения команд.

5. Иметь способность обмениваться информацией с другими структурами и информационными комплексами.

6. Выполнять все связи вне зависимости от расстояний.

Поскольку понятие «поле» мало пригодно для обозначения информационного внеклеточного комплекса, поэтому это «нечто», которое мы постараемся смоделировать, будем пока условно называть **информационно-распорядительной структурой (ИРС)**. Почему именно так? Да потому, что это «нечто» является носителем информации и выполняет распорядительные функции по формированию и функционированию организма. Не будем пока задумываться над тем, где и как размещается эта информационно-распорядительная структура и как осуществляется ее связь с клетками организма. Постараемся пока создать чисто теоретическую модель [26, 28].

Предположим, что такая ИРС ограничивает сферу своего действия только рамками одного организма, и что каждый организм или биологическая структура (БС) имеет обязательно собственную ИРС. Если это так, то возникновение новой ИРС происходит при половом размножении в момент зачатия, при слиянии женской и мужской половых клеток и образовании зиготы. До этого половые клетки были связаны с соответствующими ИРС, мужской — ИРС-М и женской — ИРС-Ж (рис. 2). Образовавшаяся новая ИРС-П (потомства) осуществляет управление делением клеток и определяет развитие и формирование нового организма в соответствии с новой, образовавшейся программой ИРС-П. Этот процесс можно проследить по серии схем на рис. 3.

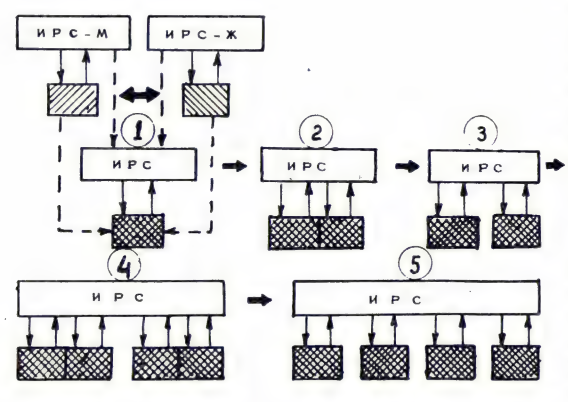

Рис. 2. Формирование информационно-распорядительной структуры.

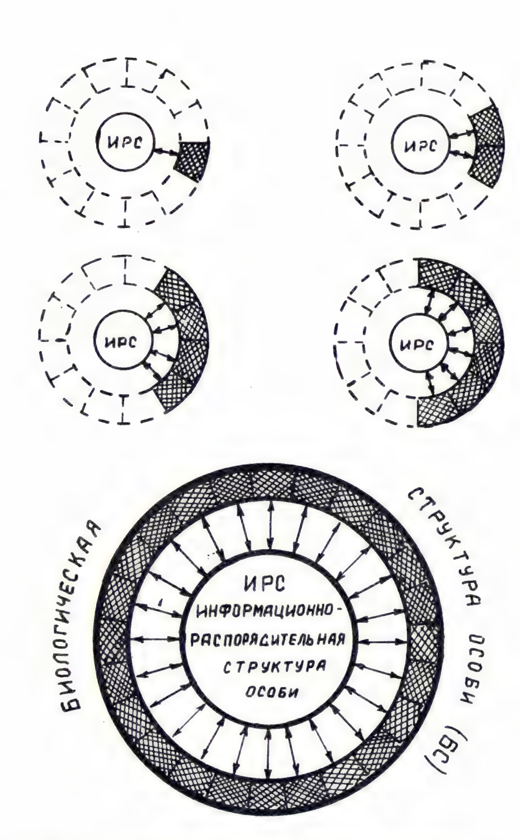

Рис. 3. Формирование организма информационно-распорядительной структурой.

Строго говоря, такой завершенной структуры организма, как показано на рис. 3, не получится никогда, так как живой организм постоянно видоизменяется, происходит непрерывное образование новых клеток и отмирание старых.

Если мы завершим построение нашей модели этой стадией, она, в лучшем случае, будет соответствовать структуре морфогенетического поля и пункты 2 и 5 предварительных условий не будут выполнены. Модель должна обладать еще двумя свойствами. Во-первых, эта ИРС не должна быть полностью замкнутой, должна существовать возможность связи с другими биологическими структурами и, во-вторых, структура должна сохраняться после гибели биологической структуры.

Поэтому, исходя из экспериментальных данных, можно предположить, что, несмотря на то, что каждая биологическая структура имеет собственную автономную ИРС, эти ИРС на более высоких уровнях контактируют друг с другом и формируют новые ИРС на более высоком уровне. Такой пример приводится на рисунке 4. Погибшая биологическая структура показана на схеме штрих-линией, но ее информационно-распо-

рядительная структура сохранилась. Получая информацию от умершего человека, экстрасенс каким-то образом через общую ИРС, связывает свою ИРС с ИРС умершего.

Проявления связи через общие ИРС довольно широко распространены. Например, нередки случаи, когда люди чувствуют несчастье или смерть близкого человека, это чувство нередко фиксируется на значительном расстоянии. Можно предположить, что такой вид связи свойственен каждому человеку, но это качество не развито у большинства людей. Было замечено, что иногда имеют место случаи обострения подобных свойств, особенно после тяжелых мозговых травм, поражений ультразвуком и некоторых других заболеваниях.

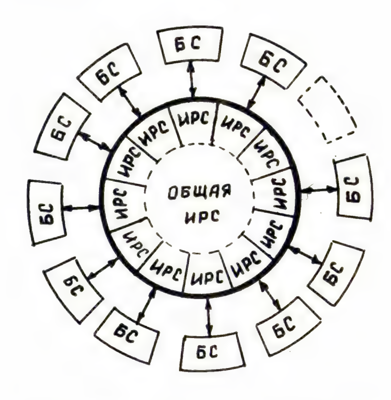

Рис. 4. Формирование общей ИРС.

У экстрасенсов это чувство значительно сильнее, чем у большинства людей. Это позволяет им значительно проще выходить на ИРС других людей, как умерших, так и живых. Нечто подобное обнаруживается и у животных. Особенно сильно такие качества развиты у коллективных насекомых — пчел, муравьев и других. Обратимся хотя бы к пчелам. Они живут большими семействами — роями. Генерация потомства осуществляется только маткой, которую оплодотворяют трутни. Рабочие пчелы потомства не производят. Практически контакты с окружающей средой осуществляются только через рабочих пчел, но это воздействие может привести к изменению наследственности всего пчелиного роя. Следовательно, между рабочими пчелами и маткой существует какая-то незримая связь. Вне этой связи, вне этого воздействия пчела жить не может и обязательно погибает.

Взаимосвязи информационно-распорядительных структур на разных уровнях не однородны. Видимо, существует определенная иерархия, которая определяет характер этих связей. Так, например, близкие люди

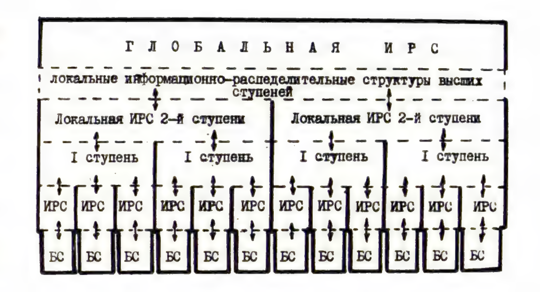

Рис. 5. Иерархия и ступени ИРС.

предрасположены к взаимосвязи, это, видимо, первая, низшая ступень таких связей, вторую ступень могут образовывать взаимосвязи между, например, людьми одной национальности или района обитания и так далее.

Поэтому общую информационно-распорядительную структуру можно представить себе, как иерархическую структуру, состоящую из различных ступеней или уровней (рис. 5). Каждая автономная биологическая структура (БС) постоянно связана с индивидуальной ИРС. Индивидуальные ИРС объединяются локальными ИРС первой ступени, к ним относятся родственные или близкие организмы. Далее следуют локальные ИРС второй ступени и так далее. Все это завершается глобальной информационно-распорядительной структурой, которая объединяет все живое во Вселенной. Конечно, показанная на рисунке 5 структура является условной, реальная действительность значительно сложнее. Вероятно, не существует реального четкого разделения между локальными уровнями или ступенями. Но предложенная структура позволяет уяснить общие закономерности информационной связи между людьми, животными и растениями.

Но вернемся к индивидуальной информационно-распорядительной структуре. Постараемся представить себе, какова эта структура, из каких элементов она состоит, каковы могут быть связи между этими элементами. Это сделать очень трудно, так как для нас ИРС представляет собой «черный ящик», о содержании и построении которого можно судить только по внешним проявлениям.

Информационно-распорядительные и биологические структуры не могут рассматриваться раздельно, это условное деление, это две стороны одного и того же явления. Биологическая структура отражает хорошо знакомую нам видимую часть организма, а ИРС — более глубокую, невидимую и плохо еще познанную часть.

На рисунке 6 приводится вариант построения информационно-распорядительной структуры и связи ее с биологической струк-

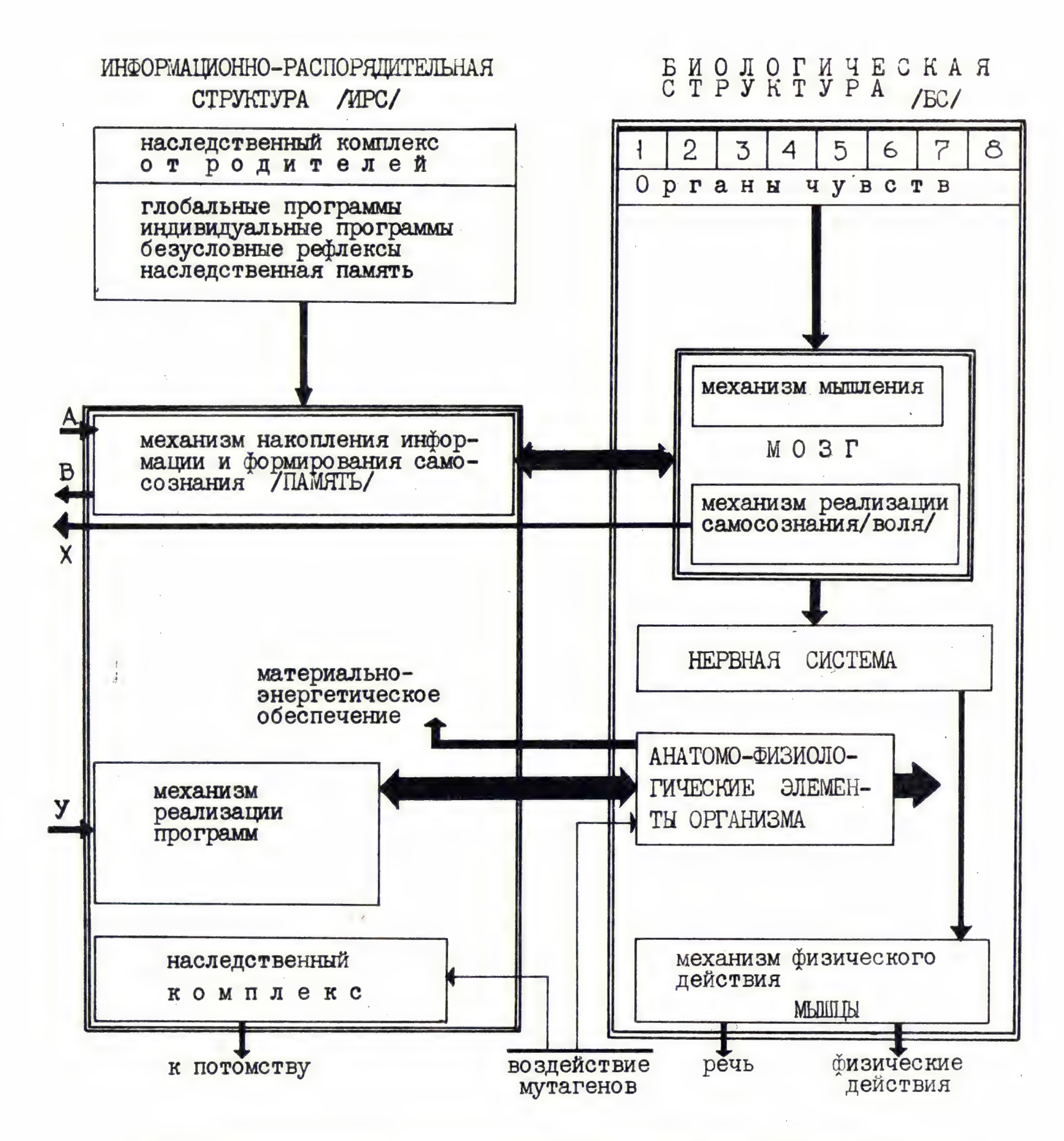

Рис. 6. Биологическая и информационно- распорядительная структуры человека.

турой. Этот вариант не претендует на истину в последней инстанции, это предварительный гипотетический вариант, базирующийся на очень скупых данных, которые удалось получить в результате экспериментов и теоретических исследований. Этот вариант структуры позволяет разработать рабочие гипотезы для проведения дальнейших исследований.

Образование информационно-распорядительной структуры начинается с формирования комплекса наследственной информации, которая поступает от родителей. По наследству передаются глобальные и индивидуальные программы развития, безусловные рефлексы и наследственная память. Этот комплекс является основой механизма накопления информации и формирования самосознания особи и проявляется в функционировании мозга особи. Поэтому этот комплекс составляет с мозгом единое целое.

Вместе с тем, между этими элементами существует и определенное функциональное различие. Комплекс памяти и самосознания является носителем информации, а мозг активно воспринимает, перерабатывает, реализует информацию и самосознание и питает память новой информацией. Таким образом, мозг не может выполнять свои функции без информации и программ, заложенных в комплексе, а комплекс не может видоизменяться без деятельности мозга.

В мозг поступает информация из окру-

жающей среды через органы чувств. Считают, что человек обладает пятью органами чувств, но можно предположить, что не все еще органы чувств развиты и проявлены, поэтому на схеме условно показаны дополнительно несколько предположительных рецепторов.

Мозг содержит механизм мышления и механизм реализации самосознания. Механизм мышления на базе наследственных программ, наследственной и вновь приобретенной информации формирует воспроизведенную информацию, которая с одной стороны передается ИРС, а с другой используется механизмом реализации самосознания. Эта информация определяет разумную деятельность особи, проявление ее воли, которая реализуется через команды нервной системы, передаваемые к мышечной структуре особи, а она, в свою очередь, определяет физические воздействия особи на саму себя и на окружающую среду.

Формирование и развитие организма осуществляется в соответствии с программами, передаваемыми по наследству. Эти функции выполняются с помощью механизма реализации программ ИРС, которые двухсторонне связаны с каждой клеткой организма. Некоторые глобальные программы могут не реализовываться в данном поколении, а передаваться по наследству последующим.

Механизмы накопления информации, формирования самосознания и реализации программ ИРС представляют собой нечто подобное магнитной пленке, на которую записана определенная информация, но использование ее и пополнение требует некоторых материально-энергетических затрат и специального устройства (например, магнитофона). Эти функции выполняют элементы биологической структуры. Поэтому активная деятельность ИРС проявляется только при условии существования и биологической структуры.

При определенных условиях возможны активные воздействия механизма реализации самосознания на объекты за пределами собственной биоструктуры, то есть на ИРС других особей. Это воздействие осуществляется по каналу «X». По этому каналу может осуществляться выбор объекта и передача ему команд и информаций. Восприятие этих воздействий осуществляется по каналам «У« и «А», отбор информации — по каналу «В». Каналы «X» и «У» функционируют только у ИРС, находящихся в активном состоянии.

При всех условиях механизм накопления информации и формирования самосознания представляет собой автономную, но вместе с тем частично разомкнутую структуру, допускающую взаимосвязи с другими ИРС. Эти связи осуществляются по каналам «А» и «В». По этим каналам накопленная информация может быть считана посторонним активным партнером, например, экстрасенсом; а если ИРС находится в активном состоянии, то по каналу «А», при определенных обстоятельствах, может накапливаться информация извне.

Для осуществления связи между индуктором (экстрасенсом) и реципиентом необходимо формирование канала связи. Это может быть осуществлено тремя путями.

Первый вариант — инициатором формирования канала связи является индуктор.

Второй вариант — инициатором формирования канала связи является реципиент.

Третий вариант — инициатором формирования канала связи являются и индуктор, и реципиент.

Во всех случаях инициатор формирования канала связи должен определить адрес партнера, с которым он хочет вступить в контакт. Это осуществляется либо путем непосредственного восприятия партнера или его голоса, либо с помощью вещесимволов, связанных каким-то образом с личностью партнера. В качестве вещесимволов могут использоваться фотографии, рисунки, тексты, ладанки и другие предметы, а также пищевые продукты (сахар, соль, вода и тому подобное, как-то связанные с личностью партнера).

5. ФИЗИЧЕСКАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ

Для того, чтобы разобраться со многими неясными вопросами биологии, физики, астрономии и других фундаментальных наук, и в том числе определить место размещения ИРС, необходимо разрешить ряд проблем, связанных с пониманием таких основополагающих понятий, как пространство и время. Современная физика считает, что пространство трехмерно, четвертым измерением является время. Эти четыре измерения образуют так называемый четырехмерный континуум, единую систему — «пространство-время». Но исследователям все чаще приходится сталкиваться с явлениями, которые не удается объяснить с позиций четырехмерного континуума.

Это позволяет предположить, что в нашем понимании окружающего мира существует какой-то серьезный пробел мировоззренческого характера. Одним из возможных вариантов решения этой проблемы являются исследования физической многомерности, которые пока еще не получили должного развития.

В соответствии с этой гипотезой четырехмерный континуум не исчерпывает всего многообразия строения и форм существования материи, а является только частным отображением более общего случая. Остановимся кратко на этой гипотезе и некоторых ее следствиях.

Предполагается, что реальный мир обладает не тремя, а значительно большим числом пространственных координат, и время также не исчерпывается одной координатой. На первый взгляд, эта идея кажется совершенно невероятной, она противоречит нашим установившимся взглядам и нашему повседневному опыту. Но это еще не может явиться причиной отказа от рассмотрения этой проблемы, тем более, что все больше и больше фактов нас убеждает в возможной справедливости такого предположения.

Не будем останавливаться на истории этого вопроса, а постараемся очень кратко и популярно изложить основы физической многомерности [4, 7, 11, 12, 14, 18, 22, 28].

Для анализа предположим, что кроме известного нам трехмерного мира, могут существовать двухмерные и одномерные. Это вовсе не значит, что мы предполагаем реальное существование таких систем, речь идет о чисто теоретических выкладках и рассуждениях. В дальнейшем мы несколько подробнее остановимся на правомочности такого допущения.

В одномерном пространстве существует только одно измерение — длина. Условно эту систему можно представить себе в виде линии любой формы. Все, что принадлежит этой системе, будет размещаться на этой линии и только на ней. Расстояние между точками в этой системе можно измерять только по этой линии.

В двухмерной системе существует уже два измерения, эта система представляет собой поверхность, в частном случае плоскость. Если в одномерной системе расстояние между двумя точками всегда одинаково, то в двухмерной системе это расстояние может быть различным. В пределах одной двухмерной системы можно представить себе бесчисленное количество одномерных, которые будут существовать независимо друг от друга. Ведь на плоскости можно нанести сколько угодно линий.

В двухмерной системе предметы будут иметь форму плоских фигур, так же будут выглядеть плоскатики — несуществующие обитатели двухмерных миров, придуманные Гельмгольцем для иллюстрации свойств систем измерения [6]. Плоскатики не могут представить себе третьего измерения и не могут видеть что-либо за пределами плоскости, ограничивающей их мир,

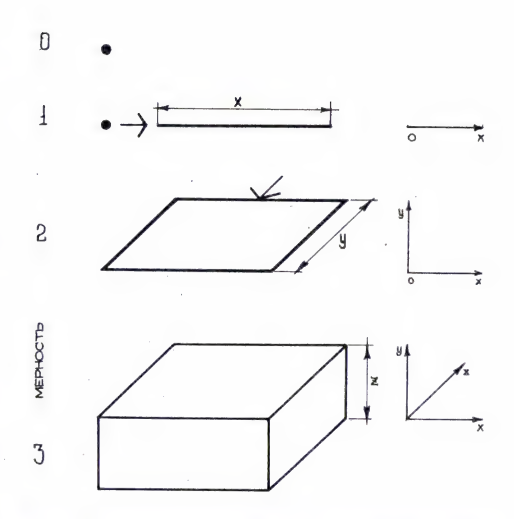

Рис. 7. Взаимосвязь между ступенями измерения.

не могут судить об искривлении их мира в третьем измерении. Для них будет все равно, представляет ли собой двухмерная система плоскость или поверхность сложной конфигурации, например, поверхность шара.

Зависимость между системами измерения иллюстрируется на рисунке 7. Точка представляет собой нульмерную систему, она не имеет измерений. Если точку перемещать, она образует линию — одномерную систему, с одной координатой — осью X. При перемещении линии образуется двухмерная система — плоскость, она уже имеет две координатных оси — X и Y. Наконец, при перемещении плоскости образуется трехмерная система — объем, имеющая три координаты — X, Y, Z. Все, что изложено, хорошо нам знакомо и не вызывает возражений.

Гипотеза о многомерности пространства предполагает, что количество пространственных измерений может быть больше трех. Это предположение, естественно, вызывает возражение, так как мы не можем даже представить себе как проявляется хотя бы четвертое пространственное измерение, ведь в соответствии с рис. 7 для формирования четырехмерного пространства необходимо переместить трехмерный объем куда-то, но куда? Наше воображение отказывается представить себе такую возможность, наше сознание монополизировано тремя пространственными измерениями и для четвертого просто не остается места.

Но это еще не может служить доказательством невозможности существования высших измерений. Нельзя забывать о том, что наше восприятие окружающего мира очень ограничено и определяется возможностями наших органов чувств. Когда-то люди не могли поверить, что Земля круглая,

это противоречило здравому смыслу. До изобретения Гуком микроскопа людям в голову не приходило подозревать, что существует множество мельчайших животных, не видимых глазом.

По всей вероятности, нужно отказаться от субъективных впечатлений, а провести объективный анализ, который позволит выявить истину. Выявим закономерности, которые характерны для связи между системами измерения. Для удобства анализа будем оперировать только в пределах известных нам трех пространственных измерений. Можно предположить, что если существуют системы высших измерений, то выявленные связи и зависимости будут справедливы и в этом случае [27, 28, 33].

Любая система высшего измерения может содержать в себе бесчисленное множество систем низшего измерения, которые будут существовать независимо друг от друга. Действительно, на любой плоскости можно разместить бесчисленное количество линий, а в любом объеме бесчисленное количество плоскостей. Если существует четвертое пространственное измерение, то оно может содержать бесчисленное множество трехмерных пространств, существующих независимо.

Второй закономерностью является то, что понятие о расстояниях справедливо только в определенной системе измерения. При переходе к высшей системе измерения эти расстояния могут быть совершенно другими, значительно сокращены или даже сведены к нулю. Представим себе, что на листе бумаги мы имеем две точки, расстояние между ними вполне определенно, но если согнуть лист бумаги (в третьем измерении), то эти точки можно сблизить или даже совместить друг с другом. Это изменение расстояния станет возможно за счет третьего измерения.

Изменение расстояния может иметь место и в разных системах того же порядка, если эти системы имеют разную конфигурацию в высшем измерении: на рис. 8 расстояния М-К разные в системах А и В.

Предположим, что какая-то двухмерная система в третьем измерении представляет собой поверхность шара. Мы уже отмечали, что для плоскатика (двухмерца), обитателя этой системы, кривизна поверхности не будет ощутима, так как он не способен воспринимать третье измерение и все, что с ним связано. Куда бы он ни перемещался, ему всегда будет казаться, что он движется по прямой и непрерывно удаляется от исходной точки. Вместе с тем, он столкнулся с необъяснимым для него явлением: перемещаясь только по прямой и только вперед, он пришел бы опять в исходную точку. Этот эффект понятен только с введением

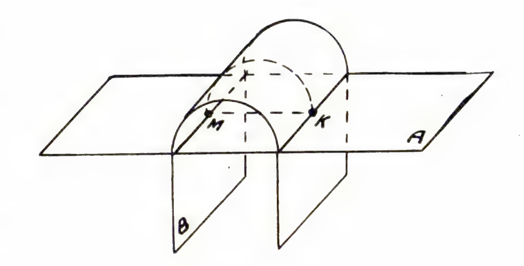

Рис. 8. Разность расстояний в двух двухмерных системах.

третьего измерения, где обнаруживается искривление поверхности.

Если мы захотим в двухмерную систему поместить трехмерное тело, то нам этого не удастся сделать. Мы можем получить в двухмерной системе только сечение или проекцию этого тела. Составить действительное представление об этом теле будет трудно. Предположим, что в качестве такого тела мы используем центробежный регулятор (Уатта). В двухмерной системе он найдет отображение в виде трех независимых круглых тел (рис. 9). Плоскатики, обитающие в двухмерной системе, исследуя эти объекты, не смогут обнаружить видимой связи между этими тремя телами, они смогут констатировать факт, что скорость вращения оси совпадает со скоростью вращения грузов, и что расстояние от оси до грузов (х) будет зависеть от числа оборотов системы. Но почему? По всей вероятности, для объяснения этого им пришлось бы ввести некоторые условные понятия, аналогичные нашему понятию «поле», которые отражали бы реальную действительность, но не объясняли бы природы явления, хотя и поддавались бы математическому описанию.

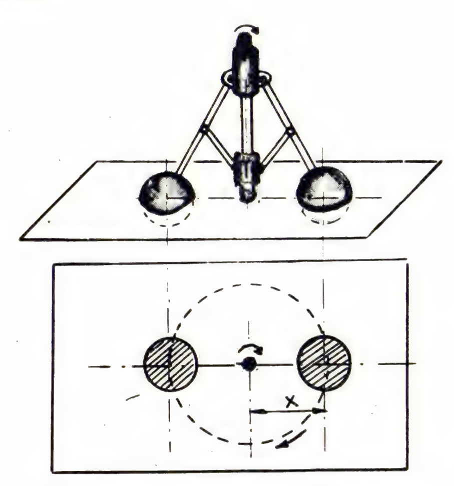

Рис. 9. Трехмерное тело в плоскости.

Постараемся выявить некоторые свойства многомерных систем. В качестве аналога двухмерной системы можно принять лист бумаги. Но как бы он ни был тонок, он все же имеет толщину, то есть третье измерение поэтому при наложении друг на друга нескольких листов мы получаем стопку определенной высоты, кроме того, невозможен контакт между точками, например, первого и третьего листа, так как между ними находится второй лист.

Чисто двухмерные системы не имеют толщины, поэтому при наложении таких систем друг на друга, при любом их количестве, высота (или толщина) комплекса остается нулевой, произойдет как бы совмещение систем, и возможен станет контакт точек всех систем между собой. Из изложенного следует также, что каждый уровень мерности характеризуется определенными качественными свойствами, причем количественное увеличение систем низших измерений в комплексе не определяет качественного перехода к характеристикам высшего измерения.

Чем выше мерность системы, тем совершеннее могут быть составляющие ее элементы, и тем больший объем информации они могут содержать. Поэтому чем сложнее структура, тем более высоких измерений она требует от своего проявления. До сих пор не удалось разгадать природу физических полей. Мы не можем объяснить, почему разноименно заряженные шарики притягиваются, а одноименно заряженные отталкиваются, почему расходятся листочки электроскопа. Можно предположить, что полевые явления следует рассматривать как проявление связей в высших пространственных измерениях. А если так, то становится понятно, почему все попытки разгадать тайну полей в рамках четырехмерного континуума не увенчались успехом.

Остановимся еще на одном очень важном свойстве многомерных систем — на возможности свертывания низших систем измерения в высшие. Это свойство проявляется на всех уровнях измерения. Так, например, линия на плоскости может быть свернута в кольцо с бесконечно малым диаметром, то есть практически сведена к точке. Подобные преобразования можно сделать и на других уровнях. Предположим, что существует двухмерная система, представляющая собой плоскость, на которой размещаются не связанные между собой фигуры (рис. 10).

Эту плоскость в третьем измерении можно свернуть в трубку бесконечно малого диаметра. Но толщина ее стенок будет равна нулю, так как двухмерные системы не имеют третьего измерения. Следовательно, если число витков трубки будет стремиться к бесконечности, то ее диаметр будет стремиться к нулю.

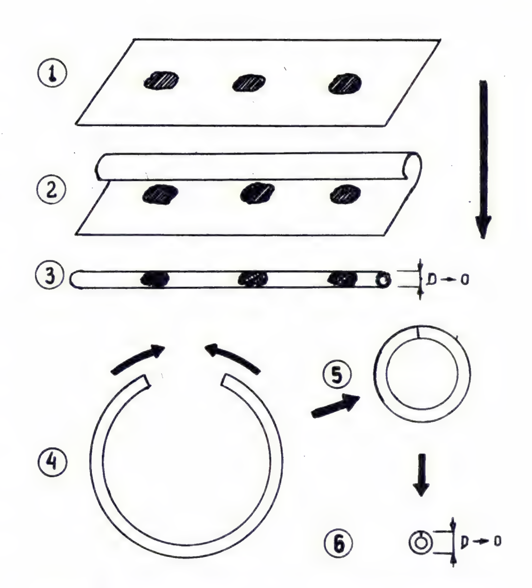

Рис. 10. Свертывание пространства в высших измерениях.

Трубку можно свернуть в кольцо, если ее концы вдвигать друг в друга. В результате образуется тор с бесконечно малым диаметром. Эта фигура, как и в первом примере, будет стремиться к точке. В результате таких трансформаций расстояние между двумя любыми точками на плоскости будет сведено к бесконечно малой величине. Все независимые плоские фигуры окажутся совмещенными и образуют единое целое, хотя структура двухмерной системы остается неизменной. Можно предположить, что такие же закономерности сохранятся и при переходе к системам высших измерений.

Приведенные примеры очень условные и могут рассматриваться только как упрощенные аналогии, позволяющие уяснить принципы, свойства свертывания пространства. В действительности реализация этих свойств проявляется значительно сложнее.

Следовательно, концепция многомерности предполагает, что **система любой сложности может быть сведена к точке.**

Насколько реальна концепция многомерности? Есть ли факты, подтверждающие эту концепцию?

Совеременная астрофизика все чаще и чаще оперирует понятием «искривление пространства». В соответствии с исследованиями Фридмана А. А. плотность вещества во Вселенной определяет кривизну пространства. Но трехмерное пространство ведь может быть искривлено только в четвертом измерении! Идея Фридмана иногда иллюстрируется примером помещения тяжелого

шара на упругой плоскости. Под действием шара плоскость прогибается, что рассматривается как аналогия искривления пространства. Но трехмерный мир в этом случае имитируется двухмерной плоскостью и искривление ее происходит в третьем измерении, высшем для данной системы, а поскольку наше пространство трехмерно, то его искривление должно происходить в четвертом измерении [10, с. 498—506].

Многие парадоксы современной физики так же могут быть объяснены только с позиции признания проявления многомерности. К числу их, например, можно отнести ряд явлений, которые относятся к так называемому дальнодействию. Некоторые физики в своих исследованиях базируются на концепции высших измерений, но пока, большей частью, ограничиваются признанием их проявлений в микромире. Правомерность такого обособления вызывает определенные сомнения и, по нашему мнению, скорее отражает консервативность мышления, чем объективную реальность.

6. МНОГОМЕРНОСТЬ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Каждый живой организм обладает самосознанием, то есть способностью к активному восприятию и взаимодействию с окружающей средой. Если эта среда многомерна, то и восприятие должно отражать в какой-то степени эту многомерность. По собственному опыту мы знаем, что для нас, а по всей вероятности и для животных, существует определенный предел восприятия мерности. Но то, что мы не воспринимаем высшие измерения, вовсе не значит, что этим ограничивается сложность строения мира.

Правильнее предположить, что у нас нет или не развиты органы чувств, позволяющие воспринимать высшие измерения. Вероятно, весь окружающий нас мир в нашем восприятии представляет собой трехмерное отображение более сложных структур, не доступных пока нам. Это обстоятельство позволяет ввести понятие **«осознаваемый предел мерности»**. Для нас это объем, а для вымышленного плоскатика — поверхность.

В наших рассуждениях мы прибегали к описанию одномерных, двухмерных, трехмерных и так далее систем. Однако такие системы реально не существуют, а приняты нами для разъяснения основных свойств окружающего нас пространства. Это утверждение требует некоторого уточнения. Строго говоря, всякое понятие пространства связано с разумным существом или животным, сознающим определенный предел мерности. Вне этого осознания понятие мерности становится беспочвенным.

Следовательно, **мерность — это форма восприятия объективной реальности, а не сама объективная реальность.** Для пояснения сказанного можно привести такую аналогию. Когда мы входим в темную комнату, то это вовсе не значит, что в этой комнате нет никаких лучей, отражения, поглощения и других подобных явлений. Когда мы говорим «темная», то подразумеваем нашу способность воспринимать излучение определенного типа. Темная комната может оказаться светлой, если оценку производить по рентгеновскому, ультрафиолетовому или инфракрасному излучениям.

Таким образом, эта оценка оказывается субъективной. То же можно сказать и о многомерности. Мир всюду многомерен и предел его мерности нам не доступен, но при оценке мерности мы можем исходить только из своих субъективных восприятий, полученных либо непосредственно через органы чувств, либо с помощью приборов. Поэтому утверждение, что одномерные и двухмерные системы не существуют, справедливо только потому, что нет существ с подобным осознаваемым пределом мерности, во всяком случае нам такие феномены неизвестны. Но мы прибегаем к этому искусственному приему, чтобы раскрыть различные восприятия объктивной реальности существами с различным пределом осознаваемой мерности.

Но вернемся к человеку как к сложному биологическому комплексу. Мы уже выявили, что он представляет собой сочетание биологической и информационно-распорядительной структур, но мы не могли пока определить, где размещена ИРС и как она взаимодействует со всеми клетками организма и с другими биологическими структурами. Было выявлено, что ИРС должна располагать громадным объектом информации, а ее сфера деятельности не зависит от расстояний.

Все эти кажущиеся противоречия можно объяснить только тем, что человек, животное, растение являются очень сложными многомерными структурами, а доступная нашему восприятию биологическая форма является только трехмерным следом этой сложной многомерной структуры, которая нами не воспринимается.

Каждый уровень мерности определяется некоторой информационной насыщенностью. Поэтому при повышении мерности, хотя бы на одну ступень, объем концентрированной информации увеличивается на много порядков. Когда мы рассматривали предельный объем информации, которую может

нести клетка, то мы исходили из ее автономного трехмерного изображения. Если же рассматривать клетку как трехмерный след части более сложного многомерного комплекса, то проблема информационной емкости приобретает совершенно иной характер.

Отпадает необходимость рассматривать клетку как автономного носителя информации и тиражирования одной и той же информации по числу клеток. Реальной становится концепция существования единого информационного комплекса для всего организма (ИРС), частью которого становится каждая его клетка. А свойство свертывания пространства объясняет, каким образом осуществляется непосредственная связь между всеми элементами организма, а так же иерархические связи между автономными биологическими структурами (см. рис. 5). Можно предположить, что иерархические связи определяются уровнями, на которых происходит свертывание.

Поясним это на простейших аналогиях. Для этого снизим все связи на несколько уровней. Допустим, что биологическая структура одномерна, каждый человек представляет собой линию, которая состоит из множества маленьких черточек — клеток, которые не связаны между собой. Но на плоскости (во втором измерении) эта линия свернута в кольцо и практически сведена к точке. Таким образом, все элементы (черточки), из которых состоит человек, оказываются взаимосвязанными.

Если представить себе, что существует группа людей, то на плоскости ее можно представить, как ряд независимых и не связанных между собой точек. При свертывании плоскости, как это было показано на рис. 10, все эти точки объединяются между собой, образуя единое неразрывное целое и так далее. Конечно, приведенная модель очень примитивна, но она позволяет представить себе как осуществляются многомерные иерархические связи.

Многомерность допускает возможность существования параллельных независимых миров [29,30]. Для того, чтобы осознать их, необходимо повысить осознаваемый предел мерности. Если бы это произошло, то для человека открылись бы тайны высших измерений, он приобрел бы способность воспринимать множество сосуществующих миров во всем их многообразии. Для него стали бы ясными связи между различными явлениями, не понятые нами, многие тайны строения материи, человек мог бы видеть то, что не доступно нам.

Поясним это на двухмерном примере. Если на плоскости начертить круг и поместить туда плоскатика, то он мог бы видеть только то, что находится внутри круга, а если плоскатика поместить вне круга, то он мог бы видеть только то, что находится за его пределами. По его убеждению видеть и то и другое невозможно. Совсем иначе эту картину наблюдаем мы, осознающие три измерения. Мы одновременно можем видеть все, что находится и в круге, и за его пределами.

Для осознания высших измерений существуют очень серьезные препятствия и это не только отсутствие соответствующих органов чувств, но и невозможность восприятия всей информации, которая в этом случае увеличится на много порядков, а наш мозг к этому не подготовлен.

Концепция многомерности позволяет внести некоторую ясность и в такой важный вопрос как содержание понятий жизнь и смерть. До сих пор они не нашли исчерпывающего объяснения. Вопрос этот очень сложный, и мы не имеем возможности подробно остановиться на нем, ограничимся только краткими выводами.

В соответствии с определением Большой медицинской энциклопедии: «... смерть... организмов первично связана с нарушением интегрирующих функций центральной нервной системы». Но эта формулировка практически ничего не объясняет и не определяет момента, когда наступает смерть и какова ее природа [3].

Можно предположить, что единой конечной причиной смерти является нарушение связи между информационно-распорядительной и биологической структурами. Это приводит к прекращению материально-энергетического обеспечения ИРС, а следовательно, и ее активного функционирования. Разрыв связи между мозгом и механизмами накопления информации и реализации самосознания приводит к консервации механизма ИРС, что, в свою очередь, вызывает прекращение функционирования механизма реализации программ. Клетки организма лишаются управляющего и координирующего воздействия. Биологическая структура из единого взаимосвязанного механизма превращается в элементарные химические соединения, никак не связанные друг с другом.

В какой-то степени смерть можно сравнить с прекращением подачи питания на ЭВМ. Машина перестает функционировать, но информация, записанная на дисках или пленке, сохраняется, но не реализуется и не изменяется. Однако есть и отличия в этой аналогии. При прекращении питания сама машина не разрушается и не изменяется, она продолжает существовать и может быть потом включена в работу, так как материальная ее основа не связана с выполняемыми ею функциями.

Иначе обстоит дело с биологической структурой, которая сама является продуктом деятельности ИРС, и при прекращении ее деятельности происходит разрушение биологической структуры. Повторное включение оказывается невозможным. В этом заключается принципиальное отличие живых биологических систем от самых сложных систем, создаваемых человеком.

Можно представить себе следующую картину построения и функционирования живого организма. Основной «целью», если можно так выразиться, живого организма является получение и накопление информации. Эти функции выполняет информационно-распорядительная структура через биологическую структуру, которая необходима для материально-энергетического обеспечения и контакта с внешним миром для получения информации с помощью органов чувств. Поэтому основным направлением эволюционного развития является процесс цефализации, то есть непрерывного совершенствования механизма сбора и обработки информации и прежде всего совершенствования мозга.

Неизбежным элементом этого процесса является смерть, так как эволюционный процесс проявляется только при смене поколений. Однако накопленная при жизни информация продолжает сохраняться и после смерти особи, так как ее носителем является информационно-распорядительная структура, которая продолжает существовать и после смерти особи.

7. НЕВЕРОЯТНОЕ НАХОДИТ ОБЪЯСНЕНИЕ

На основании всего изложенного постараемся кратко объяснить некоторые явления, которые кажутся невероятными [28].

Телепатия — передача информации на расстоянии без применения технических средств. Может быть объяснена контактом особей путем объединения их ИРС в высших измерениях. Причем эта передача может осуществляться на любые расстояния и исключается возможность экранирования канала связи. Чаще всего это явление носит спонтанный характер и выражается в предчувствиях болезни или смерти близкого человека, желаниях кому-то позвонить или написать.

Телепатические способности являются врожденным качеством человека, но они, как правило, очень слабо развиты и не активизируются тренировкой или обучением. Кроме того, эти способности зависят от многих физиологических свойств организма и у разных людей проявляются по-разному. К сожалению, известные системы тренировки и обучения носят эмпирический характер, не имеют достаточно глубокого теоретического обоснования и не учитывают индивидуальных особенностей обучающихся, а поэтому малоэффективны.

Дистанционная диагностика является одной из форм телепатического одностороннего контакта. Она характеризуется определенной направленностью запроса на получаемую информацию. Усилием воли индуктор определяет объект воздействия и с помощью своего выхода «X» подключается к входному каналу «А» реципиента (см. рис. 6). По образовавшемуся каналу передает команду, а если реципиент уже умер, то по тому же каналу подпитывает ИРС реципиента энергией, необходимой для выдачи информации. Отбор информации осуществляется по каналу «В» реципиента и принимается индуктором по каналу «А». Для того, чтобы конкретизировать характер передаваемой команды и поступающей информации, индуктор может использовать вспомогательные действия в виде пассов вокруг фантома и тому подобное, однако это не обязательно и зависит от привычек индуктора или его способностей. Некоторые индукторы используют для этой цели маятник, который перемещают над анатомическим атласом или вдоль тела реципиента, или рамки. Но во всех случаях индуктор обязательно должен видеть или знать, над каким местом находится соответствующее устройство, и таким образом формировать конкретный запрос.

Дистанционное лечение представляет собой дистанционное воздействие индуктора на нервную систему реципиента. Определение объекта воздействия осуществляется либо путем непосредственного восприятия образа или голоса реципиента, либо через вещесимволы. При этом формируется канал связи от выхода «X» индуктора ко входу «Y» реципиента. По этому каналу индуктор передает соответствующую команду механизму реализации программ реципиента, который и осуществляет желаемое воздействие на организм. Его эффективность зависит от способностей экстрасенса и восприимчивости реципиента. Далеко не каждый экстрасенс может реализовать все возможности. В принципе, таким путем могут излечиваться многие заболевания, кроме тех, которые связаны с необратимыми изменениями в организме.

Обычно при лечебном воздействии индуктор осуществляет плавные движения руками около болезненных зон на расстоянии 10—20 сантиметров от тела. При этом больной часто ощущает в этих местах тепло

или легкое покалывание. Это послужило основанием к широкому распространению мнения о том, что руки экстрасенса обладают свойством излучать какую-то энергию, которая воспринимается реципиентом и способствует его выздоровлению. Появились гипотезы о существовании биополей, биоизлучений и других подобных явлений.

Но для таких утверждений, по-видимому, нет достаточных оснований. Подобные эффекты наблюдаются и в том случае, когда индуктор находится на значительном удалении от реципиента, до нескольких сот и даже тысяч километров, а выбор объекта осуществляется, например, по фотографии. Правильнее предположить, что манипуляции руками у тела пациента только обуславливают направленность воздействия, его адресование, а само воздействие осуществляется через ИРС индуктора и реципиента, как это было описано.

Ну, а биополя, существуют ли они? Да, безусловно существуют — это прежде всего температурное поле организма, которое легко регистрируется, подчиняется закону квадратичности и даже фотографируется, возможны и другие разновидности полей. Но все эти локальные образования не несут ответственности за разного рода явления, которые относятся к паранормальным.

Экстрасенсорные способности проявляются спонтанно у наиболее одаренных в этом отношении лиц. Причем большинство из них (если не все) совершенно не понимают, что и как они делают, каков физический смысл этих явлений и выполняемых ими действий. Многие их действия являются часто вообще бессмысленными и сами по себе никакого эффекта не дают, но они позволяют индуктору мобилизовать себя, определить адрес воздействия и так далее. Иногда какая-то молитва или заговор необходимы индуктору, чтобы поверить в эффективность своих действий. Нет ничего удивительного в том, что кажущаяся бессмысленность действий экстрасенсов часто вызывает возмущение и протест у присутствующих, не понимающих существа вопроса.

Экстрасенсорными способностями обладают некоторые лечащие бабушки, знахари, шаманы и даже священнослужители. Используя ритуальные действия, заклинания, молитвы, заговоры и причитания, они добиваются мобилизации своих внутренних возможностей и способны оказать телепатическое воздействие на окружающих. При этом действия этих людей способствуют тому, что присутствующие поддаются внушению и сами начинают подсознательно формировать канал связи реципиент — индуктор, что значительно усиливает результат воздействия индуктора.

Нередки случаи, когда формирование канала реципиент — индуктор вообще оказывается решающим. Это часто имеет место при всевозможных массовых мероприятиях и при передаче сеансов по телевидению.

Гипноз. Явление хорошо известное и достаточно изученное. Широко используется для лечебных целей. Однако, несмотря на это, гипноз еще во многом остается явлением неясным, до конца не раскрытым.

Общепризнанная теория, достаточно подробно разработанная в свое время академиком Павловым, объясняет это явление как воздействие на нервную систему пациента раздражителей, вызывающих торможение отдельных участков коры головного мозга. Справедливость этого утверждения доказывается множеством экспериментов. В ряде случаев гипнотическое воздействие может достигаться и без участия гипнотизера, например, показом гипнотику фильма, прослушиванием магнитной записи и даже определенными световыми и звуковыми эффектами.

Однако не все формы гипноза находят объяснение в рамках общепризнанной теории. Так, например, известны случаи гипнотического воздействия в затылок, когда пациент не подвергается действию известных раздражителей. Еще труднее объяснить случаи гипнотического воздействия на расстоянии, а они, бесспорно, имеют место. И, наконец, случаи, когда в состоянии гипноза гипнотик воспроизводил информацию, которая ему была неизвестна (например, опыты В. Л. Райкова).

Не вызывает сомнения справедливость теории Павлова, но видимо ее нужно понимать значительно шире, чем это делалось до сих пор. Наряду с действием общеизвестных раздражителей необходимо принимать во внимание и то, что воздействие на нервную систему гипнотика могут оказывать и сигналы, поступающие по каналу через информационно-распорядительные структуры, минуя органы чувств гипнотика. Свидетельством справедливости сказанного могут служить, пока еще недостаточно доказанные факты, образования двустороннего канала связи между гипнотизером и гипнотиком и возможности воздействия гипнотика на гипнотизера.

Но такие случаи крайне редки, так как гипнотизер всегда выступает как активный партнер контакта и своей волей подавляет пассивного партнера — гипнотика.

Лозоискательство — охватывает ряд очень разнородных явлений, которые объединяются использованием в качестве индикатора рамки или деревянного прутика. Рамка вращается за счет идиомоторики, то есть подсознательного сокращения мышц

руки, держащей рамку. Однако эти действия могут иметь разную природу.

Лозоискательство широко и успешно используется для поиска подземных вод, залежей ископаемых, металлов и тому подобное. При таком варианте использования рамки, по-видимому, реализуются возможности дополнительного органа чувств, который у человека либо вообще не проявляется, либо развит очень слабо. В результате тренировок по определенной программе это чувство развивается и совершенствуется, и оператор приобретает способность реагировать на проявление определенных состояний окружающей среды. В результате этой реакции происходит непроизвольное сокращение мышц руки оператора, и рамка поворачивается помимо воли оператора. Однако рамка выполняет только вспомогательные функции. При достаточном опыте и способностях оператор может обходиться и без нее, интуитивно чувствуя состояние окружающей среды.

По своему характеру чувство лозоискателя несколько сходно с обонянием. Так же как и обоняние, чувство лозоискателя имеет очень ограниченный радиус действия и зависит от расстояния. Поэтому во время поиска оператор должен непрерывно перемещаться в поисках аномалии, что аналогично поиску предмета по запаху.

Наконец, чувство лозоискательства обладает избирательностью, то есть оператор настраивается на определенный объект поиска и реагирует только на него, тем же, как мы осуществляем поиск по определенному запаху, абстрагируясь от множества других, не интересующих нас. В этой связи следует вспомнить животных, у некоторых из них обоняние развито значительно сильнее, чем у человека. До сих пор не созданы приборы, способные исследовать обонятельные возможности животных, поэтому эта область исследована еще недостаточно. Возможно, что такие исследования позволят раскрыть тайны лозоискательства.

Иногда лозоискательство называют биолокацией, что, пожалуй, не совсем удачно, так как не соответствует природе явления. Локация предусматривает генерирование объектом определенного излучения и восприятие отраженного луча, а при лозоискательстве, в любых формах его проявления, ничего подобного не наблюдается.

Но рамка используется и в других случаях. Мы уже указывали, что с ее помощью может осуществляться диагностика. В этом случае рамка является индикатором и отражает информацию, поступающую индуктору от реципиента.

Конечно, в небольшой статье невозможно достаточно глубоко рассмотреть и обосновать все многообразие явлений известных как аномальные или парапсихологические. Поэтому мы ограничились лишь кратким изложением основных результатов проведенных теоретических и экспериментальных исследований и разработанных при этом гипотез.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в статье изложено только одно направление проведенных исследований, которые велись в более широких рамках, затрагивая ряд смежных областей и проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиханян С. И., Анифьев А. П., Чернин Л. С. Общая генетика. М., Высшая школа, 1985.
2. Бейсон Ж. Генетика. М., Атомиздат, 1976.
3. Большая медицинская энциклопедия. М., 1963, т. 30.
4. Владимиров Ю. С. Пространство — время: явные и скрытые размерности. М., Наука, 1989.
5. Вулдридж Д. Механизмы мозга. М., Мир, 1965.
6. Гельмгольц Г. О происхождении и значении геометрических аксиом, С.-Пб., 1895.
7. Гордиевский Д. З., Лейбин А. С. Популярное введение в многомерную геометрию. Харьковский университет, 1964.
8. Гурвич А. Г. Теория биологического поля. М, Сов. наука, 1944.
9. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М, Мир, 1967.
10. Климишин И. А. Астрономия наших дней. М., Наука, 1986.
11. Кольман Э. Четвертое измерение. М., Наука, 1965.
12. Кузнецов Б. Г. Беседы о теории относительности. М., Наука, 1965.
13. Курмальский Ф., Гашен Г. Организация генома. Сборник статей «Генетика и наследственность», М., Мир, 1987.
14. Левитин К. Геометрическая рапсодия. М., Знание, 1984.
15. Льюин Б. Гены. М., Мир, 1987.
16. Медников Б. М. Аксиомы биологии. М., 1982.
17. Медников Б. М. Размышления об эволюции. «Наука и жизнь» № 9, 1987.
18. Мостепаенко А. М. Мостепаенко М. В. Четырехмерность пространства и времени. М., Наука, 1966.
19. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., Наука, 1979.
20. Равен Х. Огенез. М., Мир, 1984.
21. Рис Э., Стейнберг М. От клетки до атома. М., Мир, 1988.
22. Розенфельд Б. А. Многомерное пространство, М., Наука, 1956.
23. Симаков Ю. Г. Информационное поле жизни. «Химия и жизнь», № 3, 1983.
24. Симаков Ю. Г. Рождение живых форм. «Знание-сила»,№ 3, 1985.
25. Успенский П. Д. Четвертое измерение. С.=Пб., 1914.
26. Фомин Ю. А. Некоторые теоретические обоснования природы ряда аномальных явлений. Тезисы докладов междисциплинарной научно-технической школы-семинара «Непереодические явления в окружающей среде», ч. I, Томск, 1988.
27. Фомин Ю. А. Мы не одиноки. «Днипро», Киев, № 5, 1970.
28. Фомин Ю. А. Мировоззренческие концепции эволюционных процессов. Депонир. рукопись, ВНИТИ, м., 212-289, 1989.
29. Циолковский Э. К. Монизм Вселенной. Калуга, 1925.
30. Циолковский Э. К. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга, 1928.
31. Широков П. А. Краткий очерк основ геометрии Лобачевского. М., Наука, 1983.
32. Шишина Ю. Тайнопись светящихся иероглифов. «Наука и жизнь», № 8, 1974.
33. Fomine Y. A. Aspectes philophiqves di problème des contacts interplanetaires. „Phenomenes Spatioux", ∲ 23, 1970, Paris.

БИОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОИСК

В. В. Докучаев, В. С. Прокопенко

Лаборатория нетрадиционных исследований /«ЛАНИ»/, ШТАБ ВГСЧ УРАЛА, ЦНИЛ МЦМ СССР 20 октября 1989 года на шахте «Капитальная» рудника «Дегтярский» провели эксперимент: «Определение местоположения человека в горной выработке методом биоэнергетического зондирования (БЭЗ)».

Цель эксперимента: промоделировав аварийную ситуацию, установить возможность быстрого определения местоположения людей, скрытых подземной толщей.

В эксперименте участвовали:

1. От «ЛАНИ»: операторы БЭЗ — старший научный сотрудник В. С. Прокопенко, техник В. Г. Суслонов, зав. лабораторией, к. т. н. В. В. Докучаев.
2. От ВГСЧ: командир 5-го ВГСО — А. М. Пилеич и группа бойцов.
3. От ЦНИЛ: зам. начальника, к. г. м. н. С. А. Тимухин.

Эксперимент проводился на подземных горизонтах на глубинах 490 и 550 м. Длина опытного участка квершлага — 100 м. Операторы работали на горизонте 490 м, люди которых предстояло найти — на 550 м. Пространство между отметками 490 и 550 м — монолит, сложенный диабазами и порфиритами.

ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА 1. **(см. схему экспримента, рис. 1)**

1. Четко зафиксировали нуль отсчета по восходящему (замурованному) штреку 0-0 (см. рис. 1); отметили расстояние 50 м Запад и 50 м Восток.

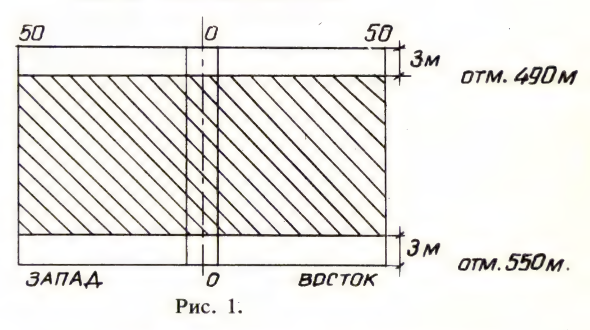

Рис. 1.

2. Группа, которую следовало найти, в составе трех человек (руководитель А. М. Пилеич) спустилась на отм. 550 м, зафиксировала «0» отсчета; отметила 50 м Запад, 50 м Восток, затем произвольно в пределах участка эксперимента выбрала место с координатами 40 м Запад, зафиксировала замером от 0-0 и находилась в обозначенном ею месте 30 минут (с 12 час. 25 мин. по 13 час. 05 мин).

3. Группа поисковиков в составе: В. С. Прокопенко, В. Г. Суслонов, В. В. Докучаев, С. А. Тимухин, один из бойцов зафиксировала «О» по штреку 0-0; отметила 50 м на Запад, 50 м Восток и ровно в 12 час. 25 мин. начала работу на своем горизонте.

Оператор «1» (В. С. Прокопенко), сосредоточившись на поиск человека, от места с координатой 50 м Запад со скоростью примерно 6 км/час направился на указанное место, под которым, по его определению, должны находиться «потерпевшие». На месте 50 м Восток оператор поворачивался и шел до места 50 м Запад. Там оператор отдыхал, а остальные участники замеряли по от-

ношению к 0-0 координаты указанных оператором мест. Затем все повторялось. Оператор «1» прошел участок поиска один раз туда и обратно с Z-образной рамкой и дважды туда и обратно, не пользуясь рамкой. После оператора «1» его путь дважды туда и обратно повторил оператор «2» (В. Г. Суслонов). нов).

Результаты представлены в Таблице 1 и на схеме (рис. 2).

№ п/п	Координаты, указанные оператором, м от 0-0				Оператор Инструмент
	Вперед		Обратно		
	Запад	Восток	Восток	Запад	
1	28,40	17,70	17,70	28,40	«1», Z-рамка
2	13,30	24,20	24,20	13,30	«1», без рамки
328	10	14,80	—	28,10	«1», без рамки
4	24,70	—	—	17,20	«2», Г-рамка
5	19,60	38,80	—	19,60	«2», Г-рамка

Координаты «потерпевших» — 40 м Запад.

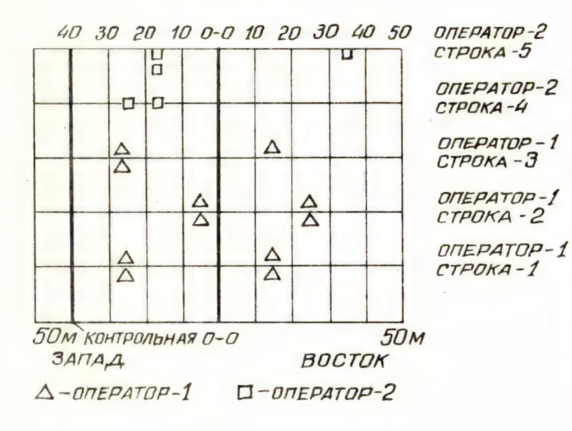

Рис. 2.

ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА 2.

Условия замеров сохранены по эксперименту 1.

1. Проведена перегруппировка участников.

Группа на отм. 490: В. С. Прокопенко, С. А. Тимухин, В. В. Докучаев, один из бойцов.

Группа на отм. 550: В. Г. Суслонов, А. М. Пилеич, двое бойцов.

2. На отметке 550 А. М. Пилеич выбрал место с координатой 9 м Восток. На этом месте остался В. Г. Суслонов. Остальные участники ко времени начала эксперимента (13 часов 18 мин.) вышли за пределы участка 50 м Запад — 50 м Восток.

3. На отметке 490 в 13 часов 18 мин. началась поисковая работа. Оператор «1» с места 50 м Запад со скоростью примерно 6 км/час дошел до места 50 м Восток и вернулся. Затем повторил маршрут. Внутренняя команда оператора: поиск Суслонова. Рамкой оперетор не пользовался.

Результаты эксперимента 2 приведены в Таблице 2 и на рис. 3.

№ п/п	Координаты «потерпевшего», указанные оператором, м от 0-0				Оператор, инструмент
	Вперед		Обратно		
	Запад	Восток	Восток	Запад	
1	—	8,70	8,70	—	«1», без рамки
2	16,40	8,50	8,20	21,30	«1», без рамки

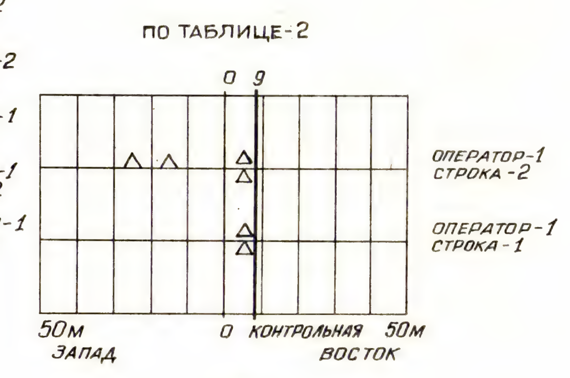

Рис. 3.

ОБСУЖДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Эксперимент 1. 1. Если рассматривать точки, указанные оператором, только на Западе, то погрешность составляет 18%, если учитывать все точки на Западе и на Востоке, то погрешность составит 59%.

2. Следует отметить, что точки на Западе хорошо компануются в зоне 13, 30—28, 40, а на Востоке в зоне 14, 80—24, 20. Был взят геологический разрез

и обнаружилось, что эти зоны ложатся на тектонические нарушения (см. рис. 4). Возникает такое ощущение, что оператор смог «отстроиться» от многочисленных помех (см. рис. 5), но не смог (не обратил внимание на тектонику) «отстроиться» от тектонических нарушений.

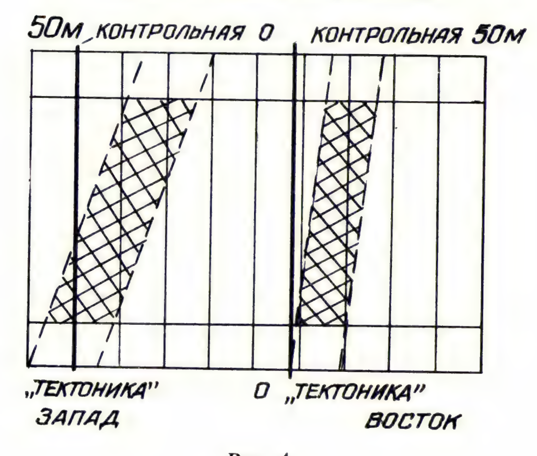

Рис. 4.

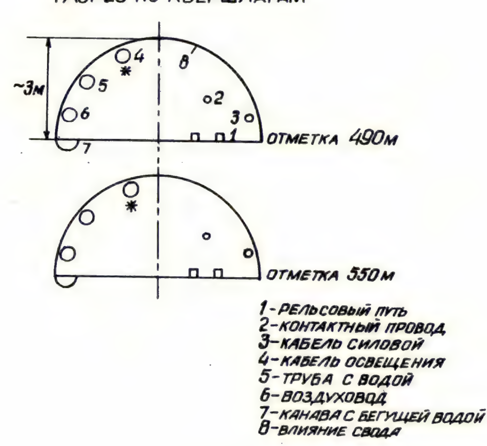

Рис. 5.

Эксперимент 2. Фиксация оператора оператором, даже если учесть «тектонический сбой» на Западе, дает погрешность примерно 10%.

Вывод: Считаем: биоэнергетический способ поиска людей в горных выработках **уникально эффективен** и не имеет аналогов среди известных способов поиска.

Последующие эксперименты будут приближены к реальным ситуациям, возникающим у горноспасателей в аварийных завалах.

ЯВЛЕНИЯ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ПРЕДСКАЗАНИЯ

ЧАСТЬ II

О ПРАКТИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ ВИДОВ ЭНЕРГИИ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Ю. А. АНДРЕЕВ.
Доктор филологических наук, главный редактор «Библиотеки поэта», член правления СП СССР. Руководитель школы и лаборатории психофизического здоровья.

1. КОНКРЕТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ПОСЛУЖИВШИЙ ДЛЯ НАПИСАНИЯ МАТЕРИАЛА

Со 2 ноября по 3 декабря 1986 года включительно (32 дня) мною было проведено лечебное голодание — с полным отсутствием приема пищи. Вес падал сначала быстро, затем этот процесс несколько раз приостанавливался, затем продолжался — более медленно, т. е. вычерчивался своего рода график в виде все более мелких ступенек. Перепад — с 83 кг вначале до 67 кг в последний день, итого примерно ушло 16 кг, т. е. 20% изначального веса. Совершилась замечательная очистка организма от всего не столько лишнего, сколько вредного, потенциально опасного. Индикатором завершения процесса явилось полное очищение языка к вечеру 32-го дня от налета, обретение им цельного, без пятен, ярко-красного цвета. Этот вид он начал принимать на 29-й день утром, но к вечеру вновь выступили налеты, и так несколько суток подряд.

Собственно говоря, об этом конкретном голодании можно было бы и промолчать, если бы не одна отличительная его особенность: оно характеризовалось моим великолепным энергетическим состоянием, полным отсутствием физиологического дискомфорта, прекрасным самочувствием и повышенной работоспособностью. Достаточно сказать, что за все время мне ни разу не пришло в голову и на минуту прилечь при всем чрезвычайно напряженном режиме жизни и работы, в которой я находился. Более того, с крайней неохотой начал я выходить из этого состояния, столь прекрасные ощущения принесло оно как телу (легкость, чистота) так и духу (спокойствие, доброта, полная мобильность мысли).

Все это время продолжались регулярные 40-минутные пробежки (в том числе и на 32-й день) по парку Лесотехнической академии, в очень крутом ритме шла повседневная производственная штатная работа, выполнялись немалые общественные нагрузки, проходили большие ответственные выступления перед крупными аудиториями (в том числе и перед тысячной — на юбилейном вечере М. А. Дудина в Доме офицеров 20 ноября), случилась и очень трудная командировка в Москву 26—27 ноября на конференцию во Всесоюзный Дом детской книги — с заглавным докладом (который надо было сначала и подготовить) о современном состоянии детской литературы, с проведением в ЦК ВЛКСМ 6-часового совещания Всесоюзного Совета КСП (председателем которого я избран) и т. д. За это же время написаны статьи для «Ленинградской правды», для «Литературной газеты», для Библиографического указателя «Библиотеки поэта», для Сборника авторских песен и выполнено немало иных работ, требовавших серьезного внимания (например, авторская доводка большой статьи о В. Высоцком для «Вопросов литературы» и др.).

В данной повышенной энергичности в период полного голодания и заключен главный интерес этого проведенного на себе оздоровительного эксперимента. Дело в том, что перекрыв такой канал поступления энергии, как пища, я подключился к иным, нетрадиционным энергоканалам, использовав их в должной мере, позволил организму пройти прекрасный очистительный цикл, но — в противоположность другим голодающим — испытывая при этом положении не мучения тела и духа, но, напротив, состояние комфорта.

Конечно же, я лишил себя многого, и соблазны окружали меня, но в самом акте **лишения, подавления** содержался для меня великий, даже величайший философский акт. Суть его в том, что основным пороком и искусом как каждого отдельного человека, так и человечества в целом, является жажда гурманства, наслаждения, удовлетворения тех низших потребностей (в том числе и

нравственных), которые прямой дорогой ведут к их незыблемому приоритету по отношению к истинно человеческим ценностям, во-первых, к быстрому преждевременному разрушению физического здоровья, во-вторых (от объедания, температурной изнеженности, отсутствия мускульного напряжения и т. д.). Наша цель — не аскетизм, наша цель — полнота **человеческого** бытия, но именно человеческого, а не преимущественно животного. И тут урок ограничения, который я себе преподал, имел и серьезное нравственное, антропологическое, смею сказать, социально-философское значение.

Трудности самого процесса голодания тоже следует отметить. Объективная: длительное, непривычное лишение очень широкой шкалы тех богатых ощущений, которые несут с собой еда и напитки. Особенно это чувствовалось во время немалого числа застолий. Оскудение эмоциональных поступлений пытался возместить многообразием музыки, используя аппаратуру высшего класса. Субъективная: навязчивые, назойливые предупреждения, сожаления и «сочувствия» по поводу определенного моего похудения со стороны подавляющего большинства окружающих, которые полагают искони и незыблемо, что основной признак здоровья — щеки, лежащие на плечах, брюшко, выпирающее из брюк. Это «сочувствие» преодолевалось поддержкой узкого круга единомышленников, твердостью жены и, главное, собственной незыблемой верой в правоту фундаментальных принципов, опиравшейся уже на немалую прежнюю практику, на нынешнее великолепное самочувствие и на хорошие объективные показатели.

Какие же нетрадиционные (надеюсь, пока) виды энергии целенаправленно использовать в период этого эксперимента?

II.ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КАНАЛЫ ЭНЕРГИИ

1. Энергетическая подпитка непосредственно от природы.

При всем том, что написанное ниже, может показаться людям, впервые столкнувшимся с этим феноменом, невероятным, фантастическим, не умещающимся в рамках наших обыденных знаний и представлений (как это было первоначально и со мною), все это уже миллиарды лет используется живыми существами и тысячи, очевидно, лет известно определенной категории людей. Речь пойдет о прямом, минующем пищевой тракт, извлечении, усвоении и переработке энергии из природы, в которую мы погружены.

Как конкретно я лично столкнулся с этим процессом?

В августе 1981 года в один из воскресных дней я с удовольствием побежал в долгий путь по своим излюбленным Кавголовским холмам; бежал два часа весьма живо и быстро, сплошь да рядом применяя ускорения (особенно на подъемах). Потом два часа свирепо парился, время от времени выскакивая наружу, в деревенской баньке: избив один веник о себя, потом другой — о трех красоток, затем — о мелких детишек, затем еще один о себя и т. д. Итого, четыре часа подряд весьма тяжелой физической работы (два — бег по холмам, плюс два — крутой парилки до малинового цвета). Как старый тренер и практический в прошлом борец-самбист, имевший немало поводов для регулировки своей весовой категории перед соревнованиями, я знал, что подобная этой нагрузка ведет к серьезной сгонке веса, вплоть до четырех-пяти килограммов.

В данном же случае весы показали **плюс два килограмма.** «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Однако это было! Весы бесстрастно фиксировали факт, будучи совершенно исправны, их юстировка была тут же проверена взвешиванием стандартной двухпудовой гири, да и в дальнейшем они работали вполне добросовестно.

В чем же дело?

Вся разница этой работы и обычной работы, приводящей к падению веса, заключалась в том, что каждые 10-15 минут и на бегу, и выскакивая из баньки на лужок, я включал в себе некий механизм — подзаряжался: от деревьев (контактно и бесконтактно), от облаков, от ветра, от воды, от почвы, от громоздящихся холмов, от небосвода и т. д. Как подзаряжался? О технике этого дела я вынужден молчать, т. к. ее вполне можно использовать в крайне антигуманных целях: подзаряжаясь и **от людей**, обессиливая их, превращая в сморщенные мешки. (Раза два-три мне в сложных обстоятельствах довелось воспользоваться этим средством в больших человеческих аудиториях, это привело к резкому скачку веса; кроме того, и самому довелось как-то попасть «под обсос», и я никогда не забуду, в сколь худое, полумертвое состояние впал тогда — и надолго). Но подобная жестокая подпитка от людей опасна и для самого «вампира»: ведь он может «набраться» и такой болезненной дряни, что потом век с четверенек не встанет. Вот почему я категорически против распространения этой методики, и учу подготовленных людей только одному (правда, очень эффективному) средству — специфическим подпиткам от солнца, которые методически невозможно обратить против людей.

Каждый ли человек способен усвоить методику подпитки от природы? Имею основания полагать, что в той или иной степени ее способны освоить многие, ибо свойство это — отнюдь не благоприобретенное человеком на стадии царя природы и венца всего сущего, но, напротив, оно является реликтовым, берет эволюционное начало еще из растительного мира. Твердо знаю, что все лианы, все плющевидные растения этим свойством обладают в качестве генерального для них. Человек, который сидит или спит рядом с лиановыми растениями, непременно будет чувствовать себя плохо, вяло, разбито, вплоть до многообразных заболеваний, которые начнут «вылазить» в связи с общим ослаблением организма.

Известно (мне доводилось читать об этом), что акула способна огромные расстояния (до 500 миль) проходить без остановок при высокой скорости (до 50 узлов), не теряя при этом веса. Следовательно, неизбежные энергетические затраты, возникающие при усиленном мышечном движении, эквивалентно компенсируются работой неизученных пока механизмов.

Известно, что черепахи способны годами жить без пищи либо при ничтожном количественно растительном питании. Имеется в научной литературе и строго мотивированная гипотеза о том, что динозавры при их громадном весе ели очень мало и погибли все разом при вспышке некоей сверхновой звезды, «перекормившей» их неимоверным избытком энергии при отсутствии «предохранителей», очевидно.

Ну, а люди? Заснято практически мгновенное набирание веса китайцем, мастером борьбы у-шу, столь большое, что в твердой почве остались вдавленные на несколько сантиметров следы его стоп (эти кадры демонстрировались по центральному телевидению в видовом фильме о современном Китае, конец 1986 г.). Подобные наглядные свидетельства позволяют отмести как невероятную гипотезу о том, что несколько здоровых молодых людей никак не могут оторвать подобного «специалиста» от земли якобы из-за силы его внушения или гипноза: продавленная дикой тяжестью почва, зафиксированная на пленке, отвергает эту мысль, но зато позволяет с уважением отнестись к неимоверным возможностям человека — в подобном плане действительно венца творения!

Протокольно зафиксировано, что сверхмарафонцы из неспортсменов, обученные Г. С. Шаталовой, при малокалорийном питании (300-1000 ккал в сутки) к концу дистанции в 500 км прибавляли в весе, в то время как квалифицированные бегуны при рационе 4500—5000 ккал прибегали, исхудав на 5—6 кг. Те же свидетельства есть о восхождении Г. С. Шаталовой на Тянь-Шань с группой сподвижников: при малом питании и больших нагрузках они в конце маршрута имели увеличение в весе на 1—2 кг (что, конечно, неимоверно мало в сравнении с достижениями великих борцов у-шу, но ведь те целиком посвящают десятилетия своей жизни, чтобы овладеть секретом обращения с весом; секреты эти уже тысячелетия хранятся в глубокой тайне от всуе любопытствующих).

Вернемся, однако, к моему эксперименту.

После кавголовской большой пробежки я начал активно подпитываться во время ежеутренних пробежек по парку Лесотехнической академии и очень быстро заметил, что вес неуклонно пополз наверх. Пришлось заметно, вдвое, втрое уменьшить завтраки, как оказалось, дублирующие поступление в организм энергии, переходящей в массу. Выяснилось, что вес растет тем быстрее и нагляднее, чем активнее и сильнее во время «подзарядки» работает сердце. Оптимум достигается после выхода его на длительный период частоты 120 ударов в минуту и чаще (до 180—200 после спринта: примерно 200 м в гору с уклоном около 15—30 градусов, после предварительного разогрева и втягивания организма в активный режим, разумеется).

Начиная с 1982 года, зимой, во время пребывания в Комарово, когда почти ежедневно я мог бегать на лыжах примерно 20—30 км, я регулярно «подпитывался» таким образом на бегу, и пробежка в 30 км за два часа приносила до двух килограммов прибавки в весе (весы медицинские в коридоре Дома творчества). В те контрольные дни, когда я бежал без «подпитки», те же дистанции (бежать было явно труднее!), вес, как у любого нормального человека, падал на 1—2 кг. В эти дни после пробежки мне весьма ощутимо хотелось есть. В дни же с подзарядкой обходился минимумом еды: тарелкой квашенной капусты с луком и вареной свеклой. Ни супа, ни мяса, ни компота просто не хотел.

Вспоминается загадочное, но весьма многослойное восточное изречение:

— кто хочет быть храбрым — питается мясом;

— кто хочет быть здоровым — питается овощами;

— кто хочет быть мудрым — питается воздухом;

— кто хочет быть бессмертным — не питается ничем.

Кажется, за этими парадоксами сокрыт весьма существенный, тщательно оберегаемый опыт для избранных. Во всяком случае, для меня бесспорно, что при определенных обстоятельствах канал питания не явля-

ется нашим единственным энергетическим каналом.

Но вернемся к моему эксперименту с длительным голоданием. Теперь, надеюсь, становится ясно, что мои регулярные пробежки в это время должны восприниматься не с соболезнованием и обывательским ужасом, но как хитроумный и логичный способ возместить отсутствие еды, как своего рода питание, о котором, разумеется, и в голову никому не могли прийти! Тривиальное мышление, опирающееся на обыденный опыт, видело в этих кроссах очевидную трату энергии, которой и так-де у голодающего мало. На деле же это было **существенное пополнение энергетических запасов!** В те дни, когда я по какой-либо причине не мог активно контактировать с природой, я попросту тосковал по этой возможности, «голодал».

Таковой была ситуация с энергетической подпиткой через один из нетрадиционных каналов при отсутствии обычного источника энергии — еды. Но были подключены еще и иные каналы.

2. Могущество воды.

Вода, которой столь много на Земле, под землей и над Землей, которая составляет до 70% веса нашего организма, до 95% состава нашей крови и до 98% веса наших мозгов, тем не менее этими мозгами до сих пор не познана достаточно глубоко и всесторонне. Причем не в силу их водянистости (в этом как раз заключено их большое достоинство), но в силу невероятной сложности данного загадочного многосоставного кристалла, обладающего способностью хранить информацию, накапливать и отдавать энергию, переходить из состояния в состояние (в том числе и в совершенно непознанное пока четвертое, которое обнаружено членом-корреспондентом АН СССР Б. В. Дерягиным и в серебристых облаках, и в капиллярах живых существ). Вода, прародина всего живого и основа жизни на нашей планете, требует к себе иного уважения и понимания, чем те, которые уделяются ей, когда мы среди дел и суеты вспоминаем о необходимости сделать глоток-другой. Мой опыт общения с водой побуждает говорить о ней с высочайшим пиететом и видеть ее имя начертанным с большой буквы: **Вода.**

Мне достаточно хорошо известны практические возможности таких видов активизированной воды, как омагниченная (т. е. пропущенная через сильное магнитное поле), электролизная (т. н. «живая», т. е. со свойствами ощелочения, и «мертвая», т. е. со свойствами окисления), как «холодный кипяток» (т. е. полученная по методу братьев В. и И. Зелепухиных дегазированием посредством нагревания до 94—96° С и затем резко охлажденная), и я в меру своих сил разбираюсь в способах и ситуациях, когда этими разновидностями великого кристалла пользоваться целесообразно. Но в период проведения своего эксперимента я ими не пользовался. Чем же пользовался?

Сначала — о **наружном** употреблении разных видов воды, поскольку изложение этой части опыта вплотную по самой логике повествования примыкает к разделу об использовании природных сил. Это: а) холодные обливания; б) сочетание парной бани с купанием в проруби и в) теплые (38—40°С) ванны из структурированной воды перед сном и подпитка энергией в соленоиде до 2—3-х раз в день.

а) Холодные обливания суть мощные стимуляторы для производства и извлечения наружу огромных внутренних энергетических ресурсов нашего организма, которые без этой процедуры являются лишь потенцией, у большинства людей так и не задействованной в течение всей жизни.

Каков механизм включения и протекания этой «внутриядерной» реакции? Исходя из своего опыта, из опыта некоторых своих единомышленников, из лекций последователей П. Иванова и из существующей литературы, я мог бы предложить следующий набросок.

Обливаться надо как утром, так и по приходу с работы — двумя ведрами воды (не душем!) с температурой воды желательно менее 12°С. Интервал между двумя ведрами — время, кратное четырем ударам сердца (8, 12, 16, 20 и т. д.).

Когда поднимаешь ведро, необходимо явственно до иллюзии представить себе место, где тебе физически было прекрасно, где энергия переполняла тебя. По-видимому, это позволяет подавить стрессовое состояние, подсознательно возникающее в ожидании холодного удара. Я представлял себе либо ослепительный снег Финского залива, голубое небо и солнце над ним во время горячей и стремительной лыжной гонки на невесомых пластиковых лыжах, либо же длинный, до километра, «тягун» с поворотами в величественном хвойном лесу около 69-го километра по Сосновскому направлению, где я бегал летом, либо живописную лесистую гору, высотой около полутора километров, неподалеку от Мюонхана в Северной Корее, над ущельем «Десяти тысяч водопадов», около буддистского храмика XI века, куда я по крутым тропам взобрался осенью 1986 года легко, как на пружинах.

Когда вода начнет низвергаться на тебя, надо с добром и улыбкой подумать о ком-либо, кому ты желаешь добра, здоровья, удачи, счастья. Порфирий Иванов предлагает в этот момент пожелать счастья всем людям,

что же, очень хорошо, но несколько общо. Если же вы думаете о ком-либо конкретно, именно ему в это время может стать лучше. Но несравненно лучше станет вам — потому что вы в это время отвлекаетесь от своих неприятных ощущений, а, главное, от замкнутости на своем «эго», каковая является одним из исходных источников многих заболеваний и расстройств организма (дисгармония, дисбаланс психики).

Я для начала лью воду себе на грудь, на левое, на правое плечо, а затем окатываюсь с головой — лицо-грудь-живот сначала, а основная масса воды через темя идет на спину.

И какой жар потом возникает! Какое ровное тепло, какая сила!..

Почему надо обливаться с головой? Чтобы пробудить центральную нервную систему, обострить ее чуткость и чувствительность к еле заметным сигналам, идущим из организма, и, следовательно, побудить ее оперативно решать встающие перед нею в этом плане вопросы. Понимаю, что женщинам не хочется мочить прическу, но в этом случае имеется простой выход: тонкая резиновая шапочка, которая обережет волосы от влаги, но температурному воздействию на рецепторы головы почти не помешает.

Что происходит в организме при соприкосновении с массой холодной воды? Разовое охлаждение жидкости, находящейся в нашем теле, до уровня меньше, чем 36,6°С, ведет ее к отклонению от оптимума теплоемкости, а это порождает в нашем организме лавинообразную цепь процессов на атомном уровне, ведет в конечном счете к переходу протонов водорода в молекулах воды на другую орбиту, что порождает и высвобождает значительное количество внутренней энергии — энергии якобы даровой, невесть откуда взявшейся, а на самом деле возникшей из-за перестройки ортоводы в параводу (т. е. воды с протонами водорода, вращающимися в разные стороны, в воду с протонами водорода, вращающимися в одну сторону). Далее. Под ударным воздействием в кровь выбрасывается множество адреналина, активизирующего сердечно-сосудистую систему.

Далее. Под воздействием холодной воды извне кровь с периферии тела (а это до 1/3 общего количества крови) стремглав устремляется в глубинные недра организма — и силой пробивает капилляры сердечной сумки и других жизненно важных органов. Даже если это здоровые капилляры, то их расширение, их гимнастика — это в масштабах организма гимнастика сотен тысяч километров живой ткани, ну, а если это в известной степени уже зашлакованные капилляры, то их оживление — процесс благотворнейший для общего здоровья, для возрождения больного человека, для высвобождения дремавшей в нем энергии.

И еще. Воздействие холодной воды на все акупунктурные зоны оживляет их функционирование и, следовательно, оптимизирует работу всех внутренних органов.

Вот вкратце обоснование того положения, что — как это ни парадоксально выглядит на обыденный взгляд — обливание холодной водой в период голодания есть важный фактор увеличения энергии организма, который в ней усиленно нуждается. Опять-таки, как при беге, я получал больше, чем тратил.

Разумеется, обливание холодной водой необходимо человеку не только в этот период. И более того: особенно остро нуждается в нем человек... заболевший! Можно болеть, к примеру, воспалением легких 1,5 месяца, с употреблением при этом широкой шкалы химических лекарств, ужасным самочувствием и простоем производства. Но можно иначе: обливаясь каждые 2 часа (кроме ночного времени), преодолеть недуг в течение 1,5 суток. Индикатором выздоровления является возвращение пульса к нормальному для данного человека числу ударов. Среди моих знакомых, членов нашего «колхоза» единомышленников, есть люди, которые таким образом ушли от предынфарктного состояния, и от тяжелого ОРЗ. Известно что и в официальной медицине, в том числе и в педиатрии, начали появляться врачи, которые полагают более целесообразным в критических условиях вызывать к жизни громадные резервы живой природы, стимулируя их вспышки холодной водой, чем морить людей в полном согласии с тупиковыми недалекими уложениями «современной» медицины.

Полагаю, и об этом уже рассказывал со всей определенностью, опирающейся на практику, что еще более ускорится выздоровление, если наряду с холодными обливаниями посредством очистительной клизмы убрать токсины из кишечника.

б). После сказанного ясным должен быть смысл посещения парилки во время голодания. По пятницам, перед работой, с 9 до 11 утра, как всегда и в прежние зимы, я посещал коммунальную баню в Озерках. Ее особенностью является не только наличие прекрасной парилки, но и то, что по выходу из бани, сразу же за шоссе, ее постоянные посетители под руководством моего старшего друга и единомышленника Г. Д. Всесветского регулярно готовят прекрасную прорубь в озере. Именно в нее, натянув плавки, компания «пареных моржей» по любой погоде тянется из бани после жесточайшего жара. И так три-четыре раза за двухчасовой

«сеанс». После проруби босиком по снегу приятно сделать кружок метров триста-четыреста. Если в силу обстоятельств приходилось пропустить визит в Озерки, то я обязательно стремился посетить такую баню, где есть бассейн с очень холодной водой или, в крайнем случае, с ванной, через которую протекает вода максимально холодная и в которую можно упасть после выхода из парной.

Что дает холодная вода, это, надеюсь, уже ясно из предыдущего параграфа. Но в упряжке с парилкой эффект возрастает значительно. Я не говорю сейчас о столь полезных функциях парилки, как изгнание лишних солей, как расщепление в мышцах молочной кислоты, не упоминаю в данном случае даже о гимнастике сосудов (все же перепад температур более ста градусов между парилкой и наружным воздухом) — все это укрепляет здоровье, но в этой записке я веду речь исключительно в аспекте энергетическом. И с этой позиции глядя, хочу напомнить, что подпитка энергией от окружающей среды совершается с особым эффектом тогда, когда сердце выходит на частоту сокращений больше 120 ударов в минуту. Парилка же после квалифицированной работы веником дает частоту неизмеримо более серьезную, чем 120, там сердце работает, бывает, на своем наивозможном пределе. Теперь понятно, сколь великий забор энергии можно совершить в проруби и после нее, когда идешь туда, поработав в парилке. Мне довелось как-то замерить вес до проруби и после нее, после того, как одним «вздохом» я подпитался от морозного солнышка: «цена» этой трехсекундной подпитки была равна повышению веса на 700 граммов!..

Таким образом, думаю, ясно, сколь великую помощь для возрастания внутренних сил организма дает использование воды и в этом варианте — при крутом перепаде температур: он позволяет, обладая соответствующей подготовкой, опять-таки значительно увеличивать энергетику организма.

в). Значительно энергетизируется также вода, пропущенная через структуратор, она обретает свойства, аналогичные талой воде. Очевидно, за счет перестройки хаоса разнокалиберных молекул H_2O в корпорацию молекул однородных и возникающего в связи с этим эффекта резонанса.

Сейчас мы выйдем на удивительную тему принципиальной новизны. Речь пойдет об использовании в интересах человека и человечества, ради его блага, совершенно иного, чем все существовавшие прежде, класса приборов: жидких кристаллов на холестерил-ацетатной основе. Эти биополимеры, изобретенные доктором физико-математических наук Г. А. Сергеевым (патент на изобретение я видел), в силу уже своего органического происхождения являются неким подобием, аналогом живого и потому способны воспринимать от организма (а также давать ему) спектр излучений, родственных ему, более широкий и, главное, качественно иной в определенной своей части, чем тот, который замеряют или создают железные или электрические, электронные приборы, при всех их немалых возможностях.

В конце 1986-го — начале 1987-го годов в массовой печати появился ряд статей, сообщений, бесед академика Ю. В. Гуляева и доктора физико-математических наук Э. Э. Годика об исследованных ими физических полях биологических объектов (впрочем, за 2 года до этого информация о результатах работы руководимой ими лаборатории в Институте радиотехники и электроники АН СССР уже была опубликована в научно-популярных изданиях и докладывалась ими на публичных заседаниях: например, в Ленинградском Доме ученых).

Прекрасно то, что, исследовав прием сигналов на семи каналах (измерялись электрические и магнитные поля, радиотепловые излучения внутренних органов, инфракрасные излучения поверхности тела, оптическая хемолюминисценция, акустические сигналы, изменения химической среды, окружающей человека и животных), ученые сумели их уловить, запечатлеть и изменить. Эта работа, безусловно, может лечь в основу конкретно-практической медицинской диагностики, а также бесконтактного теплового массажа. Что удручает? Сама возможность логической ошибки в речах и мышлении этих высокообученных и, конечно же, талантливых экспериментаторов. Коль скоро их приборы (железные, с посеребренными и позолоченными нитями внутри) зафиксировали и измерили такие-то вот семь видов излучений, следовательно (!), ничего иного, никаких других излучений и быть не может, или, как высказался Ю. В. Гуляев, «мистических биополей нет, есть реальные физиологические поля биологических объктов» («Огонек», 1986, № 51, с. 15). Подметим этот мимолетный удар локтем в подбородок возможного оппонента: «мистических биополей» — т. е. все, что не фиксируется нашими металлическими и стеклянными приборами, то — от лукавого («мистическое»). Но главное-то, главное: как можно утверждать, что возможности этих устройств, элементарных, примитивных рядом с человеком, который их на много порядков сложней, достаточны, чтобы полностью уловить весь спектр человеческих излучений?! Ну как тут с досадой не представить себе самодовольных карликов, которые, совершив восхождение на стопу

гиганта аж до ее щиколотки (!), с гордостью сообщили, что неизвестное существо ими уже досконально познано, и что отброшены таким образом мистические и завиральные речи о якобы существующих в природе неких невозможных с подлинно научной точки зрения великанов... Нет, граждане титулованные, вы уловили лишь часть излучений, общую для живого и неживого, и поспешили закрыть вопрос, но специфические, некоторые присущие лишь живому естеству излучения, те, которые создаются невероятно сложной системой, может уловить лишь подобная ей по сложности система (то, что по отношению к людям неудачно обозначается термином экстрасенс). В крайнем же случае, более или менее удовлетворительно может с этим справиться система, представляющая собою аналог живого, т. е. приборы на органической, а не на мертвенно-механической основе.

Все это экспрессивное предисловие понадобилось мне для того, чтобы во весь рост стала очевидной принципиальная, качественная новизна биополимеров Г. А. Сергеева при изучении приборами человека и при их воздействии на него.

Мне довелось сначала — несколько лет тому назад — пассивно пользоваться целым набором этих устройств (в том числе структураторами), но в дальнейшем, когда мы сблизились с Г. А. Сергеевым, и я смог принимать определенное участие в испытаниях некоторых его приборов (хотя трудно называть этим металлическим словом то ли вещество, то ли существо, способное к установлению с вами обратной связи), я уже более активно ставил перед собой конкретные задачи и практически пользовался результатами решений этих задач.

Пребывание в течение 15 минут перед сном в ванне со структурированной водой (38°С) можно уподобить пребыванию в некоем наполненном доброй силой коконе. Если горячая ванна из простой воды утомляет сердце, то после структурированной воды выходишь не только уравновешенно-спокойным, но и бодрым. А что еще и нужно голодающему?..

Пребывание 2-3 раза в день по 15 минут в соленоиде также заметно поддерживало мою силу и бодрость. Большие затраты времени? Не больше, чем на завтрак, обед и ужин. Что же такое соленоид в данном случае? Это система полиэтиленовых трубок, выполненная в виде расширяющейся книзу спирали. Через шесть структураторов наверху последовательно протекает вода и стекает по трубке спиралевидно вниз, вокруг человека, который сидит внутри устройства. Человек должен за эти 15 минут медленно выпить стакан той же структурированной воды, что течет по соленоиду, и эта вода в его теле образует как бы вертикальный шнур, вокруг которого создается сильное энергетическое поле. До включения системы измерительная рамка не шевелится, после — очень активно вращается перед соленоидом и еще сильнее — внутри него. Объективные данные после подобного сидения — нормализация, уравновешивание кровяного давления, субъективные — улучшение самочувствия, чувство бодрости, силы, хорошего настроения, внутреннего комфорта. А что еще нужно голодающему?..

Таковы некоторые из прекрасных способов энергетической подзарядки посредством Ея Высочества Воды, точнее — посредством лишь поверхностного знакомства с этой Сиятельной Дамой, т. е. ее наружного употребления. Можно представить, что же таит в себе глубинное знакомство с Нею, т. е. **внутреннее** ее потребление!

Итак, продолжение заметок о чудесных энергетических ресурсах, которыми способна одарять и наделять нас вода — при приеме ее внутрь. В Записке «О лечебном голодании», которую я составил около двух лет назад для себя и своих близких, мне уже доводилось писать о том, что на место энергии еды, которой я себя лишал на две-три недели, я ставил энергию воды. Тогда эту энергию щедро, изобильно приносила мне вода структурированная да еще после структуратора прошедшая стадии замерзания и оттаивания, т. е. дважды идеальная талая вода. Если же это была вода, прошедшая мощную неоднократную перегонку через соленоид с его шестью структураторами да потом еще замороженная, оттаявшая и после этого вновь пропущенная через структуратор, то это вода по своим энергетическим свойствам отличалась от обычной, повседневной, из-под крана, как отличается миллионносильная ракета от скрипучей разъезженной колымаги. Достаточно сказать, что ведро воды из-под соленоида, вынесенное на балкон для замерзания при (-20)°С, кроме тонкой ледяной корочки за ночь практически совсем не замерзло! Когда же через 1,5—2 суток лед в ведре все же образовался, он выпер горбом сантиметров на 5—8 над поверхностью ведра и намертво припаял к себе крышку ведра. Такая таилась неимоверная, непознанная сила в этой сверх-талой воде! (Любопытный эпизод произошел у Ю. Г. Золотарева: электронные настенные часы, помещенные по оси под структуратором, реагировали весьма нервно на его воздействие: замедляли ход и останавливались.

Такую вот именно мощно энергетизированную воду я и потреблял в качестве единственного «питания» во время 32-дневного голодания, подогравая ее слегка, разу-

меется, перед употреблением в соленоиде, или, как мы смеялись: «Во время завтрака», «Во время обеда», «Во время ужина». Вода эта была едва-едва подкисленная соком лимона и подслащенная каплей меда для вкуса («антистрессовый препарат» по методике Аракеляна).

И энергетику такой-то вот именно волшебной воды я нашел возможность увеличить. Каким образом?

Пользование талой водой доступно практически всем, у кого есть холодильник с сильной морозилкой или балкон в зимнее время года. Структурированную воду могут получать те счастливцы, кто сподобился обрести структуратор Г. А. Сергеева. (Кстати говоря, судьбе было угодно провести жесточайший опыт относительно воздействия этой воды на состояние человека. 1 апреля 1986 года, будучи в командировке в Киеве, я оставил структуратор в пользование своей давней и доброй знакомой В. В. Лысенко, редактору журнала «Радяньске літературознавство». 27 апреля, как известно, произошла Чернобыльская катастрофа. Анализы крови, взятые после взрыва у Валентины Васильевны, показали, что у нее с кровью все в норме — в отличие от других ее знакомых и близких. Единственным отличием в их образе жизни было то, что они пили и пьют обычную воду, а вода, принимаемая ею, каким-то образом препятствует отрицательным воздействиям радиационного фона на кровь... Есть некоторая надежда, что нам удастся заинтересовать соответствующие ведомства хотя бы Украины в изготовлении структураторов промышленным способом и тогда их, хочется верить, будет достаточно).

Что же касается того усиления энергетического воздействия воды, о котором я упомянул, то его способны из моих знакомых, помимо меня, осуществить три человека (хотя, вероятно, в потенции, их гораздо больше): это Г. С. Шаталова, В. П. Малышев, А. В. Мартынов — все люди чрезвычайно сенситивно одаренные.

Каким образом осуществляется эта подзарядка воды? «Перетеканием» в нее некоего поля с руки человека. Если я прорабатываю сосуд с водой правой рукой, то лакмусовая бумажка показывает отклонение цвета к щелочи, левой — к кислой среде. Это изменение лакмуса я обнаружил совершенно случайно, даже не подозревая о возможности подобного эффекта, но обрадовался ему, т. к. наличие подобного объективного доказательства сильно затрудняет употребление терминов «мистика», «мифология» и т. п. Легко отрицать замеры, происходящие посредством отклонения рамочки (которая дает мне обильную информацию о резком увеличении энергопотенциала подзаряженной руками воды), но как спорить с лакмусом? И как отрицать то, что вода, обработанная подобным образом, не портится, не тухнет вот уже 12 месяцев, поставленная в бутылке позади письменного стола около радиатора парового отопления?

К теме этой Записки относится также и возможность увеличивать заряженность воды посредством по-особому концентрированного взгляда, который также дает эффект весьма значительный. А уж сочетание проработки воды руками и глазами — дело весьма эффективное. Практически, о чем я сейчас поведаю, этот метод показал свою силу неоспоримо, но железный электронвольтметр, полагаю, и не встрепенется при столкновении с этаким феноменом: он его не увидит, как не видит предмета глаз жабы до тех пор, пока он не движется — просто устройство этого глаза такое. Предмет же, однако, реально существует, хотя бы тысяча жабьих глаз в упор его не видела!..

Вкратце о **практическом** доказательстве существования подобного эффекта, учитывая, что воистину вертолетное вращение рамочки, даже в десятке метров от сосуда с водой, в руках оператора, свидетельствующее о колоссальном энергетическом потенциале заряженной жидкости, для людей «науки», верящих лишь железным устройствам, доказательством не является. В июле 1986 года мне довелось жить в палаточном лагере КСП «Борзовка» под Керчью. Среди обитателей лагеря было более двух десятков детей, которые регулярно то перегревались, то переохлаждались, то засоряли свои желудочки. И вот едва опускалась южная ночь и жарким пламенем вспыхивал костер, то тут, то там раздавался жалобный детский плач, и к моей палатке вереницей тянулись юные мамочки: «Юрий Андреевич, у Павлика... у Алеши... у Олечки... у Леночки...» Иногда, конечно, приходилось советовать сделать клизмочку или приходилось натирать ему грудку и спинку скипидаром, но чаще я давал детям только сильно разогретую воду, заряжая ее указанным выше способом (глаза + руки) в бутылках из-под молока. Моим исходным теоретическим положением было и есть то, что организм без всякой химии и сильнодействующих мер способен сам сладить с недругом, если только подбавить ему внутренних силенок. Закономерность эта, на мой взгляд, проявляется в весьма широком спектре заболеваний, судя по тем многообразным случаям, с которыми доводилось сталкиваться. В данной же ситуации боли и рези проходили, жар спадал, состояние очень быстро нормализовывалось. Ни о каком внушении или гипнозе здесь говорить не приходится

по той хотя бы причине, что сплошь да рядом родители сами давали эту воду детишкам.

В немалом количестве ситуаций, возникавших также и среди взрослых обитателей Борзовки, тоже не следует сваливать дело на какое-то внушение: ибо мучения самого разного происхождения (то легочного, то желудочно-кишечного, то радикулитного и т. д.) отступали волнообразно в прямой зависимости от количества принятой внутрь заряженной мною воды, но не от количества моего внимания «клиенту».

И самое-то главное, возвращаясь снова к себе: я-то ведь голодал 32 дня легко и без мучений не на самогипнозе, а на воде!.. О каком самовнушении в данном случае можно говорить, коль скоро уже год существует — и ни в зуб ногой — та бутылка около отопительной батареи, о которой я уже обмолвился?..

Думается, могучие возможности Воды, в качестве дружественной нам стихии, способной в тесном контакте с человеком великодушно увеличивать его внутреннюю энергию, из этого конспекта в общем ясны. И хочется в заключение этого параграфа запустить читателю маленького ежика под череп: коль скоро подобное воздействие на жидкость (руками и взглядом) вероятно, столь скоро оно вполне осуществимо и по отношению к таким видам жидкостей, как кровь, лимфа, внутриклеточная жидкость в функционирующем организме. А значит?..

3. Второе сердце

Прекрасно понимаю, сколь необычно, даже временами фантастично звучало то, что было изложено выше. И, однако, то, что будет поведано здесь дальше, как кажется, способно удивить и озадачить еще больше, сильнее по причине такой своей новизны, которая не снилась уже самым резким авторам фантастических романов. Но скажу лишь одно: все нижеследующее — абсолютно реально и уже на деле облегчало страдания многих и многих конкретных людей, если же оно кажется непонятным и невероятным, то лишь потому, что невероятно сложна сама Вселенная, в которой мы живем, и которая нас, детей своих, породив, наделила своими же непростыми качествами и свойствами.

Раньше уже говорилось, что и в прежние голодания, и в нынешнее я пользовался разного рода приборами Сергеева — биополимерами из жидких кристаллов на органической основе. Среди них были и биостимуляторы, своего рода медальки или медальоны, которые располагались напротив сердца и играли роль своего рода стабилизатора его деятельности: если сердце вело себя нормально, биостимулятор себя практически не проявлял (либо даже, как мне удалось установить посредством измерительной рамки, сам от него подкачивался, повышал свой потенциал: свидетельство несомненной двусторонней связи между сердцем и биостимулятором). Но если сердцу становилось плохо, если возникала сердечная недостаточность, то биостимулятор подкачивал его, выводя на нормальный уровень! Говорю об этом, сам неоднократно испытав его воздействие на себе в разного рода трудных обстоятельствах. Откуда возникла эта дополнительная энергия? По словам Сергеева, полимер данного состава способен принимать вибрации, идущие из окружающего нас космического пространства, и трансформировать их в ту частоту колебаний, которая характеризует наше сердце. (Для других органов им специально готовились несколько иные, чем для сердца, составы с примесью других компонентов). Ослабевший биостимулятор подзаряжался следующими способами: либо на 30 минут — под лучи кварцевой ультрафиолетовой лампы, либо укладывается на ночь в банку со свежей талой или структурированной водой, либо на ночь оставляется в букете среди свежесорванных цветов.

Те многие биостимуляторы — во всяком случае, десятки, — которые мне довелось подвергать испытаниям, — вели себя отнюдь не как мертвые (скажем, металлические или стеклянные) предметы. После шести часов пребывания в морозильной камере, к примеру, их потенциал равнялся нулю, после же полноценной солнечной подпитки стимулятор отклонял рамку до 60° на расстоянии от 60 см до 2,5 м (в зависимости от «индивидуальности» данного полимера); после ночевки в «мертвой» (т. е. биопатогенной) зоне — о них я говорил в своем выступлении в Томском академгородке в сентябре 1985 года — он вел себя почти как «обсосанный» тою же зоной человек, т. е. едва-едва функционировал и т. д.

Короче говоря, использование этих веществ — существ в период голодания, когда прекращался поток энергии от еды, заметно улучшало мое самочувствие и работоспособность. (Впрочем, я пользовался их услугами и в некоторые другие времена повышенного напряжения).

Так было и сейчас, но на этот раз, не пренебрегая их доброжелательной помощью, я опирался на резервы совершенно нового, могущественнейшего союзника. Он сам и обстоятельства знакомства с ним заслуживают особого рассказа.

5 октября 1986 года в разговоре с Юрием Кирилловичем Линником (это был весьма многоаспектный разговор, в котором принимали участие Г. А. Сергеев и ряд других лиц) я уловил оброненную им мимоходом фразу, что в прежние годы ему доводилось

энергетически заряжать воск и бумагу, и эти элементы оказывали целительное воздействие на людей.

По-видимому, я был внутренне совершенно готов к этому случайно услышанному важнейшему для меня сообщению, т. к. молнией мелькнула законченная мысль: «Воду мне удается заряжать весьма эффективно, воск же — много плотнее, чем вода, его аккумулирующие свойства, значит, будут сильнее, чем у воды. Попробуем!..» Здесь надо напомнить, что на Руси ведуны, знахари и знахарки, разного рода колдуны уже на протяжении многих веков, уходящих едва ли не в нашу доисторическую пору, пользовались многими чудесными свойствами воска, в том числе и этим его качеством. Правда, как глубокий секрет из поколения в поколение они передавали также и ритуальные заговоры, сопровождающие действо зарядки воска, правда, «последние из могикан», которые некогда владели этим искусством, а ныне отошли от него, утратив прежнюю силу, совершали эту операцию в состоянии высокого религиозного экстаза, но я полагаю, что и то, и другое скорее своего рода медитации, позволяющие достигнуть необходимой для действия концентрации сознания (и подсознания?).

Для того, чтобы зарядить воск, требуется, как минимум, этот воск иметь. Оказалось, что эта проблема в городских условиях не столь уж проста. Раскинув сети среди своих знакомых, 10 октября 1986 года в 14 часов я получил плоский диск воска (600—700 г). Пишу об этом столь подробно потому, что судьбе было угодно разыграть в этот день примитивно-схематичный и предельно ясный по своей жестокой и справедливой морали спектакль: «Хочешь помогать людям? Так прежде всего проверь новое средство на себе, да не в шутку, а всерьез!..» Короче говоря, в 16 ч. 45 мин. из пазов большого шкафа в моем кабинете вылетело двухпудовое зеркало-дверь в металлической окантовке и, как гильотина, рубанула меня поперек тыльной стороны правой кисти. Раздалось «Ах!» присутствующих, рука вздулась, как подушка, я не знал даже, остались ли целы кости и сосуды, но не было времени даже на охлаждение ушиба под холодной водой, т. к. в 17 часов меня ждала компания во главе с женой у кинотеатра «Октябрь». Я прибыл туда вовремя, мы расселись, погас свет, началось кино, но боль в руке не давала покоя. Тогда в темноте я достал из сумки диск воска, зарядил его взглядом и приложил к травме. Кинофильм («Тема») длился примерно полтора часа, и полтора часа я держал воск на ушибленной руке. Когда мы (я, Полина Алексеевна, Сергей Калёнков из Калуги, Сергей Лисицын) вышли из кино и зашли поужинать в кафе, я показал спутникам обе тыльные стороны кистей рук и попросил ответить: какая из рук была, 2 часа назад травмирована? Ответить они не смогли, т. к. на правой руке не было уже и следов отека! (Осталась лишь небольшая костная мозоль, да назавтра выступил желто-фиолетовый синяк).

Таким прямым и жестким способом я получил свидетельство о поразительных возможностях заряженного воска и как бы право направить их на благо себе и людям.

Далее начались воистину евангельские чудеса, которые еще и еще раз убедили меня в том, что больному или травмированному организму (и органу) помочь может в первую очередь резкое увеличение его внутренних энергетических ресурсов, которые и сладят успешно с неполадками в системе, причем гораздо лучше, быстрее и эффективнее, чем это сделает химия или нож врача. А в ряде случаев химия и нож вообще ничего поделать не смогут в силу неизвестности или безмерной сложности причин недуга.

Заряженный воск (в виде дисков, отлитых в пластмассовые крышки баночек разного диаметра или в розетки) начал свою благородную работу. И стала расти многообразнейшая статистика тех совершенно различных случаев, в которых он оказал быструю и решительную помощь.

Вот кратчайший перечень: снял в течение суток боль от тромба в ноге у матери; восстановил за двое суток деятельность коленного сустава, который многие годы у пожилого мужчины болел и плохо сгибался, успокоил за двое-трое суток «пожар» в женских органах после выкидыша у юной дамы; одолел за сутки злой радикулит у женщины средних лет; утишил язвенные боли у двух относительно молодых мужчин; нескольким людям разных возрастов помог от сердечной слабости в критических ситуациях; избавил за сутки от диких головных болей женщину после сотрясения мозга; неоднократно у разных людей быстро снимал головные боли; избавил в считанные часы от ангины девочку 9 лет; резко ослабил болезненное воздействие хронического бронхита у моего сверстника и т. д., и т. п. Конечно же, речь идет о том, что каждый болящий получал свой индивидуальный восковый аккумулятор, а то и два.

Короче говоря, ничего странного не было в том, что, войдя в длительное голодание, я тотчас положил в левый кармашек рубахи такую-то вот мощную восковку, днем аккумулятор всегда был со мной, и никогда, пожалуй, за всю свою жизнь я не испытывал такого комфорта в сердечном отношении, как в эти недели!

То, что это был, по-видимому, основной для меня энергетический канал, после отключения канала еды, продемонстрировал один невольный жестокий эксперимент: приехав из московской командировки в пятницу утром 28 ноября (пошел 28-й день голодания), я переоделся и пошел руководить в Доме Маяковского семинаром молодых прозаиков Северо-Запада. При этом для тепла надел свитерок, но забыл переложить хотя бы в карман пиджака свой восковой медальон. Последствия начал ощущать, не понимая, в чем дело, уже через 2—3 часа: меня как будто «отключили», сердце едва-едва тянуло даже небольшую физическую нагрузку. Сидеть стало тяжко. Вот тут-то я и понял во всем масштабе, **что** именно я чувствовал бы — какую слабость — при столь длительном голодании при отсутствии воскового аккумулятора, без своего фактически второго сердца!..

Да, конечно, в этот день (и в два предыдущих) силой обстоятельств я был лишен пробежек (т. е. контактов с природой), вынужден был обходиться без дружественных услуг (наружных и внутренних) холодной воды, отсюда подобная слабость сердца. Однако она исчезла очень быстро — через минуты — после того, как восковой диск занял свое место в левом кармашке!.. Нужны ли выводы?..

Собственно говоря, зафиксировав сказанное, я мог бы и завершить изложение этого раздела, разве что дополнив его двумя существенными моментами: 1) При одном из обливаний холодной водой на седьмой день голодания я неосторожно влил струю из ведра в ухо и спровоцировал вспышку серьезного отита; воспаление среднего уха (и слева, и справа) порождало дикие боли и снято было — естественно, без врачей и без всяких лекарств — в течение недели двумя дисками на ушах (и если бы не приходилось ежедневно выходить на мороз, то, наверное, выздоровление пришло бы быстрее); 2) Однажды я показал реально, как осуществляется зарядка диска одному из своих младших и близких товарищей по всем этим заделям — по его просьбе, и он тут же, при мне, осуществил эту операцию. Когда я рамкой замерил его медальон, то он дал резко отрицательные показатели, и это означает, что человек, который начал бы им пользоваться, был бы энергетически обсосан и заболел. Этот факт еще и еще раз подтвердил мне вынужденную, но обязательную необходимость скрытности в отношении методов зарядки воска: успех дела зависит то ли от чистоты «призмы» (организма того, кто заряжает), то ли от способности психики к концентрации, то ли от сочетания этих, а может быть и других качеств.

Однако я погожу прерывать изложение на этом месте, ибо сама судьба — в сочетании с напряженной поисковой работой мысли — вывела нас на новые, еще более удивительные горизонты и знания, и практического умения реализовывать эти знания. Поэтому продолжаю, хотя по существу «второго сердца» в период своего длительного голодания смысл уже изложил.

13 ноября вечером позвонила Г. Богдановская и взволнованно попросила помочь ее подруге, у которой в больнице погибает маленькая дочь. Уже достаточно к этому времени представляя себе светлые возможности восковых аккумуляторов, я согласился и попросил передать этой молодой матери, чтоб явилась назавтра с фотокарточкой девочки. 14 ноября около 17 часов она пришла ко мне на работу. Измерение потенциала (рамочкой по фотографии) показало, что 11-месячный ребенок фактически мертв из-за вирусного воспаления легких, бронхов и гортани (как потом оказалось, все дыхательные пути были забиты слизью, и реанимационная машина уже не могла прокачивать дыхание). Я организовал присутствующих тогда у меня в редакции драматурга Б. Голлера, полярника В. Лободина, Аллу Матвиенко (мать) на дистанционную работу.

Круглосуточная борьба, длившаяся около недели, завершилась полной победой, и, должен сказать, что когда Асенька, 11-месячная кокетливая девочка с блестящими глазками явилась, наконец, ко мне домой на личную встречу в сопровождении своей счастливой матери, это стоило, пожалуй, дороже многих и многих ценностей — литературных, общественных, научных, личных и т. д.!..

Завершающие к этому эпизоду штрихи: начмед, суровая женщина, на прощание перед выпиской Аси из больницы сказала Алле в некоторой растерянности, что в их статистике до сих пор не было случаев выздоровления после такого непомерного количества слизи в дыхательных путях ребенка, но! — добавила она, — ничем подобным этим восковкам они пользоваться не будут, пока не получат утвержденной Министерством здравоохранения инструкции...

Совсем иначе воспринял происшедшее отец девочки Григорий Матвиенко. Этот рациональный, совершенно современный физик-теоретик вынужден был внутренне согласиться с тем, что так называемые «точные» науки в ряде случаев не имеют даже подходов, даже рабочих гипотез для объяснения тех немедицинских механизмов дальнего и ближнего воздействия на организм человека, которые **практически** тем не менее оказываются вполне реальными и поразительно

эффективными. Но материалисты, что выше критерия практики (т. е. соответствия наших действий закономерностям природы и общества) можем мы ставить?.. Не хотят, и не видят, что догмы, которым они безумно поклоняются, буквально на глазах рассыпаются, как сухой песок.

Сурового начмеда понять, по-человечески, можно, но гораздо ближе по духу мне физик-теоретик Г. Матвиенко, который попросился к нам хотя бы в «младшие колхозники», чтобы постараться перенять и осмыслить воочию увиденное, и уже выдал мне гипотезы для объяснения некоторых феноменов и по-деловому «озадачил» требованием постановки целого ряда экспериментов (эх, да где же в моей-то жизни взять на них время?)...

И в заключение этого раздела просто не могу не изложить конкретную историю совершенствования биоаккумуляторов, которая, на мой взгляд, сама собой складывается в философскую притчу высокой степени обобщения.

Первоначально восковки мы с женой (а, вернее, именно она) отливали в виде плоских небольших дисков (максимум 5 см — диаметр, 5 мм — толщина). Правда, затем репертуар расширился. Оказалось, во-первых, что крайне удобно заряжать и прополисные тряпки из улья, ибо они, также обладая немалой энергетикой, могут оборачиваться вокруг округлых мест, быть подстилкой и т. д. Во-вторых, восковые крышки, т. е. пластины воска, подобные вафельным полотенчикам, тоже пошли в дело, особенно после армирования их, т. е. заворачивания в марлю, которая может быть приколота к майке напротив легких, к трусам, напротив воспаленных нервных корешков поясницы и т. д. Тем не менее, основу оздоравливающих элементов продолжали составлять круглые диски. Процедура вытапливания их из воска на водяной бане и последующая возня с уборкой плиты и посуды — трудоемкая и длительная, поэтому в последующем мы стали просить желающих оздоровиться приносить уже не глыбы цельного воска, а готовые, отлитые дома кружочки, которые я мог бы заряжать — вот и вся наша забота. Естественно, стали приносить кто во что горазд, и Володя Лободин принес, в частности, среди плоских заготовок нечто вроде заполненного большого наперстка (очевидно, залита была какая-то большая конусообразная пробка). Были и другие случаи нестандартных форм.

Вот тут-то мы и вышли на понимание фундаментального **значения** формы, принимаемой субстанцией, в ряде случаев сопоставимого со значением самой субстанции!.. Как-то, когда оставался только этот восковой колпачок, понадобилось снять ангину у Юлечки Губинской, 9-ти лет. Его привязали шарфом к горлу, он давил, было неудобно, сняли, но через 20 минут девочка попросила привязать его вновь, ибо без него горло болело, а с ним — нет. И тогда обратили внимание на кумулятивное действие устройства — боль проходила и налеты исчезали именно там, куда была направлена его проекция. Были и другие случаи: например, усеченная пирамида по-разному оказывала воздействие на грудницу, будучи обращена к груди то широкой, то узкой своей стороной.

Больше подсказывать было не нужно: ЦУ было принято к реализации. Ничего случайного не бывает и то, что Г. А. Сергеев как раз к этому времени начал всерьез разрабатывать специфические формы для своих небольших биостимуляторов (хотя уже несколькими годами раньше создал большие, плоскорасположенные трехкупольники, покрытые изнутри слоем биополимеров, способные весьма ощутимо активизировать всех), то живое, что под ними располагалось, (но об этом позже), было нами осмыслено применительно к восковым аккумуляторам. По его эскизам, представляющим результат сложных физико-математических расчетов, нами были изготовлены формочки из пластилина, в которые и заливался воск. Были изготовлены небольшие (4—5 см в диаметре, 5—8 мм по высоте) трех- и пятикупольники. Их излучение из плоской стороны по своей силе, замеряемой дальностью их воздействия на рамку и интенсивностью отклоняющего момента, **превосходило силу прежних плоских медальонов в 5—10 раз.**

Иначе говоря, тот же объем той же материальной субстанции, но получившей целесообразную форму, становился эффективней **на целый порядок!**

Для меня, человека, занимающегося проблемами литературы и искусства, это реальное, наглядное доказательство **значения** формы для раскрытия внутренних потенций того материала, который и составляет основу произведения, было весомей и наглядней всего вместе взятого сонма теоретических суждений и вкусовых высказываний, существующих в этой сфере знания. Этот скачок эффективности воздействия произведения на новую **качественную** ступень в связи с идеальной формой, на мой взгляд, выступает в ранге всеобщей закономерности. Недаром же существуют высказывания знаменитых ученых о том, что красота, гармония того или иного теоретического построения, той или иной формулы в их глазах есть свидетельство ее правомочности, истинности, — речь здесь идет именно о той внутренней целесообразности, о том оптимуме,

который определяет внутренние отношения содержания и формы.

Далее открытия последовали буквально лавинообразно, одно за другим, в течение считанных дней и недель ноября-декабря 1986 года.

Стала совершенно очевидной и самодовлеющая, самостоятельная роль формы самой по себе: это значит, что если диск воска, т. е. материальная субстанция, до подзарядки являлся совершенно нейтральной величиной для рамочки, не отклоняя ее от нейтрального положения ни вправо, ни влево, то трех- и пятикупольники еще **до подзарядки** уже несли в себе положительный потенциал и заметно отклоняли рамку вправо!.. Таково-то — философски обобщая — воздействие на нас внешней красоты и гармонии, даже если это — одна видимость, если даже за нею ничего не стоит либо же, увы, стоит худое, вредное содержание, например, алчной и недалекой женщины-красавицы.

И вот что любопытно: ведь церковь давно познала благотворное воздействие проекции трех- и пятикупольников, иначе говоря, архитектура православных, по крайней мере, храмов есть та именно форма, которая наиболее благоприятна для самочувствия находящихся внизу, на земле, под куполами, особенно в местах их стыков, откуда буквально струится, излучается вниз мощная энергия, возникающая, очевидно, из преобразованных вибраций окружающей нас великой Вселенной.

И еще к проблеме существенного значения формы: мы стали ее усложнять далее, но не бессмысленно, абы как, а исходя из внутренних закономерностей ее собственной наивысшей гармонии. Вслед за Г. А. Сергеевым, который монтировал в своих биополимерах маленькие пятикупольники внутри больших трехкупольников, мы также начали осуществлять подобные многоступенчатые воздействия и вставлять в момент отливки одну форму в другую. Правда, в отличие от первоисточника, мы стали вплавлять также и маленькие трехкупольники в большие пятикупольники.

Следует сказать, что энергетика таких восковых комплексных систем после их подзарядки проявляла себя воистину по-сумасшедшему: рамка вращалась, как лопасти вертолета. Был обнаружен (но не обследован — не до того пока) и любопытный эффект: волнообразный график воздействия энергии, исходящей из такой комплексной системы, т. е. рамочка неожиданно вращалась сильнее на более отдаленном от источника расстоянии, чем вблизи от него, затем — подалее — давала менее активное отклонение, затем — еще далее — вновь усиливала вращение и т. д. Но в целом мощь сигнала была поразительной, расстояния в комнате недоставало, чтобы замерить эффект воздействия до конца.

И чтобы закончить эту философскую сагу о форме: когда наше изучение проблемы пошло глубже (об этом — чуть ниже), было обнаружено, что проекцию пятикупольника, ту, что Г. А. Сергеев вычислил теоретически, а церковь веками и с большим успехом использует практически, природа знает и использует уже сотни миллионов лет! Пятигранник — это проекция и общий знак развитых форм жизни, обладающих головой и четырьмя конечностями. Не говорю здесь о морских звездах, имеющих ясную форму пятиконечной звезды, но я был воистину поражен, когда грациозный пятиконечный симметричный цветок, соответствующий пяти направлениям, пяти лучам, сходящимся в центре, обнаружил в декабре 1986 года на панцире морской губки, привезенной мною в ноябре 1985 года с Кубы в качестве сувенира! (Здесь начинается новый выход — этот панцирь один к одному по верхним своим очертаниям походит на панцирь черепахи, на котором, правда, нет подобного изящно вырисованного рельефа, но который также представляет собой идеальное фокусирующее и преобразующее внешнюю энергию устройство).

Обобщая, следовательно, можем сделать сначала промежуточный вывод: о бионическом основании трех- и пятиугольников, о наиболее благоприятном воздействии на живое тех именно форм, которые естественны и органичны для них, хотя бы и мудрых проекций архитектуры православных церквей; а затем сделаем и самый общий вывод: о том, что с максимальным эффектом воздействует на естество человека отнюдь не любая произвольная форма тех предметов искусства (или вообще предметов), которыми он пользуется, но та именно, особенности которой в наибольшей степени соответствуют, созвучны исконным закономерностям живого. Это — громадная проблема, нуждающаяся в серьезной, многосторонней проработке, ибо в ней имеется и такой практически важной аспект, как пагубные для нашего естества формы, антагонистичные живому. Поскольку все наше бытие погружено в быт, искусственно творимый нашими же руками, постольку философская проблема формы и ее практические решения имеют воистину глобальное значение.

Теперь заземлимся и вернемся к конкретному вопросу: о нашем продвижении в область познания **материальной субстанции** энергоносителей.

Логично было подумать: если воск, в силу своей большей плотности, чем вода,

способен вбирать в себя и больший заряд (кроме того, играет важную роль и его органическое происхождение, хотя и вода, конечно, есть существенный элемент живого), то, следовательно, более плотные, чем воск, органические устойчивые вещества могут оказаться более емкими, чем он, аккумуляторами. Сказано — сделано. Первая же попытка подзарядить кусок мамонтового бивня дала огромный эффект: примерно килограммовый кусок «засиял» так, что даже длинного коридора мне не хватило на замер его воздействия. Были изготовлены плоские пластиночки разной формы из мамонтовой и слоновой кости, и они вели себя весьма активно, уподобляясь в этом отношении восковым энергоносителям. Однако, будучи более эстетичными и привычными для глаза предметами, чем воск, они могут висеть на шее или лежать в карманчике, не привлекая ничьего недоброжелательного внимания.

Осмелюсь здесь сделать внешне парадоксальный, но внутренне глубоко логичный выход как будто в совершенно иную сферу: религиозных поверий. Увидав воочию качественно различную энергетику различных состояний кости, смею полагать, что под легендами о святых мощах обретается весьма прочный фундамент. Т. н. «святые» были людьми особенно активного, мощного духа, незаурядного психического и волевого настроя — за эти качества они и были вознесены и отмечены пораженными человеческой неординарностью современниками. Убежден, что их могучее энергетическое поле посвоему воздействовало и на их кости, которые после смерти незаурядного человека и истлевания его плоти тем не менее способны были восприниматься сенситивно одаренными людьми последующих поколений в качестве своего рода контура, излучающего некие колебания, в отличие от скелетов ординарных людей).

Движение поисковой, практически направленной мысли, естественно привело меня к особому вниманию к панцирю черепахи: этот аппарат позволяет годами всем ее органам получать энергию из окружающей среды. Он функционально, миллионами лет естественного отбора приспосабливался именно для этого. Следовательно: а) к энерговосприятию наиболее приспособлена сама структура именно данной кости; б) идеальной для этой цели является форма панциря, по-разному воспринимающая качественно разную энергию, поступающую сверху и снизу; в) предельно функциональной является форма и каждого отдельного черепка на панцире. Таким образом, использование после подзарядки черепашьего панциря в виде отдельных элементов и полусфер для лечения может принести значительный полезный эффект само по себе (уже после того, как я всерьез заинтересовался возможностями этого феномена природы и даже раздобыл для своих изысканий панцирь небольшой черепахи, я узнал, что ленинградский ученый и медик Будимир Ворошилов давно строит из черепашьих пластинок своего рода лейденскую банку и, поместив ее в подобие тупорылого снарядика, энергетически облучает им заболевшие органы. Если разные люди разными путями приходят к одному и тому же итогу, значит, в нем заложена объективная истина). Но если построить математически точный аналог, своего рода «саркофаг» из заряженного воска для энергетической подпитки и исцеления человека, закладываемого внутрь него? Думается, идея эта — совершенно логичная и здравая, и экспериментальная проверка ее могла бы принести воистину оглушительный чудесный эффект!..

Поисковая мысль побудила провести целый ряд опытов в области взаимодействия и взаимосочетания разного рода энергоносителей, ибо практика показала, что здесь не все так уж просто и однозначно. Например, воск и прополис, взятые отдельно сами по себе являются прекрасными аккумуляторами. Но когда их субстанции смешиваются в одном «изделии» (хоть плоском, хоть формированном), его федеративная сила, отклоняющая мою рамку, оказывается меньшей, чем в автономных случаях. Значит, в данной ситуации синтез не увеличил суммарной силы двух слагаемых.

В воск стали добавлять опилки из слоновой кости, порошок из перегородок грецкого ореха, муку из панцирей морских губок и ракушек и т. д., и т. п. Их воздействие в ряде случаев росло, иногда же — нет. Был применен и такой синтез: в кубинские океанские ракушки был залит воск, после чего все вместе подзаряжалось — эффект был великолепен, эти компоненты «дружат». И т. д., и т. п.

Итак, что касается материи, содержательного субстрата наших аккумуляторов, то здесь тоже может быть сформулирована общая закономерность: чем ближе его внутренние свойства живому, тем эффективнее его воздействие на это живое и тем теснее их сродство.

Разумеется, здесь самое место для того, чтобы еще и еще раз подчеркнуть положение о максимальном воздействии на нас того произведения (предмета, изделия), и содержание, и форма которого оптимально соответствуют глубинным закономерностям самой жизни, но, зафиксировав этот логичный и очевидный вывод, я двинулся бы к иному, для меня неожиданному и заставляющему напряженно думать.

Субстанция — да, без нее никуда, **форма** — да, она способна значительно повышать потенциал вещи. Однако дело к этим двум вещам и их взаимоотношениям не сводится (и, смею полагать, не только в области живой природы). **Необходимо говорить о триаде**, ибо и материал, и его форма (реальная отливка) бездейственны и по сути нейтральны, мертвенны до тех пор, пока я их не заряжу. **И лишь приданный им внутренний заряд создает их реальную ценность для нас.** Подобно тому, как живой организм — это иное, чем мертвое тело, чем труп, так и аккумулятор, оказывающий на нас благотворное воздействие, вне внутренней, действенной силы, привнесенный в него и поддерживаемой далее его взаимодействием со средой (скажем, с магнитным полем Земли), это качественно иное создание, чем просто круглый кусок воска.

Мне приходилось замерять истинные произведения искусства — энергетически (отклонением рамки или ладонями). Они разительно отличаются от поделок, исполняемых автором с холодною душой или по обязанности, без вдохновения. Среди них попадались и весьма «холодные» иконы средневековья (знать, и тогда уже встречались художники-халтурщики), хотя иные из икон воистину обжигали ладони, среди картин оказывались и могучие действующие реакторы, сотворенные почти безвестными современниками — столько вложено в эти создания чувства и скрытой страсти. И потому сейчас я говорю о глубокой закономерности — объемной, в отличие от плоскостной, привычной для нас формулы зависимости содержания и формы: произведение (предмет, изделия) является состоявшимся, если творец вложил в него такие светлые и могучие свойства своей души, которые поддерживают и увеличивают жизненные силы людей, прибегающих к общению с этим предметом.

Таков, как кажется, важнейший философский итог из практики вполне конкретного употребления мною «второго сердца» в период 32-дневного экспериментального голодания со 2 ноября по 3 декабря 1986 года включительно.

4. «Вся королевская рать»

Подпитка от окружающей среды, могущество воды в разных ее ипостасях, поддержка, даруемая сердцу энергетическими аккумуляторами разных типов — обо всем этом говорилось на предыдущих страницах с немалой степенью подробности, потому что все это достаточно непривычно для повседневного обихода. Были, однако, и другие средства для возбуждения и поддержания дополнительной энергии в организме, которые применялись мною с большой степенью регулярности и которые никак не относятся к разряду приемов неизвестных или малоизвестных. Что имеется в виду?

Ежеутренняя чайная ложечка настоя «золотого корня», т. е. женьшеневого братца, на стакан воды.

Ежедневное облучение тела кварцевой лампой в течение 15 минут (во время «обеда» под соленоидом) да еще в сопровождении, как правило, мощной струи из гидроаэроионизатора «Ион».

Ежевечерний 20—30-минутный отдых, расслабление, медитация — на резиновом коврике 120×60 см, в который равномерно через 5 мм воткнуто 12 тысяч острых иголок длиной в 1 см. Пребывание нагишом на нем — от затылка до ягодиц — возбуждает все активные точки и каналы на спине (которая некоторое время похожа после этой процедуры на вафельное полотенце). Коврик этот куплен за 120 рублей у слепых, которые только, думаю, и способны на изготовление подобного изделия, требующего адского терпения.

И все-таки даже в этот «спокойный» раздел введу под конец нечто будирующее, непривычное: и сидя под соленоидом, и работая на велоэргометре, и лежа на колючем коврике, я закрепил в полуметре над головой большой (40 см в поперечнике) трехкупольник из папье-маше, облицованный изнутри биополимером Г. А. Сергеева: для массированной энергетической подпитки головы, для поддержания предельно высокого уровня умственной работоспособности (который и был характерен для всего этого периода).

5. Параграф без названия.

Как известно, любая новизна имеет, по крайней мере, три стадии общественного восприятия: 1) Этого не может быть. Чушь какая-то... 2) А что, в этом, кажется, что-то есть... 3) Кто же этого не знает?

Никаких сомнений не имею на этот счет, что положения этой моей статьи подавляющее число нормальных членов профсоюза, если ознакомится с ними, отнесет по ведомству «чуши какой-то». Но полагаю также, что нужды самой высокой из всех высоких инстанций — Практики — в обозримом будущем побудят многих из здравомыслящих людей передвинуться на вторую ступеньку, исподтишка пользуясь хотя бы некоторыми из данных конкретных рекомендаций, ибо польза для здоровья от них — безусловная.

Что же касается реального содержания данного «Параграфа без названия», то у меня нет никаких надежд на его понимание (не говоря уж о признании) и в отдаленном будущем, столь далеко расположено оно и от обыденного, и от научного сознания. И Параграф этот я вставляю в свое нынешнее изложение только ради логической полноты

отчета, ибо средство, в нем не раскрываемое, я применял с огромным положительным эффектом и по отношению к себе, и по отношению к другим. Тем меньше мне хотелось бы, чтобы именно оно вызвало отрицательную реакцию даже хороших людей, которые нисколько не повинны в том, что сознание их не готово к принятию того, чему объяснений пока нет, что являет собою огромный черный ящик.

Будучи готов принять в связи с этим насмешки и недоверие, я испытываю по этому поводу душевную боль и горечь, ибо за моими словами — непоколебимые **практические** результаты. Какие?

Изменение неблагоприятной структуры на благоприятную у мелких предметов, излучающих свои колебания в антифазу нашим колебаниям (часы, очки, украшения и т. д.).

То же самое по отношению к продуктам питания и напиткам.

То же самое по отношению к жилой площади, по переделке ее в благоприятную для человека из биопатогенной.

То же самое по отношению к мелкой живности (реанимация четырехнедельных цыплят, затоптанных в июне 1986 года тупою толпой своих собратьев, и исцеление сломанной ножки у вороненка Карлуши, выпавшего из гнезда тогда же).

Должен сказать, что методику эту я неоднократно применял в качестве психического посыла на расстоянии при воздействии на организм упоминавшейся ранее Асечки Матвиенко, когда деваться было некуда, когда сама смерть сидела на ее больничной койке.

Что подтолкнуло меня осуществить эксперимент в полном, реальном, конкретном виде, с применением специально подготовленного оборудования? То, что Сергей Л., молодой человек, чья судьба была мне отнюдь не безразлична, впал в тягчайшую депрессию и недвусмысленно, особенно после непростых испытаний, едва не завершившихся тюремным заключением, решил покончить с собой. Именно в этот момент он и заявил мне: «Юрий Андреевич, делайте со мною все, что хотите, проводите любое испытание, продавайте меня хоть черту, хоть богу, потому что мне уже все равно, я буду кончать все счеты с этой жизнью, если вы мне не поможете». (Надо заметить, что двухнедельное пребывание его в психбольнице и лечение его там перед этим разговором ни к чему доброму не привело: цитированное высказывание — прямое тому свидетельство). Слов нет, я был категорически против этой смерти и вынужден был сыграть ва-банк. 5 ноября 1986 года в 21 час я первым — как с утеса в ураганное море — прошел через процедуру, которой в истории человечества, полагаю, никто раньше не пользовался, а затем, после этой проверки, надежно завязав Сергею Л. глаза, проделал ее и по отношению к нему.

Что касается меня, то вполне возможно, что благодаря этой процедуре я столь легко прошел этот месяц (не могу сказать достоверно, ибо предшествующее изложение показало, сколь многими энергетическими каналами я пользовался). Что касается Сергея Л., он через некоторое время — дней через 5—6 — позвонил о своей метаморфозе: он влюблен в жизнь, ему хочется работать, много сделать, написать нечто удивительное и т. д. Вскоре я получил от него письмо, каких человек немного получает за десятилетия: с пламенной благодарностью за возвращенную жизнь. Сейчас, почти три месяца спустя, он по-прежнему находится в добром тонусе, увлеченно пишет.

Таким образом, две человеческие жизни: Асечки и Сергея — являются весомым аргументом в пользу тех изысканий, которые по отношению к себе в полной мере я применил в период 32-дневного экспериментального голодания.

Разумеется, все названные (и некоторые иные) энергетические аспекты я буду разрабатывать в меру своих сил и возможностей и дальше, и весьма досадно, что эффективнейший, очевидно, из них должен изучаться в обстановке, исключающей какую-либо утечку информации. Он сулит большие многообразные перспективы, а потому не должен быть нелепо подорван у самых истоков.

III. РЕЗЮМИРУЮЩАЯ ЧАСТЬ, ИЛИ В ЧЕМ БЫЛ НЕ ПРАВ ФАУСТ

Доктор Фауст, согласно средневековой легенде, продал черту душу и обрек ее тем самым на вечное (после смерти) надругательство — во имя возвращения молодости. Не берусь судить о его воспоследовавших загробных муках, но посмертной критики он действительно заслуживает, и прежде всего, за малодушную готовность прибегнуть к любым, даже самым аморальным средствам, но — не к собственным внутренним резервам. Мать-природа заложила в нас вулканические силы, она готова нас всячески радовать и поддерживать, если только мы захотим понять светлые и мудрые законы ее и жить согласно ее уложениям.

Доктор Фауст заслуживает критики также и за то, что он хотел вернуться в свое изначально юное состояние, а это, при неукоснительном выполнении чертом данного пожелания, должно было вести к автоматическому отсечению таких фундамен-

тальных ценностей, как опыт и знания. Стремление предпочесть им наслаждения, даруемые молодым организмом, есть весомое основание к характеристике малой нравственности оного персонажа.

А между тем мы имеем все возможности, не выбрасывая за борт, но, напротив, всячески приумножая драгоценный багаж осмысленного опыта и непреходящего значения знаний, полнокровно пользоваться всеми без исключения щедротами молодого здорового организма! Чтобы добиться подобного наивысшего идеала, не закладывая в адский ломбард свою душу, но сохраняя ее свободной и радостной, надо лишь советоваться не со своею безразмерной ленью, не с безмерной косностью среды, но с природой, но с теми людьми, которые всегда в поиске. «Если бы молодость знала, если бы старость могла» — добрая поговорка в том плане, что реальные возможности для этого человеческого оптимума существуют на деле, во всяком случае «старость» «может», как синоним немощности она отодвигается далеко-далеко.

Наше здоровье зиждется на трех китах, о которых мне доводилось уже в других Записках подробно говорить ранее: дух деятельный и доброжелательный; высокий энергетический потенциал; чистый организм — ничем не зашлакованный, потребляющий соответствующие пищу и жидкости, регулярно освобождающийся от внутренней грязи. В этой Записке речь шла только об энергетике, причем в некоторых нетрадиционных аспектах ее обретения нами, — что отнюдь, конечно же, не означает, что привычные, проверенные, безупречные способы старой «подкачки» следует оставить. Нет, к ним надо **добавить** новые.

Досадно, конечно же, что изложенное здесь, будь оно предложено вниманию так называемых ученых (убежденных консерваторов на 98%) или вынесено на широкое обсуждение, будет подвергнуто не проверке, а остракизму, злобному осуждению. А ведь если бы люди раньше на полвека знали все это и умели бы практически применять, то на Пискаревском кладбище не лежало бы 600 тысяч умерших от голода ленинградцев...

Много ли времени занимают все эти процедуры? Не больше, чем наши регулярные занятия едой и физкультурой (если мы ею занимаемся, конечно). Но уж, конечно, они приносят много больше радости, чем хождения по врачам, лежание в больницах и маразматическое воздействие на своих ближних и дальних.

И главное: здоровье — само по себе великая фундаментальная ценность нашей личной жизни, собственно говоря — это сама нормальная жизнь, но оно же — и незыблемое основание нашей работоспособности, которая является уже ценностью общезначимой, общественной. Вот почему игра стоит свеч, вот почему изложенное выше, надеюсь, раньше или позже взломает, взорвет железобетонную плотину той нашей косности, из-за которой сотни миллионов людей катастрофически заваливаются в кювет, достигнув едва ли половины своего жизненного пути.

27 января 1987 года

P. S. Как стало достоверно известно, японские ученые поставили изучение так называемых сверхнормативных явлений на компьютерный поток и обобщение. Чуждые, в отличие от нас, каких-либо догм и навеки незыблемых канонов, они закладывают сейчас основу своих будущих невероятных практических успехов и дерзких, фундаментального значения теоретических оваций. Нас же ничто не учит: ни уроки кибернетики («продажной девки империализма»), ни уроки генетики («выдумки реакционного монаха»), ни многие иные провалы, за которые потом столь дорого платим.

И здесь, прикидываю, склеротированный паралич некоторых зон нашего общественно-научного мышления встанет нам в двадцати-тридцатилетнее практическое отставание, в утрату приоритета и престижа. Что же, нам не привыкать. А жаль!..

Понимаю, что недопустимая в строгих научных изложениях эмоциональность этой Записки способна сработать против меня так же, впрочем, как и целый ряд необязательных штрихов (что это, к примеру, за три красотки, о которых в деревенской бане я избил березовый веник, и какое, в конце концов, отношение имеют к классической науке, черт побери?!). Очевидна мне и непроясненность ряда процессов, упомянутых здесь (скажем, набор при подпитке веса — для меня самого абсолютно черный ящик), но понимаю также и то, что зацепятся за эти поводы лишь те и именно те, кто рад будет любому поводу, чтобы **уйти от сути** поднятых здесь вопросов. Пусть уходят: **баба с возу, кобыле легче!** Пусть этот финал будет не по этикету, зато — чистосердечный.

ЦИКЛ САТУРНА В ЖИЗНИ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЙ

В. Н. Бендюрин.
С 1972 года живет в Новосибирском академгородке. Окончил химическое отделение Новосибирского университета.

После смерти Л. И. Брежнева в 1982 году было замечено, что это событие совершилось через 29 лет после смерти И. В. Сталина и через дважды 29 лет после ухода В. И. Ленина. Понятно, что эти даты надо расценивать в ранге исторических вех в жизни человечества в целом и здесь уместен глобальный, космический подход в анализе.

Выявленный период соответствует циклу обращения Сатурна вокруг Солнца — несколько более 29 лет. Естественно продолжить этот цикл в прошлое и поискать аналоги. И оказывается, что закономерность действительно имеет место в ряду дат кончин многих известнейших идеологов социализма и материализма:

1982 — Брежнев
1953 — Сталин
1924 — Ленин
1895 — Энгельс
1866 — Буташевич-Петрашевский, Налбандян
1837 — Фурье
1808 —
1779 — Вольтер и Руссо в 1778, Кондильяк в 1780.

Отмеченные даты соответствуют периодическим вхождениям Сатурна в зодиакальный знак Скорпиона. Этот факт вполне соответствует данным классической астрологии: Сатурн, как известно, играет огромную роль в стимуляции общественно-политической жизни, а знак Скорпиона несет качество разрушения материальности. Так, космические излучения светила определенного спектра, проходя через какой-либо из секторов космического пространства, соответствующим образом модифицируются и создают в энергетической оболочке нашей планеты определенные вибрации.

Эти вибрации провоцируют в психике людей проявление определенных качеств, эмоций, мышления и физиологических состояний. В наше время, кажется, уже не надо особенно доказывать, что здоровье, психическое и физическое, у нас общее. И ясно, что всегда есть люди, стоящие в фокусе коллективных психофизических полей. Их жизнь — и зеркало, и светильник общественной жизни. Кризисы и подъемы социальной жизни явственно заметны в хронике индивидуальной жизни вождей, «знамен» общественных движений. Так сливаются воедино «жизнь замечательных идей» и «жизнь замечательных людей».

(ЗАМЕТКИ, НАУЧНОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ В. БЕЛИЦКОГО О ВСТРЕЧАХ С ЛЮДЬМИ, КОТОРЫХ НАЗЫВАЮТ ЭКСТРАСЕНСАМИ)

I. Необъяснимо, но существует

Иван Милев, промышленный экстрасенс из Болгарии, который создал уникальное устройство, оздоровляющее окружающую среду.

В одном из номеров журнала «Болгария» за 1988 год напечатана статья Нели Ковачевой о лозоискателе Иване Милеве из города Бургаса, работающем в экспериментальном конструкторском бюро «Магнитотрон», и его удивительных изобретениях. Вот краткое изложение статьи, рассказывающей о необычных контактах человека с неординарными явлениями природы.

Феноменальные способности Милева обнаружились случайно, в 1981 году. Он рассказывает: «Мне нужна была вода на дачном участке. Позвал лозоискателя, чтобы он указал место для колодца, но попытка не удалась, воды не было. Решил попробовать сам. Взял прутики в руки — и был крайне удивлен, когда они наклонились над крохотной трещиной в камне. Движение прутика сопровождалось неприятным ощущением в локтях, как при слабом ударе тока. Начал копать, и вот тебе раз — пошла вода. С того дня не расстаюсь с индикаторами, нашел книги об этом, непрерывно экспериментирую. Оказалось, могу находить не только воду, но и нефть, природный газ, различные руды. Сделал несколько десятков различных индикаторов, которые «усиливают» мои ощущения. Например, когда ищу определенный минерал, прикрепляю ампулы с ним на запястья, и это помогает улавливать сигналы из земли».

Милев открыл много месторождений, исправил не одну геологическую карту, помог найти воду на территории около 500 сельскохозяйственных предприятий. Но еще интереснее оказалось применение его феноменальных способностей в бюро «Магнитотрон».

По гипотезе западногерманского ученого Хартмана, земля разделена на «больные» и «здоровые» зоны. Это так называемая геопатия, обусловленная существованием геобиологической сети, называемой «сетью Хартмана». Как утверждает теория, эта сеть состоит из пучков невидимого геомагнитного излучения, ориентированных в направлениях север-юг и восток-запад, наподобие параллелям и меридианам, но не воображаемым, а реальным. Места пересечения пучков — это «больные» зоны. Характер излучения пока не выяснен, но, по мнению некоторых ученых, оно оказывает несомненно вредное влияние на здоровье, работоспособность и продолжительность жизни людей. Особенно нежелательно длительное нахождение в «больных» зонах.

В ряде стран проведены исследования, подтвердившие «геоопасность». Так, было обследовано 1.300 жителей Варшавы, и оказалось, что всего 200 из них спят в «чистых» зонах — между пучками сети — и здоровы. Из остальных 1.100 тяжело больны 335, а 108 скончались. Полагают, что каждый из тех, кто болен раком или умер от него, длительное время находился в патогенной зоне с «положительным» зарядом, а каждый больной туберкулезом был в зоне с «отрицательным» зарядом. Но сущность явления не раскрыта. А сами «геопатогенные зоны» могут обнаруживать лишь люди, обладающие специфической чувствительностью.

Именно такой чувствительностью обладает и Иван Милев. Но и эту свою способность он сумел усилить, создав индикатор для определения геопатии. С его помощью было найдено большое пятно вредного излучения в Бургасе. Сделанные геофизиками измерения подтвердили: в зоне есть какое-то повышенное излучение. Врачи провели свои эксперименты и выяснили, что более чем у 80 процентов людей, живущих в неблагоприятной зоне, наблюдаются учащение пульса, повышение давления крови, сердечная аритмия. Как же быть — срочно уезжать в другой город?

Конструкторы «Магнитотрона» предложили простое устройство — намагнетизированную металлическую фольгу, вмонтированную в обычную шариковую ручку: достаточно

держать ее в кармане, чтобы нейтрализовать вредное воздействие излучения. Вот заключение медиков: в результате использования магнитного прибора показания деятельности сердечно-сосудистой системы нормализовались и не отличались от данных контрольной группы в нейтральной зоне.

Другой принцип использовал Милев — он взял за основу египетскую пирамиду Ведь египтяне знали «закон излучения форм». Специалисты сегодня уже установили благоприятное влияние пирамидальной формы на мумифицирование, на консервирование органических тканей. Такая конфигурация может применяться и для нейтрализации радиоактивного излучения, а также и в «больных» зонах, о которых идет речь. Милев изобрел для этого легко монтируемое устройство, которое представляет собой две проволочные пирамиды, соприкасающиеся вершинами. К ним прикреплены обращенные вверх и вниз антенночки тоже из проволоки. Если устройство правильно ориентировано в направлении север-юг, то, по словам Милева, за счет какого-то непонятного пока взаимодействия с пучками «сети Хартмана» происходит их нейтрализация в радиусе около 50 метров.

Нейтрализатор Милева установлен в Бургасе, за его действием ведутся наблюдения. Но это, оказывается, не единственный случай в практике. Так, сообщалось, что в Румынии действует основанная на том же принципе пирамида из бетона и стекла для очистки сточных вод. В Польше подобные пирамиды способствуют повышению урожайности картофеля...

Самое большое желание Ивана Милева и его коллег — чтобы новые возможности человека были исследованы, проверены и начали использоваться в полной мере для блага всего человечества.

II. Экстраконтроль

Леонид Михайлович Дубовой,
кандидат технических наук,
заведующий кафедрой психологии
Пензенского педагогического института,
еще 12 лет назад организовал
врачебно-инженерную бригаду
для разработки методик бесконтактной
диагностики и коррекции психофизиологического
состояния человека.

Дубового интересует оператор. Тот самый человек, который сидит за рулем грузовика, за штурвалом самолета, в кабине электровоза, у пульта ГЭС или атомной станции. Тот, кто может не заметить красный светофор, сигнал отказа системы, кто из-за сверхурочных или пьянства способен заснуть на посту...

Дубового интересует оператор. Та часть системы «машина—человек», которая является самой слабой, самой уязвимой в наше время перегрузок, стрессов и жизненных неустроенностей. Те, кто создает технику, должны думать прежде всего не о станинах или колесах, не о металле или пластмассе, не о бензине или уране. Они должны думать об Иване Ивановиче Иванове, без которого все это не имеет никакого смысла.

Дубовой не относится к разряду бездумных оптимистов — да такими и не бывают специалисты по инженерной психологии. Он хорошо знает, что бесполезно ждать милостей от природы. Нужно браться за спасение пассажиров и грузов, электростанций и зданий с другого конца. Нужно, считает Леонид Михайлович, как минимум, надежно контролировать состояние оператора. Его физические и психические кондиции — внимание и бодрость, работоспособность и настроение. Может быть, таким способом удастся уменьшить число аварий и жертв, снизить колоссальный ущерб от ошибок управляющего техникой человека.

Такова, стало быть, цель. Каковы же средства?

На водителя или летчика не наденешь упряжь датчиков, какую нам показывают в репортажах о подготовке космонавтов: мешает работать. Контроль должен быть, так сказать, не мешающим. Бесконтактным. Но это только половина задачи. Хорошо бы еще располагать возможностью, на языке серьезных людей именуемой коррекцией психофизиологического состояния.

«Министру здравоохранения СССР
тов. Чазову Е. И.

Глубокоуважаемый Евгений Иванович!

Пензенский облздравотдел совместно с промышленными предприятиями в течении ряда лет проводит исследования по разработке аппаратурных методов экспресс-диагностики и коррекции состояния пациентов... С 1979 года врачебно-инженерной бригадой проводится разработка методов бесконтактной оценки и коррекции психофизиологического состояния пациентов. В основе подхода к решению данной проблемы лежит явление избирательного поглощения спектра электромагнитных колебаний (10—10^6 Гц) различными тканями организма. Эксперименты по диагностике и коррекции состояния в условиях клиники показали высокую эффективность метода и дают основание просить Вашего разрешения на проведение широких исследований и организацию научно-исследовательской лаборатории на базе лечебных учреждений Пензы и промышленных предприятий. В

качестве основы такой лаборатории может служить врачебно-инженерная бригада, созданная облздравотделом совместно с производственным объединением «Эра».

Второй секретарь Пензенского обкома КПСС А. Ф. КОВЛЯГИН».

Ничего этого, как понимает подкованный читатель, конечно, не получилось.

Но нам-то с вами нужно знать, что же такого напридумывал Дубовой, что, невзирая на нахмуренные брови крупных чиновников, руководители пензенского облздрава — сначала А. Самохвалов, затем сменивший его Ю. Лаптев — не только посчитали необходимым работать с инженерами и создали врачебно-инженерную бригаду, но и потом, когда стало ясно, что в этой бригаде как минимум три сильных экстрасенса, совершенно этого не испугались...

Идея, легшая в основу работы бригады (костяк ее составили вместе с Дубовым А. Гончарук и В. Горгашин), состоит в том, что если мы с вами дети природы и созданы в космических и земных полях, то и организм наш, естественно, имеет определенные частотные характеристики. У каждого органа есть свое собственное фиксированное «окно» частот и, как минимум, одна резонансная частота. Если орган подвержен патологии, его частотное «окно» сдвигается, резонанс тоже изменяется. Чтобы навести в органе порядок, надо воздействовать на него соответствующей полосой частот, и патология отступит.

Заметьте: гипотеза такова, что и уловить отклонение, и воздействовать на орган заданной частотой можно двумя способами. Первый — руки экстрасенсов, которые, по мысли разработчиков, фактически есть нечто вроде датчиков излучения. Второй — настоящие, так сказать, физические датчики и приборы, выполняющие ту же функцию приема-передачи.

Дотошные технари здесь зададут коварный и, конечно же, логичный вопрос: а как все это сделать? Где взять датчики и приборы для столь тонких (очень тонких!) взаимодействий? Как определить спектры частот всех органов и систем человеческого тела? Наконец, чем именно воздействовать, задавать необходимую частоту — ведь таких устройств нет?

К счастью, уже есть.

Я сидел в очень удобном кожаном кресле и сжимал в руке нечто вроде части руля или рычага — это оказался датчик. Он «читал» информацию, «написанную» на ладони. Другой датчик, в сиденье, «читал» другую «написанную» мышцами, информацию, которая позволяет судить об эмоциональном состоянии организма. Третий датчик считал удары и ритм моего сердца... Все было, словом, как полагается: бежали по экранам зеленые точки и кривые, слышалось убедительное, вполне научное попискивание приборов, что-то совершенно интимное из моей жизни нагло выбалтывал всем компьютер... Испытание было примитивным, как «Запорожец» второй модели: сначала кривая частоты сердечных сокращений была поднята примерно на пять ударов в минуту, потом на столько же снижена. Простота требовалась для наглядности.

Я, понятное дело, все равно спросил: как? Не стану вдаваться в детали, рассказанные мне Дубовым и его товарищами, — главное же здесь в том, что они построили генератор, который вырабатывает очень слабые — намного слабее допустимых нормативами — энергетические импульсы, причем в той полосе частот, в том резонансном ключе, который в этот момент нужен. Технически это называется «структурировать сигнал». Я видел генератор этих сигналов и даже пошлепал его, как шлепают по боку арбуз.

Но чтобы разговор был все-таки серьезным, приведу еще одно письмо — заведующий облздравом Ю. Лаптев написал в ответ на мой официальный запрос: «Врачебно-инженерной бригадой под научным руководством кандидата технических наук Л. М. Дубового проведены исследования, в ходе которых получены следующие основные результаты: 1. Разработан подход к диагностике и лечению ряда заболеваний энергетически слабыми воздействиями, в основу которого положено явление избирательного поглощения спектра электромагнитных колебаний тканями организма. 2. Разработаны методики и сконструирована аппаратура, позволяющая проводить экспресс-диагностику психосоматических нарушений в организме человека и осуществлять коррекцию этих нарушений. 3. Проведены клинические испытания по экспресс-диагностике и нормализации различных патологических изменений, в которых определена область применимости и эффективности разработанных методов и технических средств. 4. Результаты исследований доложены на коллегии Министерства здравоохранения РСФСР, где одобрены и рекомендованы к применению в лечебной практике медицинских учреждений области. Однако для отработки диагностических критериев... необходимо проведение расширенных экспериментальных исследований в клинике с применением современных технических средств на базе ЭВМ с целью достижения автоматизации в сборе и обработке данных. К настоящему времени врачебно-инженерной бригадой раз-

работаны принципы построения автоматизированной системы контроля и нормализации состояния человека».

Как полагает Леонид Михайлович, сейчас вполне реально создать для контроля состояния, скажем, водителя дальних перевозок или машиниста серийный прибор, который бы по размерам не превышал обычный диктофон, а по стоимости — несколько десятков рублей. Этот электрический «сторож» позволит заметно повысить надежность системы «человек — машина».

Но что делать, если Дубового интересует оператор, но сам Дубовой со всей врачебно-инженерной командой не интересует у нас никого?

«В анатомическом атласе я нашел подтверждение тому, что знал всегда»

Владимир Александрович Холодов,
о котором можно для начала сказать лишь,
что живет он в Сочи,
работает в одном из институтов Ташкента,
но как его найти
и как попасть к нему на прием,
я вам сказать не могу,
а сам он говорит однозначно: «Никак».

Из всех встреч с экстрасенсами эта была самой трудной. Потом я понял, почему: Холодов не стремится к популярности. Вот, скажем, Кашпировский, или Чумак, или Джуна говорят — вы заметили? — гладкими, хорошо обструганными словами и фразами, достаточно четко излагают мысль, короче, явно заинтересованы в том, чтобы как минимум быть понятыми, а как максимум — очаровать собеседника.

Холодов, кажется, сделал все, чтобы меня запутать. Он долго думал над простыми, как мне казалось, вопросами, в каких-то неподходящих местах вдруг начинал говорить совсем о другом, и я в отчаянии уже решил, что ничего из этого не выйдет, как из разговора слепого с глухим, как вдруг...

Ну как обойтись в этой теме без столь нужных по сюжету маленьких ЧП? Вот и в этот раз оно влетело в дверь моего кабинета в виде невысокой, ладной, модно одетой женщины, которая с непринужденностью красивых людей, которые знают, что они красивы, лихо соврала что-то про сочлененный троллейбус, имевший наглость разорваться пополам в самом неподходящем месте, и она осталась, конечно же, во второй половине, из-за чего и вышло опоздание на эти небольшие полтора часа.

Холодов смотрел на нее своими внимательными жесткими глазами, говорил сущую ерунду, а я сидел в сторонке, наблюдал и думал: что же чувствует человек, мечтавший оказаться у настоящего экстрасенса и вот осуществивший свою мечту? Я думал: если он не водит возле нее руками, как многие другие на моих глазах, не заговаривает о болезнях, то как же идет воздействие — помимо зрения, слуха, вкуса, тактильных ощущений? Короче, минуя обычные созданные природой для контакта с окружающим миром каналы восприятия?

Они просидели друг против друга около часа, но постороннему не дано проникнуть в тайну такого общения, не дано провести репортаж изнутри процесса сверхчувствительного контакта. И тогда я попросил эту женщину написать для меня нечто вроде отчета о том, что она чувствовала во время первого и последовавших затем дистанционных сеансов и какие изменения в состоянии своего организма заметила.

Вот в кратком виде этот отчет.

«Страшно волновалась. Ждала чудовищных открытий в своем теле. Казалось, что вот сейчас он найдет у меня ВСЕ. И окажется, что все мои болячки — от того, от главного... А он такой подтянутый, голова хорошей формы, с бородкой. Очень уверенный. И очень посторонний, как будто я без очереди прошусь за сапогами. Глаза неприятные. Но не нахал. Почему-то голова больше не болит. Почему не спрашивает, что у меня болит? Ну, и не надо, если такой умный, пусть сам догадывается. Зачем я стану рассказывать про свою тошноту — сейчас тем более почему-то не тошнит...

В тот день он улетел домой, предупредив, что завтра позвонит мне с 12 до часу. А вечером и ночью со мной начало происходить что-то странное: как будто кто-то пытался вытянуть из меня все мои органы. По очереди. Острой волной на несколько минут возникали боли — то в желудке, то в почках, так что я боялась за свой пиелонефрит, то вдруг язык как будто онемел — кончик его совсем, а в гортани покалывание, вроде того, как если ногу отсидишь. Боли так же быстро проходили, сменялись волной мурашек по телу, после которых наступала удивительная легкость!

Он позвонил из Сочи в половине первого и сразу сказал, что мной доволен, что я хорошо поддаюсь ему, и рассказал, в какой последовательности, когда и что именно со мной происходило. Не могу понять, что это за штуки, но ведь именно так и было, как он сказал. Гипноз? Бог знает, но очень уж странно. Велел позвонить ему домой на следующий день, в то же время. Все продолжалось, я позвонила, и он опять сказал, что за чем, как он говорит, «трогал». Назвал даже время, когда... впрочем, это не для мужского глаза.

Оба раза в телефонном разговоре кружилась голова, туман перед глазами, думала, сейчас в обморок упаду, а он спрашивает: что, кружится голова? Кружится, говорю еле-еле. Ну, хватит, говорит, и кладет трубку. После второго телефонного сеанса сказал, что уезжает в Ташкент, но оттуда продолжит, только уже не по телефону, а напрямую. Что это?

—Почувствовала, что это такое: совершенно перестали болеть почки. Тяжело мучал меня остеохондроз, лечилась у Касьяна, но все время было ощущение тяжести и «стеклянности» в позвоночнике, — и оно исчезло. Сначала вовсе исчезла экзема на руках, потом что-то вернулось, но без пузырей и зуда... А на ногах осталась, но тоже без зуда... Внезапно поняла, что могу лечь в постель без грелки: руки и ноги теперь все время теплые, и нос теплый... Что это такое? Даже муж заметил — говорит, что это у тебя ноги такие теплые?

А на работе подруги спрашивают, когда это я успела подтяжку сделать — мешки под глазами пропали. У нас, говорю, в жэке новая платная услуга, по телефону с доставкой на дом... Смех смехом, а как будто лет на двадцать помолодела, стала гибкая, сильная, бодрая... Умоляю, сообщите, когда он снова приедет, мне хочется так много ему сказать».

После этого урока практики я больше не мучал Владимира Александровича вопросами теоретическими, а задавал, так сказать, бытовые, и разговор пошел — он, может быть, покажется вам совсем не научным, но мне думается, вполне годится как комментарий к отчету красивой женщины.

— Не хочется множить мифы. Уважающий себя человек желает получить понятную информацию о каких-то новых вещах. Но когда Чумак пристально смотрит с экрана и машет руками, мне лично кажется, что меня считают за идиота — каким бы гениальным ни было его воздействие. Идиотом быть как-то неприятно. Поэтому у всех экстрасенсов я спрашиваю, как они себе представляют механизм, физическую и психическую сущность своего дела.

— Мне только слово «экстрасенс» не нравится, оно мне кажется каким-то шарлатанским. Я предпочитаю «сенситив». Ладно? А насчет механизма... Все пытаются это объяснить. Кроме Чумака. Ну, этого я тоже не понимаю — как можно сразу всех лечить? Надо же человека чувствовать, без обратной связи ничего не получится, точности не будет.

— Вы от вопроса-то не уходите.

— А хочется уйти. Механизм... Я не могу это объяснить на уровне «дотронулся — обожгло».

— Но ведь нельзя предположить, будто вы от меня чем-то принципиально, анатомически или биологически, отличаетесь. Мы с вами изначально, от природы, одинаковы, сделаны из одного материала. И то, что умеете вы, должен уметь и я...

— Так же, как то, что умеете вы — я... Только мы развились по-разному. Вы вот пишете, я этого не умею. У меня — свое.

— Вот это ваше свойство — улавливать и воздействовать — оно материально?

— Конечно. Это свойство нервной системы, я думаю.

— Чем вы ощущаете людей? Какой у вас, если так можно выразиться, рабочий орган?

— Мозг. Я чувствую, вижу в умственном пространстве.

— Что же вы видите?

— Всего человека, как на голограмме... Все его органы. Каждый можно взять, увеличить, изнутри его посмотреть... Сложно объяснить. Достаточно и мельком посмотреть... между тобой и этим человеком нет различий, ты единое с ним целое... И вот как мастер сразу видит, где в часовом механизме какие нарушения, так и ты видишь. Я могу с человеком о чем угодно говорить, и в это время как бы по его органам перемещаться и смотреть их, понимаете? Как бы в другом каком-то измерении.

— Вы, наверное, не с самого начала жизни так все в человеке видели? Наверное, вы сначала в анатомическом атласе это увидели, а потом представили?

— Нет, я когда смотрел анатомический атлас, когда медицине учился, то узнавал то, что раньше видел сам.

— Когда я смотрел видеокассету с записью рассказов сочинских врачей о вашей работе, меня поразило, что они относятся к описываемым ими самими фактам, как к чему-то сверхъестественному. А они же естественники, натуралисты — по образованию хотя бы. Кто-то из них выдвинул хоть какую-то гипотезу о механизме такого воздействия?

— Все эти гипотезы давно есть, и даже на уровне четких теорий — это восточная медицина, очень древняя. В современном мире многое забыто, и когда появляется вновь, то начинают гнать, преследовать, как деревенские собаки чужого нищего. Все знания раньше жили в восточных монастырях, они сейчас, как песчинки, рассеяны по свету, но когда создаются благоприятные обстоятельства, песчинки объединяются, приносят определенный вид культуры. К нему нужно прислушиваться, ему нужно учить. Тогда шире откроются возможности долгой и здоровой жизни, спасения многих людей. Такой сенситив, как я, может, используя свои способности, за короткое время вылечить от самых разных болезней самых разных людей — тех, кто годами лечится в

поликлиниках и больницах без всякого толка. Понимаете, почему у меня были в прежние годы крупные неприятности с милицией? У нас милиция определяла, кого и как полагается лечить.

— Сколько человек вы можете принять за день?

— Одного-двух.

— Всего?

— Конечно. Я ж говорил: сенситив и больной — одно целое. Поэтому его болезнь ложится и на меня. Его вывожу, но и мне то же самое требуется.

— То есть вы жертвуете своим здоровьем?

— Ну да. Так что приходится отдыхать от больных. На это нужно время. Оно зависит от моего состояния, от тяжести болезни, от времени года. Некоторые заболевания удается вылечивать прямо мимоходом, например, недавно — рожистое воспаление. И пока от больного доехал домой, уже отдохнул.

— Есть ли смысл называть болезни, которые поддаются вашему воздействию?

— Нет. Тем более, что я не лечу болезни, я стараюсь наладить нормальную работу органов. Стабильную, устойчивую работу, причем не одного какого-то — с разбалансированного начинаешь, но все они связаны, один другому передает состояние... Если один подтянуть, подкачать — будет лучше, но как перестал — опять все. А восточная медицина утверждает, что органы должны быть соединены в замкнутую цепь, они передают друг другу жизнь... Когда это удается, потом нужно немногое, чтоб человек сам себе помогал, и он уже больше не обращается. Устойчивый эффект.

— После каждой такой публикации приходят письма читателей, желающих попасть на лечение к тому или иному экстрасен... простите, сенситиву. Возможно ли это в вашем случае?

— Нет. Я работаю в этой области, по серьезной программе в одном из технических институтов, и не располагаю ни временем, ни силами для широкого приема.

— Может, вам надо выступить по телевидению?

— Ни за что! Я перестал бы себя уважать.

— Тогда, спросят читатели, зачем печатать такие материалы — только публику дразнить, помните старый анекдот о том, что продукты можно заказывать по телефону, а получать их по телевизору...

— Затем, чтобы не только заранее отрицательно настроенные медики, но и имеющие власть в стране люди поняли: пора перестроиться, нужно браться за настоящую помощь людям, и в этой работе нельзя пренебрегать ни россыпями древних знаний, ни ростками новых. Как говорится, была бы охота, а возможности есть.

— Согласен. Не обернулось бы это только охотой на ведьм.

— Хочется верить.

Самая серьезная, мне кажется, сегодняшняя наука концентрируется вокруг созданного недавно при Союзе научных и инженерных обществ Всесоюзного комитета по биоинформационному обмену в природе. С одной стороны, обидно: почему же столь важное и, я бы сказал, всенародно интересное дело надо делать на общественных началах, в то время, как в официальной науке сплошь и рядом деньги тратятся на сущую ерунду? Но, с другой стороны, это хорошо, потому что так обеспечивается чистота творческого процесса, защищенного от монополизма ведомств и прихоти чиновников. И в заключение мне кажется необходимым привести выдержки из статьи председателя этого общественного комитета, академика АМН СССР, директора Института клинической и экспериментальной медицины в Новосибирске Влаиля Петровича Казначеева. Она была напечатана в первом выпуске альманаха «Феномен».

«... В общем корпусе наук мы, как представляется, продолжаем быстро отстаивать в изучении живого вещества и его сущности, то есть в развитии знаний о биосфере и особенно о человеке... У В. И. Вернадского возникает мысль, что живое вещество — космопланетарный феномен, и вряд ли он произошел на планете Земля. Вернадский говорит, что о возникновении на Земле живого вещества даже и речи быть не может, оно появилось здесь в результате космопланетарного содружества живого вещества в Космосе, которое, в сущности, есть космопланетарная часть космического мира.

... Возможно, интеллект представляет собой сообщество, сожительство с полевыми, неизвестными нам формами, в котором белково-нуклеиновые тела клеток являются только носителями этих полей. Перед нами открывается картина иного видения растений и животных. А то, что чувствуют наши руки или видят глаза, лишь дано нам сейчас реально, в ощущениях. Поле же каждого из нас не имеет границ. Когда вы общаетесь телами — это одно. Когда вы общаетесь звуками, вы передаете и принимаете колебания воздуха. Но когда вы общаетесь полями — это, вероятно, целый неизвестный пока нам мир».

Что же сказать читателю на прощание? Пусть наука делает свое дело. Пусть распахивает плугом познания вечное космическое Поле, из которого вышли мы все, вышла наша Жизнь в разных своих проявлениях. Что есть наша с вами, читатель, предназначенность? Думаю, попытаться найти свою делянку в поле этой жизни. Найти — и возделать.

Фотографическая визуализация «эфирного» двойника человека

Н. Н. Сочеванов, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов Мингео СССР, автор около 200 статей по различным вопросам геологии, геофизики, геохимиии и биолокации. Является организатором и бессменным председателем (более 20 лет) межведомственной комиссии по проблеме биолокации при Центральном правлении ВНТО РЭС им. А. С. Попова.

Целью описанных ниже экспериментов являлась проверка наличия на фотографии свечения вокруг человека при работе над разными людьми и различными типами фотоаппаратов.

I. БИОЛОКАЦИЯ И ФОТОГРАФИЯ

Опыты, проведенные автором при изучении различных фотографий с помощью биолокации, показали, что помимо изображения на позитиве фиксируется биолокационный эффект (БЛЭ). Во время опытов автор держал в одной руке стальную рамку с вертикальной осью вращения, второй рукой с помощью тонкой деревянной палочки, заостренной на конце, касался разных точек на фотографии (обычно по сетке 1×1 см для фотографий 9×12 см и более частой — до 2 мм — для фотографий меньшего формата). Обычно фон фотографии, где нет изображения объекта, дает угол отклонения рамки 90°, а сами объкты характеризуются углом поворота рамки от 200° до 1000° и более, при среднеквадратичной ошибке наблюдения 20—30°.

Особенностью БЛЭ фотографии является то, что он характеризуется анизотропией[1] и наличием резонансного эффекта. Величина биолокационного эффекта увеличивается при использовании резонатора, имеющего состав объекта съемки. При исследовании фотографии величина БЛЭ при удалении рамки затухает быстрее, чем при работе с естественным объектом. Так, фотография буровой вышки при расстоянии между рамкой и фото в 10 см дает БЛЭ 300°, а при удалении рамки на расстояние до 1 м остается только 20° (уменьшение в 15 раз). Над небольшим же железным цилиндром, при рамке, находящейся на расстоянии 10 см от его поверхности, БЛЭ — 450°, а при удалении рамки до 1 м — 420°, то есть БЛЭ ослабевает менее, чем на 10%.

Второе отличие — поле информации, закрепленной в фотографии, не изменяется в период вариации, когда все объекты материального мира, в том числе и поле оператора, резко снижаются.

2. ФИКСАЦИЯ АУРЫ НА ФОТОГРАФИИ

Эксперимент с фиксацией ауры на фотографиях провел кандидат физико-математических наук А. В. Золотов (обл. Калинин). Съемки производились при дневном свете на фоне ящика, стенки которого были затянуты черным бархатом. При больших передержках (в 20—130 раз по сравнению с нормальной экспозицией) на черном фоне фотографии проявлялась аура фотографируемых людей.

Три фотографии самого А. В. Золотова, сделанные им же при разных передержках (в 16, 64, 128 раз), показали, что за пределами тела на уровне середины головы на позитивном отпечатке фиксируется слабое свечение (аура), проявляющееся в виде светлых оттенков на черном фоне фотографии. Ширина ауры при разных экспозициях колеблется от 45 до 65 см. По вертикали над головой Золотова аура на фотографии не отмечается, а рамка показывает область повышенных значений биолокационного эффекта более 1 м.

А. В. Золотов делал и ночные съемки с подсветкой снимаемого человека прожектором. На фотографии видно очень четкое дугообразное свечение, соединяющее вытянутые горизонтально руки, которое поднимается над головой человека на высоту до 1 м. Рамка показывает наличие над головой ореола факельного типа (БЛЭ — до 400°, фон — 90°).

---

[1] БЛЭ поперек изображения человека в 1,3—1,5 раза выше, чем вдоль.

3. ФОТОГРАФИРОВАНИЕ ДВОЙНИКА ЧЕЛОВЕКА

У некоторых людей, обладающих повышенным общим полем (что показывает биолокация), на фотографии отмечается над изображением человека его фотографический двойник. Опыты по фотографированию двойника человека проводились в Москве, в них участвовали Д. В. Назин, А. В. Золотов и автор материала. Мы ставили целью в других условиях, другими фотоаппаратами, повторить и подтвердить описанные выше опыты.

Стул с человеком (объектом съемки) устанавливался перед открытой дверью в соседнюю темную комнату, в которой в двух метрах от дверного проема был повешен кусок черного бархата, размером значительно больше проема, что обеспечивало глубокий черный фон. С обеих сторон объекта съемки устанавливались осветители с подкрылками, которые препятствовали попаданию прямого света от ламп на линзы объектива. Фотоаппарат устанавливался на треноге в 2,5 м от объекта съемки. Фотографировали разных людей. Необходимо подчеркнуть, что при смене объекта съемки, расстояние от фотоаппарата оставалось строго постоянным. Съемка производилась аппаратами типа «Зенит» с большой передержкой (в 50—100 раз по сравнению с данными экспонометра). Получен ряд снимков, где на позитивном отпечатке снимаемый человек фиксируется как совершенно белый контур, а над ним вниз головой видно изображение двойника, причем можно рассмотреть даже черты лица. Линейный масштаб изображения двойника близок к масштабу оригинала.

У некоторых людей двойник не отмечался вообще. Из полученных фотографий мы выявили два основных варианта расположения двойника (при постоянном положении объекта съемки):

— лицо двойника накладывается на верхнюю часть головы снимаемого человека;

— двойник удален от снимаемого человека вверх на 40—50см. Это характерно для людей с очень высоким общим полем биолокационного эффекта.

Фотография, переданная мне В. К. Олейником (Киев), выявила еще один эффект: помимо того, что двойник (как обычно) перевернут вверх ногами, на этом отпечатке он оказался перевернутым еще и на 180° вокруг вертикальной оси. На снимке человек снят в профиль — нос повернут вправо, у двойника же нос повернут влево. Над двойником величина БЛЭ в 5—7 раз выше, чем над соответствующими точками на фотографии в пределах головы реального человека.

Специалисты по технической фотографии высказывали предположение, что изображение двойника связано с бликами в тубусе объектива. Этому противоречит очень большая разница в положении двойников при последовательном фотографировании двух и более людей при постоянном положении объектива съемки и фотоаппарата.

ВЫВОДЫ

1. Проведенные опыты показали, что с помощью фотографии за пределами тела человека на расстоянии 1 м и более отмечаются следы слабого свечения, характеризующего развитие своеобразного физического поля.

2. В ряде случаев, при высоком собственном поле (по величине биолокационного эффекта) фотографируемого человека отмечается четкое, но перевернутое изображение над снимаемым человеком, на котором можно рассмотреть даже черты лица.

3. В статье приведена только небольшая часть проведенных опытов, результаты которых дают основание к постановке программы дальнейшего изучения проблемы в специализированных оптических НИИ с изучением фотографий людей, животных, различных неорганических объектов на цветных пленках с различной спектральной чувствительностью.

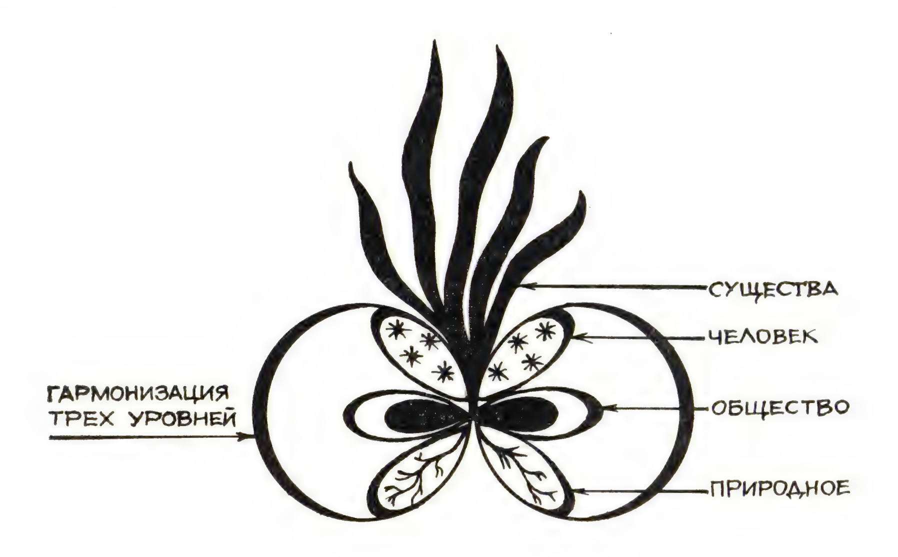
От редакции: мы попытались сфотографировать двойника человека по описанной методике, но наши опыты положительного результата не дали.

Н. Е. Сальникова. Закончила психологический факультет Ленинградского университета, работает психологом в детском доме.

АЛФАВИТ

1. Д е р е в о   ж и з н и
2. З а к о н ы   ж и з н и: Правила Жизни, Война и мир, Закон Кармы, Фазы сна, Целостность...
3. О б щ е с т в о: Игра, Другие Миры, Критические ситуации, Наука, Речь...
4. П р и р о д а: Язык...
5. Р е к а Ж и з н и
5. С у щ е с т в а: Любовь, Дружба, Дело...
7. Ф о р м а
8. Ц в е т
9. Ч е л о в е к: Воспитание, Искусство, Гармония, Радость, Свет...

ЧАСТЬ I

РЕКА И ДЕРЕВО ЖИЗНИ

Темы

1. Река Жизни
вольно
несет поток свой.
Чего коснется,
то новой Жизнью
обернется.

2. — На что похоже Дерево?
— На Реку!
Притоки реки —
крона деревьев,
русло — ее ствол,
дельта — ее корни...
Из Реки Жизни выросло
Дерево Жизни.

3. Река Жизни
течет,
Оставляя
невоплощенное
в тенях
Дерева Жизни.

4. Шелком
шелестел
дождь.
На Земле не было еще трав,
цветов,
пчел.
Как обычно в дождливый день,
Горы, реки, ветры
были сами по себе,
Отыскивая в себе все новые силы
жить-расти.

5. В солнечные светлые дни
Голоса природы перекликались,
В поисках новых путей Жизни
на Земле.

6. В день бархатистого солнца
Ветры да камни,
вода да молнии
Приняли на Земле воду
из реки Жизни.
Родились новые ветры,
душистые запахи,
Птицы,
деревья

и драгоценные камни.

7. Из резких криков птиц,
из теплого
ласкового
ветра,
Из шепота дождя
и ярких красок
бабочек и попугаев,
Неведомая сила
рожденной природы
Вылепила новые формы
растений, животных,
облаков и камней.

8. Вверх поднимаясь дождями,
Струилось легкое
дыхание Земли.

ЧАСТЬ II

БУТОНЫ НА ДЕРЕВЕ ЖИЗНИ

9. Язык ветра и облаков,
Деревьев
и трав,
Бабочек
и птиц,
Солнечного света
и теней,
В пронзительно
ясный
день
Стал понятен им всем.

10. Тогда
все
самое красивое —
цвет, линии и запахи природы —
Стремительно
Закружилось,
Уменьшилось,
Уплотнилось,
Стало почти невидимым
И превратилось
В бутоны
на Дереве Жизни —
будущие цивилизации.

11. В каждой культуре свой
цвет,
линия,
пространство,
Неповторим каждый
бутон-цивилизация
с его искусством,
укладом,
технологией
и философией.

12. Труд, технология, быт,
Повторяясь из века в век,
превращались
В минуты тишины в человеке
и в природе
Во Внутренний Свет.

13. В этом Свете
набирали силу
бутоны-цивилизации.

14. Сначала люди подражали природе,
Слушали ее голос в себе,
Пока
не стали
задумываться
о себе.

15. Так родилась музыка-вихрь,
полная чувств, мыслей;
Так
родилась
игра —
искра ясности
о себе.

16. В игре родилось новое —
Похожий на летающий цветок,
Подвижный, как ветер —
Человек.

ЧАСТЬ III

ЦВЕТЫ НА ДЕРЕВЕ ЖИЗНИ

17. От течения Гольфстрим
отделяются
водовороты-вихри,
Они — жизненные центры,
биологически активные точки.
Так и человек рождается
из
своего
течения,
из
своей
культуры.

18. Развитие идет узором
«в себя, в единоличье чувств» —
«к другим, быть вместе».

19. Здесь
родина
Поэзии,
Той,
что «предчувствие мысли».

20. В этом новом
голубом
пространстве
светло,
Запахи летают, как огромные
бабочки,

Человек задает вопросы
и получает на них ответы,
Он ощущает себя единым
со всем миром,
Предвидит свою жизнь,
как будто чувствует свет,
идущий от давно погасшей звезды.

21. Жизнь по-прежнему остается
Учителем,
Но главным Учителем становится
сам человек.

22. Он учится мыслить,
Он расстается с категоричностью,
Понимает,
что многое существует сложнее,
иначе,
Он не оценивает,
Не вмешивается, не узнав,
в чем дело.

23. Человек — учитель для себя самого,
когда он рисует,
слушает музыку,
сочиняет,
танцует,
встречается с природой,
а через нее —
с собой.

24. В начале жизни портреты людей
Похожи на пейзажи природы.
Теперь, встречаясь с природой,
человек учит говорить ее на своем
языке.

25. И сама природа тянется к человеку:
Приходят животные — жить вместе,
Природа просит помощи у человека,
Помогает человеку,
Дает человеку Жизнь.

26. Приходят на Землю новые люди
и прорастают резким природным
криком,
плачем.
Они учатся говорить,
играть...

27. Еще в начале пути человек
предчувствует,
к чему придет,
Это поддерживает его в Жизни и
направляет по Реке Жизни.

ЧАСТЬ IV.

ПЛОДЫ НА ДЕРЕВЕ ЖИЗНИ

28. В ясные
солнечные дни
встречаются люди,
разделенные судьбой:
Сильные со слабыми,
Веселые с грустными,
Нерешительные с активными,
Чувствующие со знающими,
Влюбленные,
Учителя с Учениками,
Родители с детьми
узнают друг друга,
понимают
и любят навсегда.

29. Встреча — поворот к делу,
к существу дела,
к главному делу своей жизни.
Для понимания и описания
дальнейшего развития
человека и мира
Язык человеческий недостаточен,
— «Мысль изреченная есть ложь».

НЕОБЫЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА УЖЕ НЕ ЧУДО !

Ю. А. Кривоногов, кандидат технических наук, автор 10 книг по кибернетике и микровычислительным системам, 15 брошюр и 50 статей. Работает руководителем ВЦ Харьковского НИИ неврологии и психиатрии (Киевский филиал). Занимается биоэнергетическим (радиологическим) лечением и профилактикой. Более 10 лет занимается йогой. Организовал Республиканское «Объединение самопознаний «Высшей йоги» (АТМА). Ведет в Киеве ежемесячный цикл лекций по биоэнергетике, нетрадиционным методам лечения.

«Человек — это непостижимая тайна, существующая между двумя несущими смерть факторами: временем и пространством».

Издавна суеверные люди истолковывали необычные явления в природе как результат действия сверхъестественных сил, и предприимчивые служители культа представляли их как свидетельство истинной своей религии. Чтобы снять покров таинственности с «чудес» на небесах и на земле за последнее время издательствами Украинской Республики выпущена целая серия интересных книг[1]. В этих работах авторы приводят не только научное толкование существующих, до сих пор не получивших научное обоснование явлений природы, но и показывают возможности реализации скрытых резервов человеческого организма, пути познания, самосознания и самоорганизации. К сожалению, они (резервы и пути познания) в связи с высокими темпами урбанизации и технитаризации, мировыми войнами были утеряны человечеством. Утеряны, но не безвозвратно, многие сохранили «нетрадиционное» мировоззрение. Так, советский академик В. И. Вернадский полагал, что жизнь так же вечна, как и материя, пространство и время. Семена ее вечно разносятся во Вселенной, «заселяя» одну планету за другой. «Жизнь вечна постольку, — писал ученый, — поскольку вечен Космос, и передавалась всегда биогенезом. То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекающих от архаической веры до наших дней, верно для всего бесчисленного хода времени космических периодов истории земли, верно и для всей Вселенной»[2] . Автор процитированных строк догадывался: в живом организме кроме вещества и энергии есть еще и «нечто» вполне объяснимое, связанное с жизненными процессами (так называемый «Космический Разум»). При этом под «Космическим Разумом» советские ученые В. Налимов, Н. Моисеев, А. Менделяновский понимают энергоинформационное поле Вселенной, представляющее собой совокупность знаний об органической и неорганической природе. Сегодня это подтверждено исследованиями физиков, биологов, биохимиков. Так, например, в журнале «Наука и религия» (1988, № 10, с. 5) доктор физико-математических наук В. Барашенков указывает, что, может быть, «Космический Разум» как раз и есть то, что, в конечном счете, дирижирует мировыми процессами».

Изучая явления жизнедеятельности, в том числе и называемые в биологии «целенаправленными», необходимо отметить, что все изменения в живых системах (ораганизм, популяция и др.) осуществляются на основе материальных, причинных взаимодействий их составляющих, а также так называемых «свойств духа». При этом живая система как целое на основе чисто причинных взаимодействий способна поддерживать или достигать определенных результатов вопреки самым различным противодействующим факторам внешней или внутренней природы, если последние не превышают порога жизненности организма.

[1] А. Пугач, К, Чурюмов. Небо без чудес. Киев: Политиздат, 1987. К. Динейко. Движение, дыхание, психофизическая тренировка. Здоровье, 1988. А. Филатов. Аутогенная тренировка. Киев: Здоровье, 1987.; конкретные рекомендации по практической йоге приведены проф. Ю. Антомоновым в журнале «Наука та суспільство», 1988, №№ 3—9; также к. т. н. Ю. Кривоноговым в книгах «Путь». Киев; изд-во «Дом ученых АН УССР», 1988.

[2] В. И. Вернадский. Биосфера. М.: Наука, 1967.

Одним из представителей живого мира, участвующих в целенаправленном развитии тии, есть человеческий организм. Он как высшая система или высокоразвитый биологический объект, в процессе своего развития способен развивать и рационализировать собственную функционально-иерархическую структуру и энерго-информационное взаимодействие со средой до пределов, установленных законами природы (если эти пределы существуют). При этом человек находится как бы в центре мироздания, занимая положение между сверхгигантскими звездами и мельчайшими элементарными частицами. Старинное выражение: «человек-микрокосм» подчеркивает, что человек обладает своеобразными сложностями, присущими и космической структуре. А на Земле он — «микро-биосфера», продукт биосферы, где взаимодействуют органический и неорганический миры, гравитационные и электромагнитные силы... При этом в процессе жизнедеятельности каждый человеческий организм развивается по определенной программе целевого развития согласно единым синергетическим принципам. По утверждению доктора медицинских наук, члена-корреспондента АН СССР Менделяновского, определяющим фактором единства и взаимодействия человека и природы является заполненность всего пространства и всех тел Вселенной элементами праэнергии. Именно последняя является важнейшим фактором взаимодействия человека с индивидами, себе подобными, и с природой в целом. Способность личности управлять циркуляцией такой энергии внутри себя и, следовательно, взаимодействовать с различными уровнями энергии в организме или участками пространства Вселенной — как раз и составляет содержание необычных возможностей.[1]

В настоящее время вопросами, связанными с исследованием и развитием «необычных» возможностей человека, занимается значительное количество ученых и специалистов. При этом наукой признается наличие так называемого биополя[2] , которое уже удается зафиксировать на бумаге с помощью метода супругов Кирлиан, «уловить» прибором Г. Сергеева (№№ авт. свид. 494952, 1972 г., № 45, 1975 г.), рамкой[1], рукой экстрасенса (оператора) и внутренними биоэнергетическими рецепторами[2]. Характерно, что при приближении рамки (лозы), которую держит в руке оператор, к биологическому объекту, она начинает вращаться, отмечая зону полевого воздействия биоплазмы обследуемой системы.[3] Отклонение рамки отмечается также над поверхностью Земли при поиске полезных ископаемых, воды и др. При этом угол отклонения инструмента может характеризовать месторождение того или иного вещества. С помощью руки оператора также можно ощутить зону полевого воздействия обследуемого объекта[4]. При этом оператор ощущает определенные покалывания в ладони своей руки, жжение, холод, тепло и другие субъективные ощущения. Излучаемая на больного праэнергия оператора способствует восполнению недостатка ее у нуждающегося.

При фотографировании биополя на фотобумаге отражается светящийся ореол или аура соответствующего объекта (или его части). По утверждению советских ученых такое свечение есть результат излучения электронной эмиссии (нейтрино). В соответствии с изменением структуры и цветовой гаммы диагностируемого поля появляется возможность оценивать не только полноту психической энергии у человека, но и его психофизическую особенность, эмоциональное состояние на данный период, осуществить прогнозы его жизнедеятельности. В журнале «Молодая гвардия» (1988, № 1) описывается, как с помощью метода Кирлиан можно определить состояние человеческого организма накануне спортивных соревнований. Анализируя форму и структуру свечения ауры вокруг больного пальца руки, специалисты определяют уровень стрессового состояния спортсмена, психическую готовность его организма к предстоящим нагрузкам.

Собственно теория биополя рассматривалась еще в 1923 году советским ученым Гурвичем, который изучал его различные особенности при воздействии слабыми токами (30—50 мкв, напряжение 6 в) на клетки и биологически активные точки. При этом происходило свечение поля таких клеток, изменялись психофизические характеристики испытуемого и, соответственно, лобно-артикулярная система мозга

---

[1] См. Ю. А. Кривоногов. Биоэнергия и человек. Знание УССР, 1987, № 5.

[2] Есть и другие аналогичные понятия: биоплазма, поле «познающей» энергии, биокаркас, биоструктура, глюонное поле, электромагнитно-гравитационное поле.

[3] См.: Сб. Методы рефлекторной диагностики, терапии и реабилитации для совершенствования оздоровительных работ в угольной промышленности. — Рязань: изд-во НТО, гор. общ-во, вып. 5, 1983.

[4] Ю. А. Кривоногов, М. В. Черевишня. Методы психофизического развития, диагностики и регуляции состояния живых биоэнергетических систем. Сб. докладов республиканской конференции, г. Украинка (Киевская обл.), 6—8 декабря 1988 г. («Создание и использование тренажеров и систем обучения операторского персонала...»)

Такой подход позволил современным ученым разработать важные генетические модели, разъясняющие возможности бесконтактного воздействия различных биологических объектов между собой и внешней средой.[1]

А несколько лет назад в институте радиотехники и электроники АН СССР (ИРЭ, г. Москва) были проведены очень серьезные исследования слабых физических полей и излучений человека. Была составлена обширная научная программа и специально для нее был разработан уникальный комплекс, включающий в себя и электронно-вычислительную технику, и самые чувствительные в мире датчики. В ходе эксперимента проводились измерения параметров электрического и магнитного полей, электромагнитных и акустических излучений, генерируемых биохимическим объектом, сравнивалась интенсивность проявления этих свойств у обычных людей и у тех, кого принято называть экстрасенсами. Интересные соображения на этот счет высказал заведующий кафедрой лесоводства Брянского технологического института И. Марченко, пристально изучавший поля растений. «Допустимо предположить, — говорил он, — что в результате интеграфии давно известных и в разной степени изученных полей (электрического, магнитного, гравитационного) живая материя создает и свое особое поле — биологическое. Не исключено, что у гипотетической суммы известных полей появляются свойства, не присущие ни одной из слагаемых в отдельности. Такое поле невозможно изучать с помощью существующих приборов — они его не обнаружат. Необходимы совершенно новые, не открытые пока принципы и основанные на них новые средства измерения».[2]

Эксперименты советских ученых показали, что человеческий организм обычно имеет электромагнитно-гравитационное поле яйцеобразной формы. Подобное распределение напряженности поля вокруг тела человека определяется постоянным воздействием на него внешних и внутренних факторов, образующихся во внешней и внутренней средах биоэнергетической системы человека («человек — микрокосм»). В такой многослойной (физическая, интеллектуальная, биоплазма) среде или «коконе» каждый индивид и осуществляет свое путешествие в пространстве и времени на протяжении жизни, система же запечатлевает индивидуальный биологический «след», который остается не только от живых, но и от неживых объектов и сохраняется долгое время.

Наличие глубинной памяти для биополя живого организма, отражающей настоящее, прошедшее и будущее его состояние, несомненно, вскоре станет доступным для проявления сверхсознания (пси-сознания) не только узкого круга одаренных людей, обладающих развитыми экстрасенсорными возможностями, (например, Джуна Давиташвили, Нинель Кулагина, Роза Кулешова, Владимир Сафонов, Юрий Андреев, Петр Утвенко, Анатолий Мартынов и др.), необычные возможности которых неоднократно исследовались в различных лабораториях нашей страны. При этом следовало бы отметить, что в советской науке изучение так называемых измененных состояний сознания (пси-сознания) начато сравнительно недавно. Речь идет о понимании таких феноменов, как озарение, ясновидение, гипноз, интуиция, просветление и т. п. В уже упоминавшейся брошюре «Биоэнергия и человек» отмечается, что такие состояния возникают при созерцательных медитациях. В ситуациях предельного духовного напряжения, сосредоточения на чем-нибудь (лучше всего — на «Космическом Разуме») может быть нарушено автоматическое действие привычных психических структур, и открывается выход за рамки логически сконструированного сознания, чтобы, как бы проснувшись, наш разум мог соединиться с Космическим Разумом и его извечным опытом. Анализируя представления, согласно которым особое состояние сознания есть некое реликтовое проявление, существующее в нас, как бы в генетически закодированном виде как отголосок далекого прошлого, говорят о «многоликости», вариантности человеческого разума.

Факты о биологических возможностях отдельных лиц (например, биорадиологическое лечение[3]) в целом не противоречат современным представлениям в области биоэнергетики, а отдельные из них лишь ждут своего времени для разъяснения с помощью новых функциональных теорий, применения более точных измерительных приборов. Хотя нужно отметить, что вопро-

---

[1] А. Г. Гурвич. Теоретическая биология поля. — В кн.: «Избранные труды». — М.: Медицина, 1977.

[2] См. кн.: «Путь» под ред. Ю. А. Кривоногова. Киев: Дом Ученых АН УССР, 1988, № 1.

[3] Ю. А. Кривоногов, М. В. Черевишня. Методы психофизического развития, диагностики и регуляции состояний живых биоэнергетических систем. Сб. докладов республиканской конференции г. Украинка (Киевская обл., 6—8 сент. 1988 г.).

сы, связанные с проявлением «живой» энергии (праэнергии) далеко не всегда могут быть интерпретированы на язык самых точных наук даже в будущем. Ибо целый ряд так называемых «внетелесных» ощущений оператора может получаться в процессе измененного состояния его сознания, что иногда рассматривается только с учетом индивидуального восприятия «Макрокосма» и «Космического Разума».

По утверждению экстрасенса А. Мартынова, наша аура в обычном состоянии организма охватывает внешнюю сферу на расстоянии до 50 см от физического тела (у отдельных лиц она бывает до нескольких метров). При этом, если размеры ауры не превышают 20—30 см, то это является предпосылкой к заболеванию, требующего срочного вмешательства врача или целительной силы «оператора». Наличие «дыр» или «бугров» на ровной поверхности оболочки ауры также свидетельствует о той или иной болезни, которая в первую очередь, как видим, фиксируется биополем организма в целом и полем соответствующего нервного центра — чакры, «отвечающей» за состояние здоровья отдельных частей тела человека.

Обычно, по мере духовного развития человека, начинают очищаться верхние центры живого существа, в результате чего аура смещается вверх и, в итоге, из яйцеобразной формы превращается в округлую светящуюся форму, в основном вокруг головы человека. Это характерно для йогов, достигших высших ступеней, например, «бхакти-йоги» (йога-любви) и различных святых и духовных учителей, о которых мы имеем представление только из соответствующих икон, картин и т. д.

Как уже отмечалось выше, по структуре ауры каждого живого существа можно судить не только о его здоровье, но и об эмоциональном состоянии в данный момент. Об этом свидетельствует форма, размеры, расцветка и другие характеристики нашей биоплазмы. Существуют сотни оттенков и сочетаний нашей ауры (т.е. «эфирного тела»). Для примера приведем некоторые из них, наиболее характерные для нашей жизни: красный цвет — гнев, черный — злоба, малиновый — любовь, темно-зеленый — ревность, серый — страх. Например, постоянное свечение голубого цвета — духовное состояние, салатового — житейская мудрость, фиолетовый — альтруизм, ярко-белого — озаренность (святость) (см. таблицу). При этом смещении ауры влево или вправо от оси тела характеризует склонность к эпилепсии и другим заболеваниям, зигзагообразная поверхность — усталость, наличие резких бугров — истеричность. В спокойном состоянии наша аура более плотная и не имеет большого размера. В возбужденном, наоборот, возрастает в объеме, но становится рыхлой, менее защищенной от внешнего проникновения человеческих психических энергий и космических проявлений окружающей среды. Во время сна аура имеет темно-красный оттенок (как у животных), рыхлая, имеет большие размеры. Поэтому не тревожьте спящего человека резкими движениями и шумовыми воздействиями. Вообще, наша аура не любит резких неожиданных воздействий: на все нужна наша предварительная установка организму. Аура (в целом) у нормального человека — розоватая слева и голубоватая справа.

Из предложенной схемы аурических оттенков становится ясно, как чувства и мысли отражаются на нашей биоплазме, которая непосредственно связана с внешней средой — «макрокосмом». При этом последствия наших недостатков отражаются не только на психической энергии, которую мы излучаем («выбрасываем») вокруг себя, но и на химическом составе воздуха, вдыхаемого другими, а также сложившихся в природе биоритмах и структуре аурической оболочки Земли и Вселенной в целом. Таким образом, мы способны сами себя и все вокруг разрушить. Человек может даже не действовать, а только подумать, как уже вибрации в виде соответствующих реакций будут зарегистрированы в «Макрокосме». При этом срабатывает общеизвестный физический закон: «каждое действие вызывает противодействие» (на нашу жизнедеятельность!). Поэтому каждый человек должен беречь не только свой внутренний, но и окружающий мир. Так как наши мысли, действия и поступки не только запоминаются, но и отражаются (бумерангом) внешней средой. Согласно высказыванию известного учителя в области закаливания и оздоровления П. К. Иванова «Вологодский комсомолец», 13 апреля 1988 года), этот объективный процесс характеризуется следующим образом: «Природа мстить будет бездуховным: через землетрясения, эпидемии, наводнения, через стихии, бедствия, личные неудачи и прочее. В обществе природный закон развития будет утверждать себя через революции, социальные перестройки, идеалы демократии и содружества людей. Каждому человеку лишь дано право выбора: либо сознательно перестраиваться, тем самым помогая Природе, побеждая внутри и вне себя болезни, либо продолжать игнорировать происходящее, неизбежно подвигаясь к гибели. Если человек живет в соответствии с законами Природы, Природа его сохранит и во время

Особенности и оттенки ауры и характеристики живого существа

Цвет	Характеристика объекта
Голубой	Духовность
Темно-синий	Религиозность чувств и альтруизм особого свойства
Ультрафиолетовый	Альтруизм (бессребреники)
Желтый	Интеллектуальная сила
Золотисто-желтый	Духовное просветление
Оранжевый	Гордость, честолюбие
Коричневый (с красным оттенком)	Скупость, жадность
Светло-малиновый	Любовь с высоким чувством
То же (с багровой грязной каймой)	Грубая чувственная любовь
Красный	Гнев от негодования, страсти
Грязно-зеленый	Ревность
Черный	Злоба, ненависть, мстительность
Светло-серый	Эгоизм
Темно-серый	Подавленность
Черно-зеленый	Низкий обман
Красный на черном фоне	Гнев от ненависти и злобы
Ярко-лиловый	Самые высокие религиозные чувства
Желтый цвет (окаймленный блестящей голубой каймой)	Интеллектуальность с духовным умом (посвятивший себя духовности)
Абсолютно белый (с ярким оттенком)	Сверхсущество высшего духа
То же (со свинцовым или бурым оттенком)	То же, от инстинктивного разума
Тускло-красный	Спящий человек
Ярко-зеленый	Житейская мудрость, терпимость к мыслям других, гибкость, адаптация к условиям
Серый (трупного оттенка)	Страх, печаль

Значения отклонений ауры от правильной формы: выпучивание — истерия; несимметричность — эпилепсия; темные точки или пятно на ауре, опускание или спутывание линий — приближающаяся болезнь; сжимание — спокойное состояние организма; расширение — возбужденное состояние или во время сна.

бедствий». При этом П. Иванов предлагает «отбросить все вредное: насилие, жадность, зависть, лень, самодовольство, лицемерие, злобу, гордыню... Кроме того, должны измениться отношения к пище, одежде, жилью, которые перестанут управлять людскими поступками. Иного пути, разворачивающего человечество к жизни, не существует».

Еще Э. Циолковский отмечал, что «человек будет преобразовывать не только Землю, но и существа, не исключая самого себя... И человека неизбежно ждет эта судьба, это преобразование... Автоэволюция (саморазвитие), вплоть до превращения в космическое существо».[1] Убедительно звучат слова академика В. И Вернадского: «На определенном этапе развития человек вынужден будет взять на себя ответственность за дальнейшую эволюцию планеты, иначе у него не будет будущего».[2] Поэтому каждый человек должен задуматься о личной ответственности перед природой и не только за свои поступки и мысли, но и за собственное здоровье. При этом хочется, чтобы каждый занимался самореализацией (самопознанием, самосознанием, саморазвитием) не только в настоящее время, но и на всех последующих различных витках трансформации своего тела. Самореализоваться — значит осознать философию своего развития и конечную цель развития Вселенной. Такой путь проходит через познание своего тела (поле познания), вечного «Я» или души (познающего это поле) и «Космического Разума» (Высшей Души).[3] Человек, научившийся слышать голос своего сердца, — уже находится, по утверждению Л. Толстого, на пути к «Царству небесному». Собственно такое «царство» и есть наше «Я», которое надо искать только в своем сердце! Открывайте свое сердце! Этого можно достичь, только культивируя любовь к человечеству, ко всему живому и неживому миру, космическому разуму.

[1] К. Э. Циолковский. Грезы о земле и небе. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986.

[2] В. И. Вернадский. Живое вещество. М.: Наука, 1978.

[3] «Бхагават-гита как она есть». Москва — Ленинград — Калькутта — Бомбей — Нью-Дели, изд-во «Бхактиведанта Бук Траст», 1984.

Здравствуй, ДОМОВОЙ

Лет уж с десяток, как он поселился в этой квартире. Точнее, как дал о себе в ней знать. Он — это тот самый маленький, шумный дух, который заводится в доме неизвестно почему и начинает стучать, выть в стене, шкафу, или у вас над головой, ронять и прятать от роду неподвижные предметы. Именно такой вот барабашка — только наш собственный — и появился у нас в Горно-Алтайске.

У него даже имя есть. Верней, имена. Например — Рогатик: так его хозяйка зовет, когда не сердится. А сердиться приходится, например, когда он на голову ей мешочек с горохом свалил. Правда, предварительно развязал шнурок, чтобы не больно было. Точней — не очень больно — кило на пять-то мешочек тот был, да падал он с подвесной полки метров с двух...

Или еще был случай: ведро на хозяйку упало. Тоже с подвесной полочки — это в ванной уже — и прямо на нос. Так неделю не знала как ей из дому выйти — не пьянчужка какая-то, а синяк аж в оба глаза наплыл...

Ну а вообще же этот дух — парень довольно смирный. И ничего особо горького с хозяйкой еще не случалось, и по природной доброте характера она все ждет, что вот выйдет из-под стула маленькое своенравное существо, представится и скажет: «Здравствуйте...» А вот с мужем — хуже. У него с домовым свои, мужские, и, увы, пока весьма недружественные отношения. Что говорить — «два медведя в одной берлоге...»

Все это я узнал позже, а пока подхожу к обыкновенной пятиэтажке, каких много в Горно-Алтайске. Проспект Коммунистический, район жилмассива. Третий этаж, деревянная, светлой краской крашенная дверь. На двухголосый распев звонка открыла приветливая, красивая хозяйка и сразу ушла внутрь, оставив медленно тающее мелодичное: «Пожалуйста, проходите». (Хочу сразу извиниться, но ни фамилий, ни адреса я не называю).

Вхожу, осматриваюсь. Стандартная квартирка — обои, крошечная прихожая прямо обрывается в гостиной. Мы пришли сюда вдвоем: я и Сосед, который и дал мне этот адрес. Он хорошо знаком хозяевам и сразу усаживается на диван. Следом сажусь и я: прямо перед нами небольшой телевизор транслирует дышащую, как загнанный конь, фигуристку.

Честно говоря, вначале стало обидно: ну что же это, никаких традиционных признаков «настоящего» барабашки! Ни тебе разбитых окон, ни тебе ломаных стен... Даже кавардака мало-мальски нет настоящего. Напротив: все аккуратно, чисто, со вкусом... но тут вдруг четкое ощущение — тяжелой болью налилась голова. Собственно, боль появилась, как только вошли мы в гостиную, но тут — никакого сравнения: ощущение ломоты во лбу — в середине лба — индейцы еще называют это место «третьим глазом» — острое, концентрированное и появилось, как только вошел Хозяин.

Хозяин — большой, сильный человек — один из тех, от кого, как говорится, веет теплом, стал рассказывать как впервые лет десять назад они с женой проснулись одновременно от чьего-то присутствия. Лунный свет, падавший в широкую балконную дверь, рисовал на столе огромную мужскую фигуру. Жена, более внимательная к деталям, потом отметила, что незванный гость был одет в свободное пальто покроя «реглан» и широкополую шляпу. Муж же, как всякий мужчина, оценивший чужого человека прежде всего как врага, запомнил только необычайную ширину плеч, ну и шляпу — это да, шляпу и он помнит, — была, широкополая...

Минута, может меньше — прошла в молчании — секунд тогда никто не считал. Потом женщина стала шептать молитву. Силуэт исчез. Но после этого все и началось.

— Вот, представьте себе, — говорит хозяин, — бывает это обычно, когда я дома один: сижу, лежу ли, читаю, сплю — главное, чтобы не был занят какой-то деятельностью. И вот появляется ощущение, будто мурашки в подошвах ног бегают. Ступни холодеют. Потом мурашки эти медленно поднимаются к коленям, паху, переходят в живот... Знаете, с молодости не особенно страхом страдал — слава богу на таких работах работал, есть что вспомнить, но теперь — верите ли — со светом сплю. Этого ж вам не понять, чувство такое, словно

ноги и, что самое страшное — живот — место у всех нас стабильно горячее, центр тела — на мне, на живом замораживают...

— А вы пробовали терпеть, посмотреть, что дальше будет?

— Дальше... Дальше—сердце. Пробовать я пробовал, но, знаете ли, как мурашки эти ледяные до сердца долазят — все. Не могу: это уж точно значило бы на тот свет...—Вскакиваю, быстро хожу, делаю зарядку.

— Ну и..?

— Тут же отпускает. Но душа болит и страх приходит. Это же — не отдохнуть.

... Следующего вопроса я задать не сумел. Взрыв боли в голове — и поморщившись, хозяин сказал: «Вот оно, опять полезли... Только не по ногам — сейчас сразу за сердце хватило».

И вдруг все кончилось. Оказывается, пока мы разговаривали, Сосед, имеющий кое-какой навык лозоходца, сбегал к себе вниз и принес свой инструмент — свернутую петлей упругую пружину. И вот, только он, взяв ее вертикально, пошел через комнату, как боль — у Хозяина в сердце и у меня в голове — исчезла. Зато пружина, явно отклонясь от вертикали, конкретно показала в одну точку — за спинку кресла, в котором Хозяин сидел.

Ну, а то, что было дальше — вряд ли интересно. Направив мысленно обращение в сторону, куда указывала пружина, я попросил «Того, Кто понял, что я обращаюсь к Нему» — уйти, оставить в покое этих милых людей. Хозяин пересел из кресла на диван, обстановка как-то сразу разрядилась, Сосед хлопнулся в кресло, где только сидел Хозяин и пригрозил — «Сунься только — глаз выткну!» Мы облегченно заговорили и я выспросил, что ничего подобного у соседей этой квартиры не наблюдалось, не было никаких таких «дел» и в доме, где жили хозяева пятнадцать лет назад, до переезда в эту квартиру.

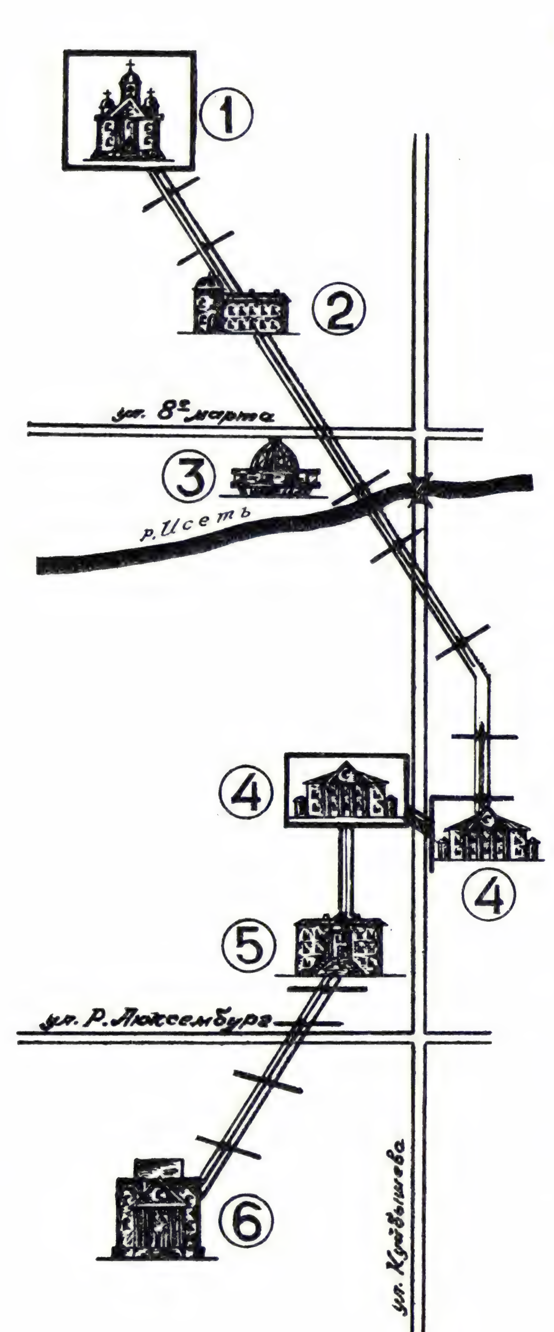
А, вот еще важное: оказывается, здесь давно не бывает нежданной беды, нечаянных встреч, неприятных приездов без предупреждения. За день-два до неприятностей — запирай и не запирай на ночь замок — дверь утром окажется открытой. Хозяйка рассказала, что перед тем, как у них случилась некая беда — один из тех семейных скандалов, которыми, увы, так полны ныне отношения многих родных людей, она, да не одна, а вместе со снохой три ночи подряд специально запирали покрепче замок на защелку. И — все бесполезно: утром дверь открыта.

Ну и наконец: много раз жаловались соседи, что в квартире № ... порой днем, иногда ночью раздаются странные звуки. Начинается все со скрежета: словно дерут потихоньку обои. Потом — словно полк царапучих, когтистых животных марширует под штукатуркой. И заканчивается ревом — да откровенным, громким, несущимся из стены. Рев этот слышен даже на улице, идет он из одного места — аккурат оттуда, где легла тень шляпы того ночного прозрачного незнакомца.

ПОСТСКРИПТУМ

Раньше, знаете ли, модно было устраивать после фокусов так называемые разоблачения. Выходил артист на арену и под причмокивания восхищенной публики, демонстрировал ящики, ящички и дырки, проделанные в самых неожиданных местах. Так вот, у нас этого не будет. К сожалению ли, к счастью ли, каждый человек волен по-своему понимать такие явления. Реакция на них тоже может быть разной, но главное — не надо ничего бояться, надо держаться твердо всегда. Мы, люди, — достаточно прочные структуры, чтобы не опасаться того, чего не понимаем или понимаем не до конца. Одним словом — случится вам увидеть нечто — не бойтесь, не бойтесь ни в коем случае. Помните: страх лишь уменьшает Вас.

А. Уморин

ПОД НАШИМИ НОГАМИ

В. С. Прокопенко,
В. В. Докучаев

Лабораторией нетрадиционных исследований («ЛАНИ») проведены предварительные поисковые работы по картированию подземелий Екатеринбурга.

Биоэнергетический поиск принес удивительные результаты, которые рассказывают о сокрытом ходе через усадьбу Харитонова, собор Александра Невского, «дом горного начальника» и т. д. Посмотрите на карту-схему восточного выхода из собора Александра Невского — лишь маленькой части тайных ходов под Свердловском. В настоящее время энтузиасты «ЛАНИ» ведут работы по составлению полного атласа старинных подземелий.

Организации и деловые люди с предложениями по восстановлению, использованию, картированию могут обратиться по адресу: Свердловск, 620145, а/я 477, Докучаеву.

Пояснения к карте-схеме

1. — Собор Александра Невского
2. — Здания бывшего духовного училища
3. — Цирк
4. — Бывшие Рязановские дома
5. — Баня
6. — Здание бывшей домашней церкви Рязановых

═══ — предполагаемые подземные ходы

——⊙—— — линии биоэнергетических съемок

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АГАСФЕРА. ДЕЛО ДВОЙНИКОВ.

ВЛАДИМИР САФОНОВ
(писатель-экстрасенс)

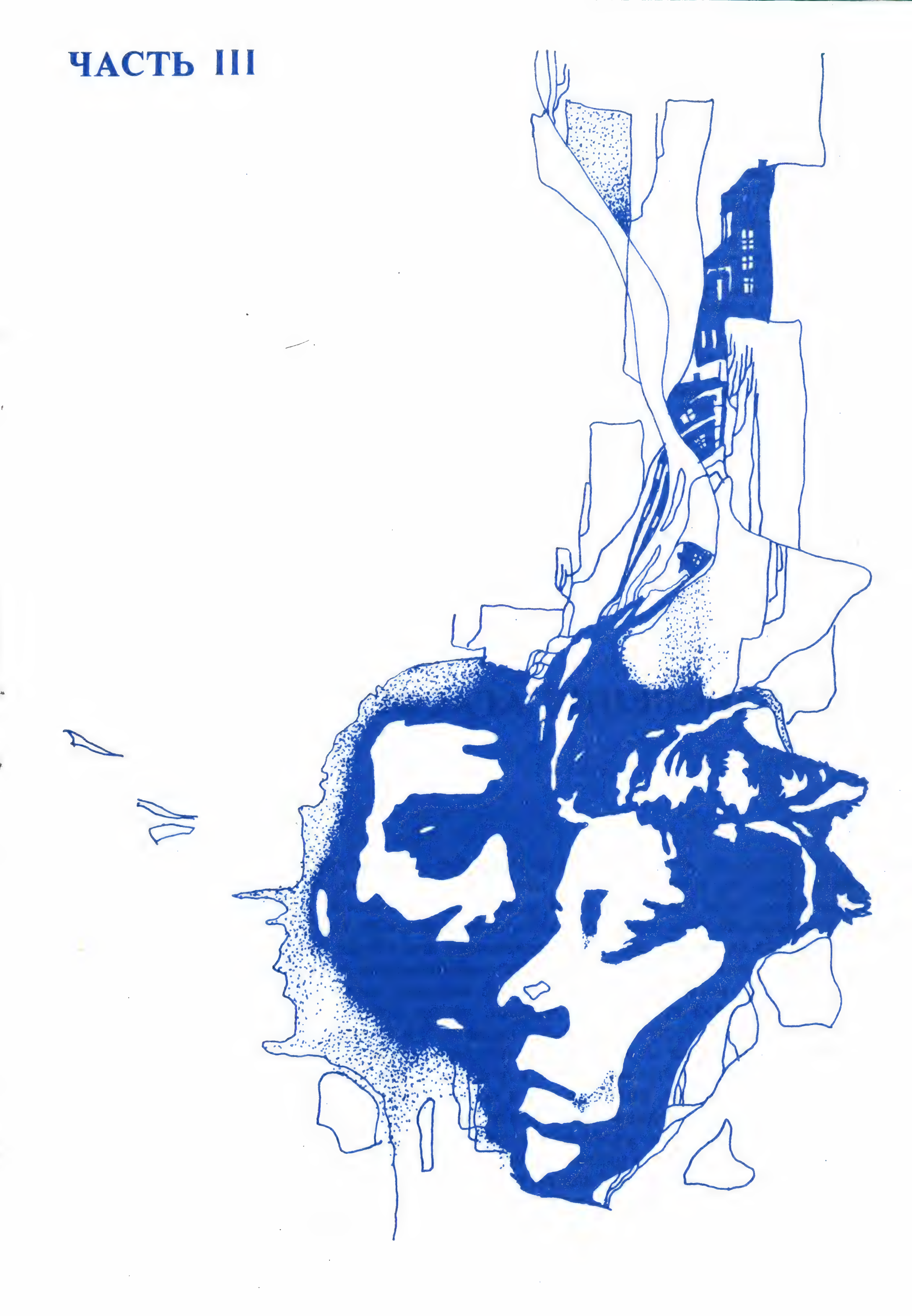
КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ? ВЕТЕР НАД ГОРОДОМ.

ГАЛИНА ФЕДОРОВА

ПРОФЕССОР НАКРЫЛСЯ. КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ. ДО СКОРОГО!

ГЕНРИ КАТТНЕР

ЧАСТЬ III

Владимир САФОНОВ

ОТ АВТОРА

У большинства читателей есть (или были в прошлом) свои любимые авторы и герои. У одних эта привязанность сохраняется пожизненно, у других исчезает с возрастом, у третьих — заменяется новыми кумирами. В детстве — это герои сказок Андерсена, Перро, братьев Гримм, чуть позже появляется находчивый Робинзон, а за ним — всевидящий Шерлок Холмс.

Уходящие годы часто уносят с собой и былые привязанности. Но бывают и исключения.

Именно так остался со мной Шерлок Холмс.

Идея «оживления» прославленного детектива Шерлока Холмса не нова, она предпринималась многими поклонниками этого героя, переосмыслившими его приключения под углом своих вкусов и интересов.

Мне захотелось увидеть Холмса в наше время, сделав его долгожителем, но сохранив за ним его изумительные наблюдательность, способность к четкому логическому мышлению и стремление находить опору в фактах.

Об «отце» Холмса, сэре Артуре Конан Дойле, известно, что он был суеверен и в конце жизни возглавлял кружок спиритов, занимающихся магическими манипуляциями с целью общения с обитателями потустороннего мира.

Вскоре после кончины своего руководителя члены кружка «вызвали» дух сэра Артура и попросили его продиктовать с того света какой-либо задуманный, но не написанный при жизни рассказ о Шерлоке Холмсе.

И, если верить этому невероятному сообщению, эксперимент удался.

Сэр Артур продиктовал. Рассказ, полученный с того света, был введен в память компьютера одновременно (для сравнения) с ранее опубликованными рассказами. Принадлежность всех произведений одному и тому же автору подтвердилась.

К этой истории возникает естественное недоверие, но именно она принудила меня попытаться «оживить» любимого героя в нашей современной обстановке, в предельном для человека возрасте, заставить его решать уже иные проблемы, стоящие перед обществом конца двадцатого века.

Я не уверен, что мне удалось овладеть языком Конан Дойля. Я стремился, главным образом, высказать новые идеи, которые, как я надеюсь, когда-нибудь воплотятся в действительность.

В. САФОНОВ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АГАСФЕРА

Ибо сегодня мы стоим только у самого истока этих проблем.
«Стучавшие в двери бессмертия».
А. Горбовский

Не только я, но и все, близко знакомые с моим другом Шерлоком Холмсом, стали замечать в его характере некоторые изменения. Во-первых, он стал менее общителен, даже со мной, я бы сказал, даже замкнут, и все чаще возвращался к печальным размышлениям о краткости нашей жизни. Однако ни он, ни я не должны жаловаться на судьбу, ведь мы, родившиеся при свечах, заканчиваем свой жизненный цикл, сидя у телевизоров и электроприемников с кварцевыми излучателями.

Но время неумолимо даже к таким кипучим натурам, как Холмс. И все же, несмотря на свой преклонный возраст, он не одряхлел ни телом, ни душой. Он по-прежнему худ и строен, чего, к сожалению, я не могу сказать о себе. И все еще Холмс, несмотря на изменения в характере, выписывает кучу газет и журналов, явно отдавая предпочтение таким, как физиология человека, геронтология и патологическая медицина. Впрочем, это и понятно, ведь он имеет высшее медицинское образование, хотя медицинской практикой никогда не занимался, будучи увлечен криминалистикой. Его многолетняя практика частного детектива позволила ему иметь банковский счет, а оказанная им помощь Скотланд Ярду принесла небольшую пенсию, что позволило ему называть свою старость обеспеченной.

Что касается меня, то рассказы и повести о приключениях моего друга, изданные миллионными тиражами в большинстве стран мира, позволили нам — мне и суп-

руге — не иметь никаких финансовых затруднений. Мне повезло в семейной жизни, хотя и бездетной, и я благодарен судьбе за встречу с таким необыкновенным человеком, каким, бесспорно, является мой друг Шерлок Холмс.

Нас, англичан, часто называют прирожденными консерваторами, что в известной степени соответствует истине, так как мы крепко держимся за свои национальные традиции, сохраняем монархию, привычку к каминам, поджаренному хлебу и обязательной овсянке. Мы также бережем семейные традиции и не спешим менять свои вкусы и привычки, даже если они не всегда соответствуют нашему возрасту и положению.

Холмс давно отошел от практики частного детектива, хотя все еще состоит внештатным консультантом в Скотланд Ярде, дает советы Интерполу, как бороться с захлестнувшей мир волной уголовных преступлений и терроризма. Что же касается бесконечного потока просьб, поступающих от частных лиц, то он наотрез отказывается их выслушивать, ссылаясь на возраст и работу над своими записками. Все мы, его друзья, надеемся, что он успеет их опубликовать под своим именем, не прибегая к услугам доктора Ватсона.

Кроме некоторой замкнутости, о которой я уже упоминал, и повышенного интереса к проблеме старения, что, в общем-то, свойственно большинству пожилых людей, у Холмса появилась несвойственная ему ранее торопливость, а главной темой разговора стали публикации в «Вестнике геронтологии» — журнале, выписываемом Холмсом вот уже несколько лет.

Холмс всегда был реалистом и смелым человеком, я бы назвал эту смелость рассудительной смелостью, способностью встретить опасность лицом к лицу без бравады отчаянных храбрецов. Поэтому его перепевы темы о краткости человеческой жизни и возможных неожиданностях, подстерегающих пожилых людей, меня давно настораживали.

Ведь все мы отлично знаем неопровержимую истину о неизбежности ухода ТУДА, в ту область, в которой религии обещают нам вечную жизнь, — но многие ли из наших современников искренне верят в бестелесное продолжение своей жизни после гибели материального тела? Надо полагать, немногие, и я уверен, что Холмс не в их числе.

В последние годы он все чаще сам брался за перо. Холмс не скрывал от меня своих записок, не держал их в секрете, не раз давал мне их рассматривать, но почему-то наотрез отклонял мои предложения в части редактирования этих отрывочных, предельно лаконичных сообщений о своих, до нашего с ним знакомства, приключениях.

— Надеюсь, справлюсь сам, — говорил он, — если же не успею, уйдя в неведомое раньше вас, то тогда делайте с ними все, что вам заблагорассудится.

После таких разговоров мне невольно стало казаться, что каждый начатый мною рассказ о похождениях великого сыщика может оказаться последним.

Зная его ко мне отношение, я, как мог, старался скрасить его одиночество, и мы с женой часто бывали у него в гостях, беседовали о том, о сем или просто сидели у камина, когда каждый думал о чем-то своем.

В тот вечер я пришел к нему один, погода была препротивная — дождь со снегом. Зимняя Атлантика не балует британцев, посылая нам то штормы, то шквальные ветры — словом, все, что именуется буйством стихии. То, что началось вскоре после моего прихода, можно назвать ураганом. Из окна было видно, как гнутся могучие деревья под напором ветра, нашпигованного мокрым снегом, мгновенно облеплявшим голые ветки, от чего на них образовывались вычурные ледяные сталактиты. Редкие прохожие почти бегом пересекали улицу, закрывая руками лица и подставляя ветру свои бока. Снежное месиво покрыло мостовую, тротуары, прилеплялось ко всему, до чего мог донести порывистый ветер.

— В такую погоду.., — Холмс не договорил, к чему-то прислушиваясь, — хороший хозяин и пса не выгонит. Кажется, хлопнула дверца машины, вы слышали, Ватсон?

Выходя на улицу, я теперь обычно затыкаю уши ватой и в этом отношении на себя не надеюсь. Но слух Холмса все еще был чуток.

— Только бы не ко мне, — продолжил Холмс, поморщившись. — Никак не поймут люди, что я давно уже не тот Холмс, для которого интересно любое происшествие — если только в нем есть изюминка таинственного.

Он не ошибся.

— Вас спрашивает пожилой джентльмен, — сказала горничная, подавая Холмсу визитную карточку посетителя.

— «Профессор Грайф, госпиталь Святого Пантелеймона, Роджер-стрит, 100, — вслух прочел Холмс.

— Просите, — сказал он горничной. — Не понимаю, что ему понадобилось от нас.

В гостиную вошел грузный человек, лет за пятьдесят, в бороде которого блестели капельки растаявшего снега.

— Присаживайтесь, профессор, чему обязан? — спросил Холмс.

— Я прошу совета, мистер Холмс. И если вы позволите мне отнять у вас всего пять минут, то рассказанное, может быть, вас заинтересует.

— Едва ли, — улыбнулся Холмс. — Теперь меня уже давно интересуют только такие публикации, как ваша статья в последнем номере «Вестника геронтологии».

— Об изменениях в составе крови пожилых людей?

— Совершенно верно.

— Вам она понравилась? Статья написана на основании многолетних наблюдений...

— Мне ваши выводы показались близкими к моим предположениям в этой области.

— А вы тоже работаете в этой области? Очень интересно, мистер Холмс, узнать и ваше мнение...

— Я полагаю, что это не является целью вашего визита, профессор?

— О, да, разумеется, я не стал бы вас беспокоить по такому поводу. Меня привело к вам чрезвычайное происшествие в моем госпитале. Полиция пока бессильна что-либо сказать.

— Вы, разумеется, знаете, что я давно оставил занятия частным сыском.

— Да. Но случай, о котором я хочу вам рассказать, совершенно необычен.

По лицу Холмса пробежала чуть заметная гримаса досады.

— Так что у вас произошло, мистер Грайф?

— Исчез, вернее, сбежал престарелый пациент, течение болезни которого поражало и ставило в тупик весь медицинский персонал госпиталя.

— Какое-нибудь экзотическое заболевание? — спросил я.

— Может быть, может быть, но разрешите, я все расскажу по порядку.

Холмс кивнул и, прикрыв глаза, приготовился слушать.

— Немногим больше месяца тому назад полицейский комиссар, в ведении которого находится район, прилегающий к нашему госпиталю, доставил пожилого джентльмена, находившегося в обморочном состоянии. Он был подобран на дороге, ведущей к Честерфилдскому шоссе. Согласно найденным в одежде старика визитным карточкам, это некий Томас Хадженсон, рантье, проживающий в собственном доме небольшого местечка в районе Честерфилдского шоссе. Но кроме визитных карточек при нем был обнаружен паспорт, принадлежащий молодому человеку, носящему те же имя и фамилию. Никаких следов насилия и ограбления. Золотой портсигар с гербом, часы и бумажник с крупной суммой денег хранятся в нашем госпитале, паспорт взял инспектор Картрайт...

— Картрайт? Как он выглядит, этот Картрайт? — оживился Холмс.

— Это энергичный молодой человек, немногим больше тридцати, брюнет.

— Помните, Ватсон, того смышленого мальчугана, который помогал нам в истории с собакой Баскервилей?

— Да, разумеется, — ответил я, — но тот погиб в минувшую войну, а этот

Картрайт, о котором говорит мистер Грайф, может быть, его сын или однофамилец.

— Извините нас, пожалуйста, и продолжайте, профессор.

— Так вот, этот больной переполошил всех сиделок, которые с минуты на минуту ожидали его кончины, слушая невероятный бред при температуре тела... сколько бы вы подумали, господа? Сорока двух градусов по Цельсию!

— Вы уверены в исправности ваших термометров? — усмехнулся Холмс. — Ведь и я, и мистер Ватсон — ваши коллеги по образованию.

— Абсолютно уверен, джентльмены. Были перепробованы несколько термометров, и все они показывали именно эту цифру, при которой кровь должна свернуться, и неминуемо наступает смерть. Однако этого не произошло. Пациент продолжал жить, хотя и не проявлял никаких признаков сознания. В бреду часто слышались слова на французском и, вероятно, арабском языках. Но они не носили сколько-нибудь связного характера, да нас это и не интересовало, так как личность больного была установлена, — он был опознан своей кастеляншей.

— Так что вас привело, уважаемый профессор, ко мне? — несколько нетерпеливо спросил Холмс, — ведь все, что вы рассказываете, вполне ординарно, кроме сообщения о неправдоподобной температуре тела этого мистера...

— Хадженсона, сэр. Он исчез, сбежал в прошлую пятницу, спустившись с третьего этажа, на котором находилась его палата, по стеблю дикого винограда. И как стебель не оборвался под такой нагрузкой? — ведь мистер Хадженсон весьма тучный субъект. Полнота, может быть, и позволила ему выдержать голодание — кроме внутривенных инъекций, он не мог принимать никакой пищи, находясь в полном беспамятстве.

— И до сих пор не найден?

— Да, сэр. Его поисками занимался персонал госпиталя, а теперь розыски ведет инспектор Картрайт. Больной исчез бесследно.

— Сбежал в больничном белье? — усмехнулся Холмс.

— Нет, сэр, он нашел свою одежду. Она находилась в шкафу, рядом с дверью его палаты, но обувь больных мы держим в другом месте, где она первая подвергается дезинфекции.

— Следовательно, старый джентльмен сбежал босиком? Несмотря на то, что снег сыплет уже второй месяц?

— Он исчез ночью, воспользовавшись отсутствием отлучившейся сиделки.

— А это уже должно говорить о возврате рассудочности. Находясь в бреду, вряд ли можно найти неизвестно где хранящуюся одежду и правильно выбрать момент для побега.

— Да, я согласен с вами, это логично, мистер Холмс, может быть, у него действительно наступило временное улучшение, ремиссия, при которой ему удалось и одеться, и сбежать, не побоявшись сорваться с такой высоты, цепляясь за столь ненадежный стебель винограда.

— Что говорит его кастелянша? Ее, вероятно, изумило появление босого хозяина?

— Он не появлялся в своем доме. Мы постоянно поддерживаем связь с миссис Карлоу, прослужившей у мистера Хадженсона более полувека.

— Надо полагать, инспектор, этот ваш Картрайт-второй уже объявил розыск?

— Да, мистер Холмс, но пока о мистере Хадженсоне нет никаких сведений.

— Больницы, морги, психиатрические лечебницы?

— Запрашивали и запрашиваем. Так, в одном из моргов оказалось тело замерзшего старика, но — не нашего беглеца.

— Свои ценные вещи сбежавший также нашел?

— Нет, мы их держим в сейфе, ключ от которого только у меня. Все вещи хранятся в госпитале до выписки больных или передаются родственникам умерших.

— Откровенно говоря, мистер Грайф, я даже в молодости не нашел бы во всем вами рассказанном элементов романтической таинственности, загадочности, ради которых я пожелал бы тратить свое время. Пожалуйста, не обижайтесь, но не в

моем возрасте заниматься поиском сбежавшего маразматика, которого, вероятно, и так найдут в какой-нибудь тихой заводи, колодце или канаве... Так что...

— Очень жаль, мистер Холмс, очень жаль, ведь я, как и мои коллеги, столько наслышан о ваших способностях...

— Былых, былых, уважаемый профессор, теперь же, насколько мне известно, Скотланд Ярд располагает такими техническими новинками! Они позволяют раскрыть то, что было не по силам детективам прошлого, располагавшим всего лишь своей головой, да вот этой лупой. — Холмс указал на полку, где лежали его знаменитая трость и лупа, давно уже оправленная в позолоченное серебро стараниями его неизменного друга и соучастника множества приключений.

— Но вы все-таки разрешите хотя бы позвонить вам, мистер Холмс, если в этой истории появятся какие-то могущие вас заинтересовать нюансы?

— Да, пожалуйста, звоните, и если вас не затруднит, то сообщите мой телефон этому инспектору Картрайту, интересно выяснить, не родственник ли он того паренька, о котором упоминал доктор Ватсон в своем рассказе о наших похождениях в гнилых болотах Гримпенской трясины.

Через несколько дней после досадного, как мне тогда показалось, визита профессора Грайфа, я посетил своего друга по поручению жены, испекшей любимый Холмсом пудинг по рецепту, доставшемуся Холмсу от его покойной тетки. Можете мне поверить, это было поистине чудо домашней кухни. Я застал Холмса за чтением Библии — занятием, которому он в молодости едва ли уделял внимание, будучи полностью погружен в дела мирские.

— Вот послушайте, Ватсон, что я нашел в этой замечательной книге. Скорее присаживайтесь к огню, отогревайтесь, слушайте же!

«И сказал Господь Бог: вот Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло, и теперь как бы ни простер он руки своей и ни взял также от древа жизни, и ни вкусил, и ни стал жить вечно». Каково, а?!

— Нашли подходящий эпиграф к вашей статье по геронтологии? — улыбнулся я, зная, что уже много лет занимает мысли моего друга.

— Ошибаетесь! Но и для эпиграфа также подойдет, это я буду иметь в виду.

— Так что? Обнаружился какой-то скрытый смысл?

— Да, вы сразу поймете, если дадите себе труд вдуматься в сказанное тысячи лет тому назад неизвестным автором. Читаю: «И сказал Господь Бог». А Бога мы воспринимаем как одно лицо, не так ли? «... вот Адам стал как один из Нас...» — один из нескольких. Это уже подвох под единобожие! Следовательно, Господь Бог говорит не только от своего лица, но и от лица кого-то, ему равного, множества! И далее: «... как бы не простер он руки своей и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно». Вдумайтесь, Ватсон! Сам Бог опасается рискованного действия своего творения! Человека, которого он же и создал. Его своеволия! «Как бы не простер он руки своей» — это вроде опасения торговца на базаре: как бы кто из голодных воришек не стащил с лотка, скажем, булку — то есть, не совершил действия, которое, возможно, не сможет пресечь ее хозяин! Далее: «... и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно», «... не взял также...» Возможно, что «это» кто-то уже брал? — «также» «вкушал», вследствие чего стал жить вечно. Что-то «вкушал», что принесло бессмертие? И не одному Богу, а нескольким!

Вот, дорогой Ватсон, что можно уяснить из столь емкой по скрытому смыслу фразы в ожидании апробации кулинарного творения миссис Ватсон. Не находите ли и вы странным то, что Библия, очевидно, допускает такое событие как волевое действие человека, способного что-то взять, вкусить и обрести тем самым бессмертие!

Холмс, удовлетворенно потирая руки, прохаживался по гостиной в ожидании моей реакции на столь ошеломляющее толкование библейского текста.

— А что вы сами думаете об этом? — не зная, что сказать, спросил я.

— Эта фраза, дорогой друг, может говорить только об одном: о стародавнем

присутствии на Земле каких-то бессмертных, богоподобных для автора этих строк существ.

— Понимаю, вы откопали еще одно подтверждение посещения Земли инопланетянами.

— Не смейтесь, Ватсон, не смейтесь. В Библии не только разобранная нами фраза говорит в пользу гипотезы о некогда посещавших Землю высокоразвитых существах, в ней можно найти и другие, не менее загадочные места, наводящие на такие предположения. Но, честно говоря, хотя я верю в то, что нас кто-то посещал, и, возможно, посещает, а, вероятнее всего, наблюдает — как, скажем, человек наблюдает жизнь обитателей муравейника — меня же, мой друг, в приведенной библейской цитате привлекло другое.

— Что именно?

— Сообщение о бессмертии, которым владели боги. Господь Бог и те, кого Он считал себе равными. И, что самое главное, — опасения этих обладающих бессмертием существ, которые, заметьте, стали таковыми не от рождения, а приобрели его. И весьма опасаются возможности приобретения и человеком нетленного состояния. Именно это, Ватсон. Я верю в теоретическую и практическую возможность достижения бессмертия. И я уверен, что в истории человечества есть подтверждения тому, что отдельным людям удавалось его достичь.

Я знал, что спорить с моим другом по этому поводу бесполезно. Он читал все, что было написано о долголетии и средствах его достижения.

— Мы с вами — медики, — сказал я, — и обязаны быть реалистами, трезво оценивая возможности человека. Конечно, грустно думать о краткости человеческой жизни, а что касается отведенных нам с вами судьбой лет, то лучше об этом и вовсе не думать. Вряд ли их будет много, но живое о живом и помышляет, не пора ли отведать пудинга?

Прошло еще несколько дней. Откровенно говоря, я уже стал забывать о визите профессора Грайфа, не находя в его рассказе ничего, что могло бы позволить покуситься на драгоценное время моего друга Шерлока Холмса. Он был занят работой над статьей о будущем наших отдаленных потомков. О том, что эволюция, рано или поздно приведет к тому, что лобные доли мозга возьмут на себя фунции «базиса», то есть древних частей мозга, доставшихся нам по наследству от приматов. Как известно, в «обязанности» «базиса» вменено руководство всеми физиологическими процессами, происходящими в организме — пока без заметного участия сознания, обитающего в лобных долях. Если все будет так, как пытается убедить читателей Холмс, то организм человека станет как бы саморегулирующейся машиной, вовремя знающей, где что подновить и подправить — не дожидаясь момента, когда начнется необратимый процесс старения.

Вообще говоря, Холмс давно собирал материалы на эту тему. Изучил он и сообщения об удивительных достижениях индийских йогов, добившихся сознательного управления некоторыми процессами, обычно относящимися к области безусловных рефлексов. Мне гипотеза друга казалась весьма оригинальной — но все же она никак не вязалась с его убежденностью в возможности получить бессмертие сейчас, немедленно, а не в будущих веках.

Пока я раздумывал надо всем этим, зазвонил телефон. Профессор Грайф сообщил Холмсу, что выполнил его пожелание в отношении инспектора Картрайта. Оказалось, встретиться со знаменитым Холмсом было давней его мечтой.

Я не помню, как выглядела физиономия смышленого мальчугана, который нередко выполнял поручения Холмса, — но внешность пришедшего вскоре инспектора мне понравилась. Типичное англо-саксонское лицо, худощавое, узкое, с резко выступающим подбородком — что, по мнению физиогномистов, всегда свидетельствует о решимости и сильной воле. Он был одет в недавно введенную в Скотланд Ярде форму спортивного покроя.

Холмс, как мне показалось, рассматривал его глазами обрадованного дядюшки, к которому пожаловал давно не появлявшийся племянник.

Поговорив немного о его отце, погибшем в минувшую войну, Холмс спросил, что нового слышно о сбежавшем пациенте профессора Грайфа?

— Самого мистера Хадженсона мы пока не нашли, сэр, а вот паспорт, найденный в его кармане, оказался паспортом самого Хадженсона, но с подделкой года рождения и чужой фотографией. Этому «Хадженсону» по паспорту всего тридцать лет, тогда как владельцу стукнуло за девяносто, да и фотография какая-то странная, похоже, что это — переснимок.

— Паспорт при вас?

— Да, сэр, вот он, взгляните сами.

Я подал Холмсу лупу, и он долго рассматривал все листы паспорта Хадженсона, безусловно, сразу обнаружив подчистку в цифрах дня рождения, изучал фотографию под разными углами зрения.

— То, что это — не подлинник, а переснимок, обнаружить может только специалист, — сказал Холмс. — Меня же больше заинтересовала старомодная одежда, в которой снят этот субъект, воротник покроя нашей молодости, сюртук, да и прямой пробор, который давно вышел из моды. Ныне его заменила грива нечесаных волос, но, как говорят, всему свое время. Конечно, на улице можно увидеть поистине вавилонское смешение мод и стилей — молодежь старается хоть чем-то выделиться из толпы. Но все же — сюртук... Вы показали паспорт кастелянше мистера Хадженсона?

— Да, сэр, ей не знаком этот молодой человек, она его никогда не видела в доме своего хозяина. Но его черты, как она сказала, чем-то напоминают черты лица мистера Хадженсона, каким его в молодости изобразил художник. Этот портрет я видел, сэр, он висит над письменным столом Хадженсона, но сходство, как мне показалось, весьма и весьма отдаленное.

— Ну, а что кастелянша рассказала вам о привычках своего хозяина, его друзьях и знакомых?

— Миссис Карлоу — так ее зовут — находится в услужении у мистера Хадженсона более полувека, с того самого года, когда он приобрел дом. Он безвыездно прожил в нем до последнего времени. Она утверждает, что у него вообще не было ни друзей, ни знакомых, он выписывал множество журналов и газет и большую часть времени проводил в своей домашней лаборатории. Миссис Карлоу говорит, что она как-то слышала от своего хозяина, что он в молодости работал фармацевтом, а теперь старается создать какие-то новые лекарства.

— Продолжайте, Картрайт, продолжайте, я полагаю, что его беспамятство, в котором он оказался на обочине шоссе, и увлечение фармакологией имеют связь.

— Мистер Хадженсон вел жизнь достаточно состоятельного рантье, о чем можно судить по обстановке в доме, массе выписываемых книг, журналов и по рассказам миссис Карлоу. Когда ее племянница выходила замуж (сама миссис Карлоу — старая дева), мистер Хадженсон дал ей крупную сумму денег, чтобы молодая чета смогла приобрести коттедж и обзавестись всем необходимым. Из этого можно сделать вывод, что мистер Хадженсон имеет приличный капитал, позволяющий ему делать подобные подарки. Недавно мне пришлось вторично посетить миссис Карлоу: она заявила в полицию о проникновении в дом грабителя. Среди ночи ей послышался какой-то треск на втором этаже дома. Там находятся спальня, гостиная и кабинет хозяина. На первом этаже дома — ее комната и хозяйственные помещения: кухня, кладовые, ванная. Когда она оделась и поднялась наверх, то увидела в кабинете распахнутое окно с выставленным стеклом. По ее словам, все вещи целы. Видимо, вор, услышав ее шаги, не успел ничего похитить. Под окнами кабинета — крыша пристроя, и злоумышленник смог, забравшись на нее, дотянуться до окна. Но самое главное, сэр, что вчера в отделении местного банка неизвестный молодой человек попытался получить крупную сумму денег со счета мистера Хадженсона. Кассиру, знавшему в лицо всех своих вкладчиков, это показалось странным, и он пошел к своему

шефу посоветоваться, как ему поступить, а когда они оба вернулись в кассу, неизвестный исчез. Однако экспертиза удостоверила подлинность почерка Хадженсона.

— Следовательно? — спросил Холмс.

— Хадженсон жив, или чек был заполнен им когда-то раньше.

— Вы, конечно, показали кассиру банка фотографию на паспорте Хадженсона?

— Да, сэр. Он сказал, что есть большое сходство.

— А вы что предполагаете, доктор? — спросил меня Холмс.

— Я полагаю, что это становится действительно интересным. Пожилой состоятельный джентльмен совершает побег из госпиталя, предварительно найдя свою одежду — что едва ли мог сделать человек, находясь в состоянии беспамятства. Затем, как молодой, опускается по виноградной лозе с риском оборвать ее и упасть с порядочной высоты, бежит босиком по снегу и бесследно исчезает, даже не заглянув домой.

— А почему вы, Картрайт, и вы, Ватсон, не допускаете, что именно он и был тем злоумышленником, проникшим в дом через выдавленное оконное стекло?

— Вы шутите, сэр,— усмехнулся Картрайт.— Зачем хозяину дома проникать в свой кабинет, карабкаясь по крыше, и разбивать стекло? Не проще ли позвонить и быть радостно встреченным верной кастеляншей?

— Да, да, это логично, господа, тем более, что вскоре...

Неожиданно зазвонил телефон.

— Ответьте, Ватсон, — попросил Холмс.

— Это квартира мистера Холмса? — спросил женский голос. — Извините, пожалуйста, с вами говорит Карлоу, кастелянша мистера Хадженсона. В полиции мне сказали, что к вам, мистер Холмс, поехал испектор Картрайт.

— Да, он здесь, передаю ему трубку.

По выражению лица инспектора было видно, что ему сообщалось что-то важное.

— Звонила миссис Карлоу, сэр, извините, что полиция дала ей ваш телефон. Она меня разыскала, чтобы сообщить новость: Хадженсон звонил ее племяннице. И сейчас миссис Карлоу едет к ней.

— Ну, раз нашелся беглец, то остальное расскажет он сам, — сказал, позевывая, Холмс. — Сообщите мне потом, зачем и кому он пожертвовал свой паспорт. Ну и, конечно, кто этот субъект, которому он выписал чек на крупную сумму.

— Непременно, сэр, как только все выяснится, я сообщу вам и профессору Грайфу, ведь его также интересует причина бегства пациента и особенно, как он говорил, невероятно высокая температура его тела в течение столь длительного времени, его странная болезнь...

— Да и меня это интересует, — сказал Холмс, провожая Картрайта.

— Так что вы об этом думаете? — спросил меня Холмс, когда мы остались одни.

— Я полагаю, что материальная обеспеченность, положение в обществе и даже преклонный возраст еще не являются гарантией против злоупотреблений и даже преступлений. Вы, Холмс, как мне известно, не раз сталкивались с преступниками, являющимися вполне респектабельными людьми, а на поверку оказавшимися самыми отъявленными мошенниками.

— Вы правы, Ватсон, в каждом человеке есть что-то от лукавого, а у некоторых эти начала преобладают, и тогда они вступают в противоречие с законом и нормами нравственности. Что касается данного случая, то интуиция подсказывает мне его исключительную неординарность. Это и не преступление, и преступление. Сейчас я просто не в силах высказаться более определенно, так как пока не имею фактов, подтверждающих мое предчувствие. Помяните мое слово, мы встретились с каким-то особым случаем.

Метод, которым пользовался мой друг в течение многих лет, заключался, по его словам, в «знании фактов, хорошей наблюдательности и обработке этого логическим мышлением», столь присущим рассудку Холмса. Но в последние годы

элементы логики и умозаключения на этом базисе стали уступать место в его мышлении элементам подсознательного, интуиции, которая, по словам Холмса, имеет девиз: «Знаю, и все тут» — то есть знание чего-то без построения логической цепочки доказательств. «Но без фактов, — говорил мой друг, — дело не сдвинешь, факты — это отправной момент, с которого вступает в действие экстраполяция — мысленное продолжение наметившегося явления, или, как он однажды сказал — психоголограмма».

— Когда-нибудь, — пообещал мне в тот вечер Шерлок Холмс, — я, может быть, напишу о методе построения «психоголограмм», сейчас же меня больше интересует проблема поиска «гена долгожительства». Только, пожалуйста, не подумайте, Ватсон, что на склоне лет я страшусь неизбежного конца и хочу отдалить этот финал. Нет, мне просто хочется понять, почему до сих пор человек не протер руки и не взял тот плод, плод бессмертия. Помните, о чем беспокоился автор зачитанных мною строк из Библии? Геронтологи установили, что старение — это не что иное, как замедление процесса клеточного деления, замены старых клеток молодыми, но ученые также обнаружили, что ни один организм не доживает до генетически предписанной смерти своих клеток. Почему? Я пытаюсь найти ответ. Очевидно, в эволюции живого не все еще отшлифовано Природой, и мы просто не улавливаем скрытых потенций организма.

Холмс мог, как я знал, говорить на эту тему, захватившую его сознание, бесконечно долго, всесторонне обыгрывая собственную гипотезу грядущего бессмертия наших весьма и весьма отдаленных потомков.

По моему же мнению, более важной и насущной проблемой сегодняшнего дня являются не умствования о бессмертии, а вопрос, как остановить распад мозгового вещества, происходящий у стареющих людей.

Но и проблему старения не следует рассматривать как желание отодвинуть гибель и продлить жизнь; по-моему, главное — это проблема социальная. Статистика уже сейчас говорит о том, что в развитых странах происходит выравнивание «числа работающих и числа пенсионеров», так сказать, одряхление общества. Поэтому перед человечеством уже сейчас стоит неотложная проблема: как продлить не столько продолжительность жизни, сколько ее продуктивность?

Прошло еще сколько-то дней, в течение которых Холмс ни разу не позвонил мне по телефону, его номер также не отвечал, я серьезно стал беспокоиться. Как-никак, случайности чаще всего подкарауливают именно нас, не столь расторопных на улице, не столь устойчивых к простудам. Да и слух уже не тот, и без очков уже не обойтись, словом, возраст есть возраст. Не выдержав, я поехал к Холмсу сам. В дверях меня встретила его горничная, подавшая мне коротенькую записку. «Телефон мною выключен, дабы не беспокоить прислугу. Отправляюсь на побережье, попытаю рыбацкого счастья и заодно подышу ионизированным воздухом. По возвращении непременно позвоню. Ваш Ш. Холмс».

Вернувшись домой, я сказал супруге, что у Холмса, очевидно, стала появляться опасная для здоровья ностальгия по ушедшей молодости — как бы это плохо для него не кончилось.

— Ничего не поделаешь, — ответила мне жена, — холостому многое дозволено, будем надеяться, что все обойдется, и мистер Холмс похвастается своим уловом.

В прихожей зазвонил телефон.

— Это мистер Картрайт, — сказала жена, передавая мне трубку.

— Пожалуйста, извините меня, мистер Ватсон, куда подевался ваш друг? Звоню второй день, никто не берет трубку, а есть интересные новости.

Я удовлетворил любопытство молодого человека и спросил, какие у него появились новости.

— Три дня тому назад, ночью, миссис Карлоу послышались шаги в коридоре, в который выходила дверь ее комнаты. Она зажгла свет и, выглянув, увидела, как ночной гость открывает засов входной двери. Она испуганно вскрикнула,

выходивший обернулся, и она утверждает, что увидела того самого субъекта, чья фотография была прикреплена к паспорту ее хозяина. Этот человек рассмеялся и, сильно хлопнув дверью, покинул дом. Перепуганная старушка часа два не могла прийти в себя от испуга, потом догадалась позвонить мне в полицию. При осмотре на месте выяснилось, что субъект проник в дом все тем же путем: вновь открыл раму в кабинете мистера Хадженсона. Я полагаю, что это, вероятно, заинтересует мистера Холмса, при случае прошу сообщить ему новые подробности.

«Странно, действительно странно», — подумал я, досадуя на отсутствующего друга, — если этот субъект — родственник старого Хадженсона, то зачем ему понадобилось проникать в дом, как ночному вору? Если же он — постороннее лицо, то откуда он мог знать о расположении комнат и направлении выхода из дома? И почему посетитель ничего не унес — как это утверждает кастелянша? Я пообещал Картрайту, что выполню его просьбу, как только мой друг вернется в Лондон.

Ночью я долго не мог уснуть, перебирая в памяти все, что мне было известно об этой несуразной истории исчезновения «Агасфера», как Холмс между нами однажды назвал старика. Он не смог придти ни к какому выводу. Все варианты походили на черновые наброски плохонькой пьески на бытовую тему, а не на что-то значительное, стоящее нашего с Холмсом времени и внимания.

В дополнение к этому, когда я проснулся, память удержала кое-какие фрагменты сна: дикую смесь опереточного Востока с картинками из «Тысячи и одной ночи» и автомобильной пробки на лондонской улице, где застрял старомодный кэб, ведомый Шерлоком Холмсом.

Строить головоломные гипотезы было не в моем характере, поэтому, решив, что этот клубок может распутать только сам Шерлок Холмс, я занялся хозяйственными делами, которыми меня всегда так успешно нагружала жена.

Теперь я уже вполне уверен, что история исчезновения мистера Хадженсона могла стать последней историей в жизни моего друга Шерлока Холмса. К счастью, полученную им простуду победил мощный антибиотик, без которого престарелый организм вряд ли справился бы с недугом. Судьба, которая берегла Холмса от пуль, кинжалов, ядов, пощадила его и на этот раз.

Слава Всевышнему, Холмс вновь уселся в свое любимое кресло возле камина, пообещав доставить вскоре мне удовольствие, о сути которого он, всегда любивший сюрпризы, попросил не расспрашивать.

— Пожалуйста, Ватсон, позвоните жене и скажите, что вы у меня задержитесь еще немного, может быть, на час-два.

— Вы кого-то ожидаете? — спросил я.

— Разумеется. Но вот и он, слышите, как хлопнула дверца машины?

Я никогда не отличался остротой слуха, да еще в такую погоду, когда по настоянию супруги приходится затыкать уши ватой.

— К вам пришли, сэр, — доложила горничная, пропуская в гостиную пожилого человека, внешность которого показалась мне удивительно знакомой.

— Знакомьтесь, Ватсон, — это — мистер Хадженсон-старший.

Сказанное показалось мне неуместной шуткой, когда я увидел, как по знаку Холмса посетитель уселся в предложенное ему кресло и неспеша лишил себя бороды, усов и гривы седых волос, став тем, чью фотографию нам показывал Картрайт на подделанном паспорте.

— Грим — мой, — сказал Холмс. — Вы же помните, Ватсон, как мне это искусство помогало прежде. Теперь им придется овладеть мистеру Хадженсону, чтобы выпутаться из этой невероятной истории перевоплощения.

— Омоложение, сэр, это всего лишь возврат к своему былому облику и состоянию организма. Благодаря странному наследству, доставшемуся мне от моих родовитых предков.

— Вы расскажете об этом чуть позже, мистер Хадженсон, для миссис же Карлоу и сотрудников банка, хранящего ваш капитал, вы должны остаться преж-

ним, старым мистером Хадженсоном, временно отсутствовавшим по личным причинам. Поэтому рекомендую прибегать к гриму до тех пор, пока не осуществите свои планы по переводу состояния в иную страну, которую вы выберете для своего местопребывания. А пока, прошу, пройдите в ванную комнату и смойте «морщины», которыми я был вынужден разукрасить ваше лицо.

Когда молодой человек вышел, я воззрился на Холмса, ожидая разъяснений.

— Сейчас должны подойти Картрайт и Грайф, — сказал Холмс, — тогда вы услышите самую невероятную, но правдивую историю, которую невозможно объяснить привычными нам представлениями о природе человека. Ну а пока очень кратко о том, чего я добился, сидя с удочкой на берегу океана поблизости от рыбацкого павильона, некогда сооруженного старым Хадженсоном.

Расспросив миссис Карлоу о привычках ее исчезнувшего хозяина, я понял, что его следует искать там, где он обычно проводил летние месяцы — то есть на берегу моря. И действительно, вскоре я обнаружил укрытие — небольшую будку — и ее обитателя, варившего улов на очаге. У него кончились запасы консервов, и теперь единственной пищей бедняге служила пойманная рыба. Но — доскажу потом, идут...

Они вошли почти одновременно — молодой человек, смывший «старческие» морщины, и профессор Грайф с инспектором Картрайтом.

— Знакомьтесь, джентльмены, — торжественным голосом сказал Холмс, — это мистер Хадженсон, в... обоих лицах. Я понимаю ваше недоумение, господа, но рассеять его попросим самого мистера Хадженсона.

Надо было видеть лица инспектора и профессора. Картрайт стоял с таким видом, словно в его руки неожиданно попался давно разыскиваемый преступник. Лицо врача выражало крайнее недоумение. Я и по сей день уверен, что финал истории с «Агасфером» так и остался «невписываемым» в их профессиональные и мировоззренческие представления. Но это — их дело, перескажу, возможно короче, услышанное в гостиной Холмса.

Вот что рассказал нам «Агасфер»:

— Я полагаю, джентельмены, мне следует начать с того момента, когда я, потеряв сознание, упал на дороге, вследствие чего и очутился в госпитале профессора Грайфа.

Происходившие со мной явления — необыкновенно высокая температура тела, затем начавшееся потемнение волос и набухание десен с прорезывающимися зубами, как у годовалого ребенка — безусловно, должны были заинтересовать медиков. В сознание я пришел не сразу, но и когда оно вернулось, еще долго был лишен речи, поэтому не мог объяснить происходящее со мной. Все дни, проведенные в госпитале, мое сознание находилось в состоянии раздвоения личности на сознание прошлого и сознание настоящего и будущего. Мне очень трудно объяснить ощущение присутствия в самом себе двух человек — того, кто уходит, старого, и того, кто вселяется в омоложивающееся тело. Старое сознание, если так можно это назвать, открывало мне картины прошлого, некогда пережитого моими предками, а новое уже подсказывало необходимость бегства из госпиталя. Пока происходящие в моем организме изменения не привели к его полному перерождению, при котором мне было бы невозможно доказать, что я есть тот самый старый Хадженсон, владелец особняка и капитала, вложенного в ценные бумаги местного банка. Поэтому, не дожидаясь того момента, когда моя внешность изменилась бы до неузнаваемости, я принял решение бежать, чтобы немедленно уехать из страны и где-то за океаном начать новую жизнь в физиологически новом теле. И тем самым (я понимаю, во все это весьма трудно поверить) продолжить судьбу нашего древнего рода, как этому было положено начало во времена вторых крестовых походов моим предком графом Де ля Роком...

Так начал молодой человек свою исповедь. Я наблюдал за лицами рассказчика и его слушателей. Лицо Холмса было непроницаемо. Профессор Грайф смотрел на рассказывающего внимательными глазами врача-психиатра. Инспектор Карт-

райт — как на мошенника, несущего несусветную чушь с целью запутать следствие. Что касается меня, то я занял позицию стороннего наблюдателя и старался разобраться во всей этой престранной истории объективно.

— Над нашим родом тяготеет проклятие старого копта. Он проклял графа Де ля Рока за то, что тот усомнился в подлинности Туринской плащеницы, тогда хранившейся у монахов коптского монастыря в районе Александрии. Я не буду вдаваться в подробности, изложу только суть. За неверие и богохульство, которые позволил мой предок, всем мужчинам нашего рода было заклято перерождение тела на склоне лет. Практически это было не только долгожительство, но и переход в иное, молодое тело с сохранением памяти обо всем прожитом. И второе: когда перевоплотившиеся мои предки вновь обретали новую семью, с рождением ребенка мужского пола отец погибал от самых разных причин — болезней, на поле брани или на дуэли, неважно. Так было с моим отцом, дедом и прадедами. Такая же судьба ждет и меня.

— Простите, мистер... Хадженсон, — перебил его Картрайт, — все, вами рассказанное, очень романтично, но вернемся в современность. Поясните, зачем вам понадобилось подделывать паспорт мистера Хадженсона и прикреплять на него свою фотографию.

— Так это же моя фотография в молодости! Неужели вы сомневаетесь, что я и старый Хадженсон — одно и то же лицо?

— Да, есть основания не верить вам. Сэр, — сказал он, обращаясь к Холмсу, — придется снять отпечатки пальцев у этого господина, рассказывающего столь фантастические истории.

— Я уже сделал это, Картрайт, вот они, — сказал Холмс, передавая инспектору папку. — Идентичность полная. Но если моя работа вас не убедит, Картрайт, то мистер Хадженсон предоставит вам все возможности для перепроверки. А пока послушаем продолжение истории рода Де ля Роков.

— Да, разумеется, завтра я к вашим услугам, — сказал Хадженсон, — только пусть вас не шокирует то обстоятельство, что я буду принимать вас в своем старом обличии — это необходимо для душевного спокойствия миссис Карлоу, которой я после моего отъезда оставляю свой дом и вполне заслуженную ею ренту.

— Так как же происходит этот процесс омоложения? — спросил долго молчавший профессор Грайф. — Меня это интересует как медика. Я вполне убежден, что природой такое преобразование не предусмотрено.

— Постараюсь ответить, сэр. Но только на вопрос «как», а не «почему». Как? Начинается это в промежутке между восьмидесятью и девяноста годами, во всяком случае, так явствует из нашей семейной хроники. Вначале появляются симптомы чисто психологического порядка — желание вспомнить прошлое, и не только свое, но и прошлое предшественников, затем провалы в памяти и резкое повышение температуры тела, и уже потом можно себя сравнить со змеей, покидающей старую шкуру. А вот «почему», на это я ответа не имею, хотя и пробовал найти через усердное изучение всего, что написано по геронтологии. Очевидно, произошло что-то с нашим фамильным генетическим кодом, и это привело к возникновению обратимого процесса в период предельного истощения жизненных сил, защитных свойств организма. На эту тему мы долго и обстоятельно беседовали с мистером Холмсом, являющимся, я бы сказал, даже энциклопедистом в области современной геронтологии. Вот, собственно, и все, что я могу доложить о себе мистеру Холмсу, его другу доктору Ватсону, инспектору Картрайту, которому я доставил столько хлопот, и, разумеется, многоуважаемому профессору Грайфу, заботами которого я, весьма вероятно, и остался жив при столь высокой температуре своего перерождавшегося тела.

— Как бы то ни было, мистер... Хадженсон, — сказал Картрайт, — я человек своего служебного долга. И он обязывает меня все сказанное вами оформить протоколом и удостовериться в вашей идентичности с тем, за кого вы себя выдаете.

Холмс беззвучно рассмеялся.

— Разумеется, Картрайт, разумеется, вам следует перепроверить старика. Я полагаю, что мистер Хадженсон ничего не будет иметь против.

— Только одно, сэр, — сказал Хадженсон, — надеюсь, до моего отъезда из страны полиция разрешит мне носить бороду, усы и немного гримироваться, ведь для всех, кто меня знает и помнит, я пока вынужден носить личину старика.

— Как вы на это смотрите, Картрайт? — спросил Холмс.

— Пусть делает, что хочет, законодательством и уголовным кодексом никому не запрещается носить ту или иную одежду и делать со своей физиономией все, что заблагорассудится ее владельцу.

Прощаясь с нами, Холмс попросил профессора Грайфа как-нибудь навестить его, потолковать на медицинские темы.

Прошло еще три года, история с «Агасфером» стала стираться из памяти, уступив место проблемам личного характера. Подчас все, лежащее вне грани первоочередных забот, кажется второстепенным и не заслуживающим внимания пожилого человека. Ну, а если быть совсем объективным по отношению к самому себе, то следует слово «пожилого» заменить на «состарившегося», ибо, как я уже говорил в начале этого рассказа, мы с Холмсом родились при свечах, уйдем со сцены, успев прикоснуться к технике компьютеров, цветных телевизоров и сверхскоростных способов передвижения.

Холмс, да и я тоже, все реже и реже покидаем свои кресла возле привычных каминов. И излюбленным средством нашего общения недавно стал видеотелефон.

Утром, уже не помню, какого дня недели, позвонил Холмс и спросил, получил ли я утреннюю почту. Я сказал, что пока нет. Так как почтальон приносит ее чуть позже, ибо начинает с другого конца квартала.

— Тогда, — сказал Холмс, — наденьте очки посильнее, и я дам вам прочесть заметку, касающуюся нашего «Агасфера».

На экране видеотелефона исчезло лицо моего друга и показался газетный лист с жирно очерченной заметкой: «Вчера вечером, возвращаясь к себе домой, мэр города Сан-Мигель, господин Р. Н. Хадженсон, сравнительно недавно эмигрировавший из Англии, был на перекрестке улицы сбит грузовой автомашиной. Смерть наступила мгновенно. Городской магистрат и население города, всегда ценившие деловитость и доброту своего мэра, выражают соболезнование жене погибшего, госпоже И. В. Хадженсон, и ее малолетнему сыну».

— Вот так, дорогой доктор, — сказал, вновь появляясь на экране, Шерлок Холмс. — Закрылась страница истории еще одного отпрыска графов Де ля Роков — единственного из известных нам людей, которому удалось обрести вторую молодость. Но в заклятье, тяготеющем над этим древним родом, не говорится о пресечении его и, кто знает, не повторится ли та же история и с его наследником? И если да, то не откроет ли она нашим потомкам, как и чем следует стучаться в дверь бессмертия?

ДЕЛО ДВОЙНИКОВ

Там республика зверей или конституционная монархия... Львы, медведи, лоси, зубры — все это зверье мирно живет вместе.

«Локис». Проспер Мериме

— Вы кого-то ждете? — спросил я Шерлока Холмса, заметив, что он прислушивается к уличному шуму и уже дважды подходил к окну.

— Да, Ватсон, звонила вдова моего покойного товарища по университету, просит дать совет по поводу какого-то загадочного происшествия.

— Уилкер, — продолжал Холмс, — был превосходный скрипач, именно ему я обязан своей привязанностью к скрипке. Я убежден, Ватсон, что только нежные звуки скрипки способны оторвать человека от земных горестей и неудач. Я не видел вдову Уилкера много лет, и, право, ума не приложу, зачем я ей понадобился.

— Может быть, финансовые затруднения? — предположил я.

— Едва ли. Насколько я осведомлен, чета Уилкеров была вполне обеспеченной. Уилкеру досталось хорошее наследство от отчима — владельца каких-то фабрик, а его жена, урожденная Джейн Беккер, также из состоятельного семейства.

Эта девушка, Ватсон, была яблоком раздора среди студентов нашего университета. Представьте себе, среди претендентов на ее руку был и ваш покорный слуга. Ведь любовь, Ватсон, почти никого не обходит стороной. Но Джейн предпочла красавца Тома Уилкера, и они поженились. Я побывал на их свадьбе. Как мне, так, полагаю, и многим другим, это событие показалось приемом чрезвычайно горького лекарства, снявшего сердечную боль лишь спустя какое-то время. Но мы храбрились, вооружившись приветливыми улыбками и дружно кричали «Горько!». Кажется, машина остановилась возле подъезда, вероятно, это она, — сказал Холмс, потянувшись к столу за своей трубкой.

Холмс представил меня миссис Уилкер — полной, со следами былой красоты блондинке, с сильной нескрываемой проседью волос.

Я спросил вдову, не мешает ли мое присутствие.

— Нет, что вы, доктор, напротив, ведь вы — правая рука великого детектива, и ваше мнение так же будет кстати.

— Как вы знаете, Холмс, — сказала вдова, — Том погиб в автокатастрофе в Риме, куда он поехал для установления связи с одним из биологов, чьи исследования шли параллельно с работами мужа.

— Да, миссис Уилкер, я все это помню, авария произошла неподалеку от дома этого молодого ученого, когда Том садился в свою машину. В нее врезался грузовик, за рулем которого был пьяный водитель. Печальные подробности.

— Я недавно была на месте гибели моего мужа, — продолжала вдова. — И посетила страшный музей, музей автокатастроф. На большинство экспонатов невозможно смотреть без содрогания. Я не знаю, кто додумался организовать эту выставку искореженных машин, в которые помещены восковые фигуры, изображающие погибших. Я ушла, осмотрев только часть выставки, это ужасно... Но меня, Шерлок... если позволите, я буду называть вас по имени, как в те, давно минувшие годы нашей с вами молодости...

— Да, пожалуйста... Джейн.

Вдова удовлетворенно кивнула головой.

— Дело в том, Шерлок, что меня привел к вам журнал, точнее, снимок на этой странице, взгляните сами.

Я сидел рядом и видел, на что вдова хотела обратить внимание Холмса. На снимке был изображен молодой, красивый человек, играющий на скрипке.

Обычно бесстрастное лицо Холмса выдало нескрываемое изумление.

— Какое поразительное сходство — это идеальная копия Тома! И скрипка...

— У нас, Шерлок, как вы знаете, не было детей, — сказала вдова, утирая

платком появившиеся слезы, — но этот юноша удивительно похож на Тома, каким он был до нашей женитьбы.

— Да, совпадение действительно удивительное, — повторил Холмс. — Впрочем, мы можем проверить свои впечатления по сохранившимся у меня снимкам университетских друзей.

Холмс достал из шкафа фотоальбом в кожаном переплете и, найдя нужные снимки, показал их мне. На одном из снимков был запечатлен молодой человек, державший в руке теннисную ракетку.

— Том не только хорошо играл на скрипке, но и был превосходным теннисистом, не один раз участвовал в схватках с лучшими командами Оксфорда.

— Да, это так, Шерлок, но вы уже догадываетесь о цели моего визита.

— Поясните, Джейн.

— У меня возникло подозрение, Шерлок, что мой Том...

— Это исключено, Джейн, я хорошо знал Тома, он вас буквально боготворил. К тому же, ваше подозрение абсолютно лишено основания хотя бы по времени. Том погиб почти сорок лет тому назад, а этому юноше-скрипачу от силы двадцать пять, так что...

— Я это учла, Шерлок, но сходство просто невероятное. У меня есть предложение, господа. Вчера я видела афишу филармонии, на которой стояло имя этого скрипача, носящего итальянскую фамилию — Марчетти. Это опять странное совпадение, Шерлок, ведь Том погиб после визита к биологу Марчетти!

— Если не ошибаюсь, — сказал я, — профессор Марчетти недавно удостоен премии за способ отдаленной гибридизации животных.

— Да, Ватсон, вероятно, это он, я это тоже читал.

Предложение вдовы, как догадывается читатель, было принято, и в назначенный день мы поехали в филармонию. Галантность вообще присуща джентльменам, но то внимание, которое Холмс оказывал вдове Уилкер, меня несколько насторожило. «Неужели, — подумалось мне, — эта дама, пользуясь былой симпатией к ней моего старого друга Шерлока Холмса, хочет нарушить его холостяцкую жизнь?»

Но мой провидец словно прочел мои мысли, сказал: «Мой друг, поезд давно ушел, и догонять его под старость лет нет никакого смысла».

Я не большой любитель камерной музыки, но предложение взглянуть на двойника давно погибшего товарища Холмса было заманчивым, я попытался даже взять на концерт свою супругу, но ей в этот вечер нездоровилось, и мы поехали втроем. У вдовы была роскошная машина новейшей марки, и надо было видеть, как эта пожилая женщина легко лавировала в потоке машин на улицах Лондона.

Сказать по правде, за годы, проведенные с Холмсом в одной квартире, я вдоволь наслушался скрипичных звуков, в изобилии извлекаемых моим другом в дни вынужденного безделья и депрессий, к которым нередко была склонна его обычно кипучая натура. Стены нашего совместного жилища обладали слабой звукоизоляцией, но я никогда не предъявлял никаких претензий, и если уставал от абстрактных мелодий, то шел гулять, не предупреждая об этом Холмса. Ведь жизнь людей под одной крышей всегда должна основываться на терпимости к разным вкусам и привычкам.

На билетах значилось, что нам предстоит слушать музыку Вивальди, Моцарта. Среди исполнителей — скрипач Марчетти, тот самый, который поразил нас своим сходством с покойным товарищем Шерлока Холмса.

Наши места — второй ряд партера, видимость отличная. Вдова заняла кресло между нами. Ее вечерний туалет был обильно, но со вкусом дополнен бриллиантовыми украшениями. Для своих лет она выглядела достаточно привлекательной, что вновь всколыхнуло мои подозрения.

В ожидании выхода на сцену Марчетти Холмс достал из футляра миниатюрный бинокль и передал его вдове. Сам он, несмотря на солидный возраст, никогда не пользовался очками, сохраняя все еще хорошее зрение.

— Это не может быть случайностью, — прошептала вдова, рассматривая лицо скрипача.

Действительно, этот молодой человек был как две капли воды похож на покойного товарища Холмса, каким он был снят фотографом.

Не мне оценивать мастерство исполнения, но, судя по аплодисментам, этот юноша был на высоте.

В антракте Холмс зашел к администратору и попросил передать свою визитную карточку скрипачу Марчетти.

— Ну, что вы об этом думаете, джентльмены? — спросила вдова по дороге к машине.

— Сходство поразительное, — ответил Холмс. — Но ваши подозрения, Джейн, беспочвенны, он слишком молод, чтобы быть сыном Тома.

— И все же, Шерлок, все же...

Вдова отвезла нас домой, пообещав Холмсу еще раз навестить его.

На следующий день мне позвонил Холмс, спрашивая, не слушал ли я вечерний выпуск новостей.

— Да, слушал, и сегодня все газеты сообщают об этом удивительно дерзком ограблении банка одиночкой-бандитом. Есть его фотография, снятая скрытой видеокамерой — ими уже оснащены все банки и магазины.

— Вот как! Я еще не просматривал почту, спасибо, Ватсон, я позвоню вам немного позже, этот скрипач не выходит у меня из головы.

Холмс положил трубку, а я стал рассматривать физиономию бандита. На голове темный берет, натянутый до бровей, темные очки, небольшие темные усики. Грабитель был вооружен пистолетом, угрожая которым он заставил выдать ему крупную сумму денег. Какую именно, газеты не сообщали.

Опять зазвонил телефон. Холмс сказал, что к нему должен скоро приехать инспектор Картрайт. И что мое присутствие было бы желательным. Отказать моему другу, тем более, когда он чем-то заинтересовался, невозможно. Ведь в известной мере и я причастен ко многим приключениям Холмса, что, как знает читатель, отражено в моих рассказах.

Я пришел, когда у Холмса уже сидел Картрайт.

Холмс решил ввести меня в курс дела. Оказывается, кроме имеющихся снимков, сделанных камерой (речь у нас шла о дерзком ограблении банка), Скотланд Ярд располагал и оброненной налетчиком лайковой перчаткой с правой руки — очевидно, снятой грабителем для удобства владения оружием.

Но не только это было интересным. Новейшая фотографическая техника позволила увидеть лицо преступника без очков и приклеенных усов. Картрайт показал нам фото грабителя без маскировки. На нас смотрело лицо скрипача Марчетти.

Удивительно, что ограбление банка произошло именно в тот самый вечер, когда мы сидели в филармонии и слушали в его превосходном исполнении чарующие мелодии Моцарта! Совпадало время концерта и время ограбления банка.

— Удивительная схожесть лиц, — сказал Холмс. — Не мог же этот молодец раздвоиться — играть на скрипке и одновременно грабить банк.

— Сэр, — сказал Картрайт, — конечно, я согласен с вами, что чудес не бывает, а если таковые и встречаются, то следует сразу искать того, кому они понадобились. Я уже принял кое-какие меры, позволяющие мне судить о причастности этого музыканта к ограблению банка. Вот отпечаток его пальцев на книге «Загадка смерти Моцарта», которую наш сотрудник по моему заданию подсунул ему для автографа. А вот что отпечаталось на вывернутой поверхности лайковой перчатки. Не говоря уже об идеальном сходстве физиономий.

— Они абсолютно идентичны, — проговорил Холмс после тщательного изучения отпечатков пальцев посредством своей заслуженной лупы.

— Что вы об этом думаете, инспектор? — спросил Холмс.

— Случай слишком неординарный, сэр. Сомнений нет, это одно и то же лицо.

Смущает лишь то, что оба «мероприятия» — концерт и ограбление — произошли в одно и то же время.

— Я уже получил санкцию на арест этого скрипача, но вначале решил посоветоваться с вами, сэр.

— Не спешите, — сказал Холмс, — ведь, несмотря на очевидные улики, они ничто по сравнению с его присутствием в филармонии. Я должен подумать, Картрайт. Во-первых, надо знать, как долго он намерен пробыть в Лондоне.

— Мой агент, тот самый, что дал ему книгу, догадался об этом спросить. Скрипач намерен побывать Бирмингеме, Манчестере и где-то еще — на что, по его мнению, уйдет не меньше десяти дней.

— Нужно установить за ним постоянное наблюдение, но очень осторожно. И еще — я попрошу миссис Уилкер пригласить скрипача на ужин, поскольку как ей, так и нам кажется, что этот молодец удивительно похож на ее покойного мужа.

— Я буду в числе приглашенных?

— Безусловно, Картрайт — как племянник доктора Ватсона. Вы — инженер, страстный любитель камерной музыки.

Мы сидели в особняке миссис Уилкер. Состояние, как собственное, так и доставшееся от мужа, позволяло ей вести открытый светский образ жизни. Гости уже собрались, с минуты на минуту ожидался приезд виртуоза — скрипача Марчетти. Погода в этот день была преотвратительная. Дождь с мокрым снегом и пронизывающий ветер с Атлантики.

Однако скрипач прибыл без опоздания и был тепло встречен присутствующими, не говоря уже о самой хозяйке дома.

Итальянец вполне прилично говорил по-английски, с небольшим акцентом, который обычно присущ южанам романской расы. Однако внешне это был стопроцентный британец. Правильные черты красивого лица, немного грустные темно-серые глаза. Манера говорить и держаться в обществе свидетельствовала о хорошем воспитании и образованности. Когда я смотрел на него, мне невольно пришел на память граф Монте-Кристо, Дантес — каким он мне запомнился с детства.

Вначале, как и следовало ожидать, разговор зашел о музыке и знаменитых исполнителях. Выяснилось, что дома, в Италии, Марчетти обычно весь кассовый сбор отдает в помощь домам сирот и престарелых.

— Это условие моего приемного отца, графа Марчетти, — сказал молодой человек, — что же касается меня, то финансовая сторона меня не интересует, я хочу делать все от меня зависящее для помощи сиротам и подкидышам, хотя бы потому, что сам не знаю своих родителей.

При последних словах вдова многозначительно взглянула на Холмса, как бы давая понять — я же говорила!

Холмс улыбнулся и покачал головой.

— Насколько мне помнится, — сказал я, — граф создал себе научное имя экспериментами по скрещиванию отдельных видов высших животных и рептилий.

— Совершенно верно, он и сейчас работает в этой области, несмотря на свой почтенный возраст. Но, насколько я знаю, уже только с теплокровными, рептилии его перестали интересовать.

Затем разговор вновь вернулся к музыке и предстоящим поездкам Марчетти по стране. После ужина, когда мужчины удалились в курительную комнату, вдова подошла к Холмсу и сказала: «Шерлок, я хочу этому юноше показать портрет Тома, он висит в моей спальне. Каково ваше мнение?»

— Что же, но не думаю, Джейн, что вы сможете таким образом найти подтверждение своим беспочвенным подозрениям.

Мы остались в курительной комнате, а вдова пошла в гостиную.

— Ну как вам, Картрайт, понравился этот юноша? — спросил инспектора Холмс. — Ведь и в самом деле он производит самое приятное впечатление.

— Как вы знаете, сэр, впечатление не всегда бывает безошибочным. Если бы не совпадение по времени концерта и ограбления, я давно надел бы на него наручники.

Вечер прошел прекрасно, в приятных беседах. Поздно ночью последовал звонок Холмса.

— Ватсон, — сказал он, — вы немедленно должны ко мне приехать. Я только что разговаривал с Картрайтом, и он сообщил мне такое... Вы только подумайте, Ватсон, случай действительно совершенно непостижимый с позиции нормальной логики: грабитель — вероятно, тот самый бандюга, сумевший в одиночку ограбить банк — пришел в костел, когда там не было службы, и попросил пастора уделить ему несколько минут для покаяния в преступлении. Но вместо исповеди оставил мешок и быстро скрылся, сказав, что он искренне раскаивается в содеянном. Пастор, естественно, позвонил в Скотланд Ярд и передал прибывшему полисмену мешок с деньгами. Все возвращено, до последнего цента, Ватсон! Каково, а? Однако, когда пастора попросили обрисовать внешность раскаявшегося грабителя, он наотрез отказался, сказав, что этим он нарушил бы тайну исповеди.

Возвращенная сумма точно совпадает с похищенной грабителем, так что ошибки быть не может. Из этого можно сделать вывод, что у нашего скрипача есть астральный или вполне материальный двойник по всем признакам — и по внешности, и по рисункам на руках.

— А может быть, это одно и то же лицо?

— Нет, не может — возврат награбленных денег произошел сегодня в тот час, когда мы все сидели у вдовы Уилкер.

— Какова на этот счет версия Картрайта?

— Он должен сейчас подъехать, и мы послушаем, что он скажет.

Инспектор добавил только одно — на мешке оказались те же отпечатки, что и на перчатке, и на обложке книги с автографом скрипача Марчетти.

— Я просто в отчаянии, сэр, — проговорил Картрайт. — Видит бог, никогда столь дурацкой истории со мной не случалось.

— Увы, Картрайт, — вздохнув, сказал Холмс, — и я впервые сталкиваюсь с такой загадкой.

Миновало холодное время года, весна входила в свои права, и мы с женой собирались погреться на солнышке где-нибудь на берегу моря. Но место отдыха и время отъезда еще только предстояло определить.

История с ограблением банка и необъяснимым покаянием бандита стала забываться. Таинственный двойник скрипача, в реальности которого перестали сомневаться даже в Скотланд Ярде, больше не давал о себе знать, как и сам скрипач.

Но изредка Холмс все же возвращался к этой теме, напоминая мне тем самым незадачливого рыболова, у которого с крючка сорвалась «вот такая рыбина».

— Надо признать, — говорил мой друг, — что история «близнецов» посадила в лужу весь цвет Скотланд Ярда и нас с вами, Ватсон. Но у меня недавно зародилось желание посетить вечный город, осмотреть его достопримечательности, попытаться познакомиться с графом Марчетти. И встретиться с его приемным сыном — если, конечно, граф захочет со мной беседовать. В связи с этим, Ватсон, я хотел бы знать, где вы хотите провести наступающее лето?

Я сказал, что мы с супругой еще не определились, но над предложением совместного турне по Италии стоит подумать.

Как я и ожидал, моя милая жена, которая никогда не покидала нашего острова, с радостью дала согласие на поездку.

— Если вы не возражаете, Ватсон, то к нам хотели бы присоединиться миссис Уилкер и Картрайт. Кстати, этот толковый инспектор все-таки не вытерпел и в Бирмингеме, где скрипач давал концерт, взял у него интервью — именно интервью, ибо имеющиеся улики полностью нейтрализовались доказанным алиби Марчетти. К тому же он — иностранный подданный, что также осложняло задачу Картрайта.

— Что-нибудь прояснилось?

— Почти ничего. Скрипач, по его словам, не знает о существовании своего двойника, хотя, как показалось Картрайту, он рассматривал фотографии грабителя, как обычно смотрят на фотографии знакомых лиц. Но это, конечно, можно отнести на счет фантазии Картрайта.

— Если помните, Холмс, вдова Уилкер рассказывала то же самое. Когда она показала скрипачу портрет ее мужа, то на лице смотревшего промелькнуло что-то, — во всяком случае, не удивление.

— Вот это и требуется прояснить, Ватсон, моя интуиция подсказывает, что такие совпадения отнюдь не случайны.

Я спросил Холмса, что он собирается предпринять в Риме.

— Ведь нас поедет четверо, и каждый должен остаться доволен поездкой. Надо познакомиться с достопримечательностями вечного города, побывать в музее «автоужасов» — музее автокатастроф, о котором нам столько рассказывала миссис Уилкер, взглянуть там на восковую фигуру Тома, и что самое главное — нанести визит профессору Марчетти — если, конечно, он согласится нас принять. Но если удастся с ним встретиться, можно надеяться на существенное прояснение в этом запутанном деле двойников.

Предотъездные хлопоты несколько потеснили мысли о загадочных близнецах, уступив место ожиданиям встреч со всемирно известными памятниками древнеримского зодчества и раннего христианства.

Но вот мы и в аэропорту. Взлет задерживается по метеоусловиям, создавшимся на Апеннинском полуострове. Ожидания всегда тягостны, время вынужденного безделья в аэропортах обычно заполняется просмотром газет и журналов, благо их всегда предостаточно в киосках. Но это времяпрепровождение свойственно одиночным пассажирам, семьи и группы знакомых обычно коротают свой вынужденный досуг в разговорах. Мы именно так и поступили. Холмс, несмотря на его внешнюю, свойственную всем британцам замкнутость, в кругу своих знакомых был разговорчив. Я думаю, не будь он интересным рассказчиком, я вряд ли смог бы написать что-то о его приключениях.

Я не помню, что именно побудило нас сделать темой нашей беседы человека и его предназначение во вселенной, его роль и конечную цель. По всей видимости, отправным моментом было высказывание вдовы Уилкер, что плохая погода в Италии — следствие экологической неосмотрительности человека.

По гипотезе Холмса, человек, в том виде, в каком он есть, отнюдь не совершенство и уж никак не может именоваться венцом природы. В каждом, рассуждал он, имеются два начала — темное, от звероподобных предков, и светлое, как зарница того, к чему должен в процессе эволюции прийти род Гомо Сапиенс. Наблюдения психиатров показывают, что буквально в каждом человеке происходит борьба доброго со злым, темным началом.

— В качестве всем нам известного примера, — продолжал Холмс, — могу напомнить случай с ограблением банка, когда не что иное, как совесть, взяло верх над звериной корыстью — и этот человек, рисковавший своей жизнью ради обладания деньгами, не воспользовавшись ни одним центом, положил награбленное к ногам старого священника.

Вдова по этому поводу высказала сходную точку зрения. Преступник вернул, по ее мнению, награбленное потому, что в нем были с детства заложены идеалы христианства, которые заставили его покаяться в содеянном.

Инспектор Картрайт предпочел отмолчаться. Наша беседа была прервана громогласным объявлением, что пассажиры нашего рейса могут пройти на посадку.

Удивительны капризы природы, их можно сравнить с мгновенно меняющимся лицом мима. Ясное, неповторимо голубое небо Италии было именно таким, каким оно запечатлено на полотнах великих художников эпохи Возрождения. Ничто не напоминало о только что бушевавшем ненастье. Это мне, как и спутникам, показалось добрым предзнаменованием.

Индустрия туризма, как мне представляется, родилась именно там, в Средиземноморье. Где, как не в Италии и Греции, туристу предоставляется возможность опорожнить свой кошелек в обмен на зрительное восприятие окружающего. В мои намерения не входит отчет о посещении достопримечательностей вечного города. О них можно с достаточной полнотой узнать из множества справочников. Но все же должен сказать, что моя жена и я были буквально поражены в самое сердце красотами, которые, впрочем, поражают всех туристов.

Что касается Холмса, вдовы Уилкер и Картрайта, то, надо полагать, что и им было интересно взглянуть на следы бывшего величия некогда могучего государства. Впрочем, это, вероятно, больше относится к Холмсу и Картрайту, — так как вдова не раз бывала в Риме, ведь в этом городе погиб ее муж.

Побывали мы и в музее автокатастроф. Прежде всего гид сообщает посетителям, кто явился инициатором создания этого воистину впечатляющего музея трагедий. Им оказался не кто иной, как граф Марчетти, ученый с мировым именем, кому впервые удалось произвести скрещивание генетически отдаленных друг от друга представителей животного мира.

Чем была вызвана столь необычная акция, как организация музея автокатастроф, гид не знал.

Несколько слов о том, как выглядят экспонаты музея, занимающие три длинные аллеи парка, соседствующего с поместьем графа.

Искореженные на дорогах Италии легковые автомашины едва ли не всех марок, грузовики. Фантазия устроителя выставки подсказала ему вписать в эти искалеченные останки машин отлично выполненные манекены с восковыми лицами — это напомнило нам всемирно известный лондонский музей восковых фигур — музей мадам Тюссо.

Художники, выполнившие этот необычный заказ, постарались на совесть, сумев запечатлеть на лицах агонию, муки, боли, смертельный страх и просто неописуемые раны, превращающие головы людей в подобие раздавленных яиц, окровавленное крошево.

Вдова Уилкер не пошла в ту аллею, где, как она знала, стоит остов смятой машины, в кабине которой помещен манекен, с портретной точностью изображавший ее мужа, Тома Уилкера.

— Да, муляж выполнен отлично, — сказал Холмс, рассматривая залитую «кровью» восковую копию лица своего университетского товарища.

— Придумано хорошо, — согласился я, — психологическое воздействие неотразимое, такие музеи следовало бы разместить на всех европейских дорогах, где гибнет больше людей, чем от самых неизлечимых недугов.

Холмс, любивший точность во всем, привел цифры погибших, сказав, что автомобилизацию нашего быта можно сравнить с массовыми жертвоприношениями, практиковавшимися в древнеисторические времена.

Образ человека будущего фантасты чаще всего преподносят нам как физически могучего супермена с моралью вседозволенности. Чаще всего такой субъект глядит на нас с экранов телевидения, как герой Джеймс Бонд, жестокость введена в обиход, а гибель «несуперменов» происходит запросто, как само собой разумеющаяся жизненная необходимость

Предопределились в искусстве минувших десятилетий и возможные пути вырождения, преобразования тел наших потомков. Хилость мышц, разучившихся работать вследствие всеобъемлющей автоматизации средств передвижения и сидячего образа жизни. Все это, по мнению предсказателей, должно преобразовать Гомо Сапиенса в головастого, лысого и беззубого уродца.

Что же касается меня, то будущий человек, по моему мнению, внешне вряд ли будет отличаться от современного типа цивилизованных людей, но коренным образом преобразится внутренне, духовно. Иными словами, станет умнее и человечнее, избавится от груза инстинктов зверя и охотника.

Читатель чуть позже поймет, почему я, престарелый доктор Ватсон, пустился в такие рассуждения.

— Мне кажется, — сказал вечером Холмс, когда все мы собрались в холле, — находясь на территории хотя и дружественного, но другого государства с его собственными законами, нам не остается ничего иного, как попытаться взять интервью у профессора Марчетти — попросить его дать ответ на интересующие нас всех вопросы. Я созвонился с профессором Марчетти, он примет нас не в римском доме, а на побережье Адриатики, где у него, по его словам, находится «производственная база» отдаленной селекции животных. Машина к нашему отелю будет подана завтра, продолжительность времени в пути что-то около двух часов.

Надо ли говорить, что поездка по превосходным дорогам Италии, где буквально на каждом шагу путешествующего ждут пейзажи, словно сошедшие с полотен художников, да еще в отличную погоду, доставляет истинную радость. Я это особенно почувствовал по настроению моей супруги, для которой даже кратковременные выезды из Лондона — приятные события.

Салон небольшого микроавтобуса был отделан по последнему слову техники автотуризма. Вдова Уилкер не расставалась с портативной кинокамерой, Холмс дремал. Картрайт просматривал утренние газеты, сосредоточив свое внимание на колонках «зарубежной хроники».

— Вот взгляните, доктор, на эту заметку, — сказал он, протягивая мне газету.

«Ожидавшееся банкротство частного исследовательского центра, больше известного как «Ферма чудес» профессора Марчетти, предотвращено сделкой с австралийской фирмой по производству мясопродуктов. Подписан контракт с профессором Марчетти о выведении экономически выгодной породы животных, обладающей большим полезным весом, неприхотливостью к различным кормам и повышенной иммунностью ко многим распространенным заболеваниям».

— И далее. Взгляните на эту заметку. Она о нашем музыканте: «Талантливый скрипач, приемный сын графа Марчетти, по непонятной причине расторг контракт и прервал концертные поездки по Латинской Америке. Предполагается, что это как-то связано с минувшими финансовыми трудностями фирмы его отца».

Холмс открыл глаза и попросил дать ему взглянуть на заметки.

— Взаимосвязь прослеживается даже невооруженным глазом, — сказал он, — и я полагаю, кое-что еще...

— Что именно, сэр?

— Не будем торопить события, Картрайт. Надеюсь, скоро мы все узнаем.

Наша машина, свернув с магистральной дороги, помчалась по ее ответвлению, идущему к побережью Адриатического моря, где среди скал раскинулось поместье ученого-аристократа.

Чугунная на гранитных столбах ограда с воротами, на которых красовался золоченый щит с гербом владельца поместья — как это напоминает нашу английскую аристократию, упорно цепляющуюся за свою фамильную бутафорию!

Привратник — чернокожий юноша, одетый в ливрею образца минувших веков, — открыл ворота, и наш микроавтобус въехал в родовое поместье графа.

У подъезда двухэтажного дома-виллы нас встретил опять-таки чернокожий слуга, очень похожий, как мне показалось, на привратника, распахнувшего нам ворота. Но, как известно, китайцы кажутся нам все на одно лицо, так же, как и европейцы для них одналики.

У дверей кабинета нас встретил третий «арапчонок», сказавший, что его сиятельство просит гостей пройти в кабинет.

«И этот негритенок, не иначе, как из того же гнезда», — подумал я, входя в кабинет вслед за миссис Уилкер.

Граф — пожилой, если не сказать старый, мужчина — с трудом поднялся со своего кресла.

— Рад вас видеть, господа, но проклятая подагра не позволила мне выйти вам навстречу. Кажется, у русских есть пословица «Сапожник всегда босой» — это я говорю о том, что вот со своей хворью справиться куда трудней, чем с болезнью ближнего.

Я имею честь видеть прославленного детектива мистера Холмса. Очевидно, у него и у вас, его сопровождающих, имеются веские причины побеседовать со старым склеротиком?

— Если вы разрешите, граф, первый вопрос вашей светлости хотела бы задать миссис Уилкер, у нее действительно для этого есть серьезные основания, — сказал Холмс.

— Я весь внимание, сеньора, — поклонился вдове граф.

— Мой муж, господин, граф, погиб в Риме, неподалеку от вашего дома. Недавно я и мои друзья были в Лондоне на концерте вашего приемного сына. Сходство его лица с лицом моего мужа так поразительно, что я невольно подумала...

— Я догадываюсь, мадам, — улыбнулся граф, — но это полностью лишено оснований.

— Мистер Холмс также убеждает меня,но поразительное сходство... оно, как чудо...

— Чудес не бывает, сеньора, а когда что-то подобное происходит, то, как говорил когда-то мистер Холмс, нужно искать руку человека.

— Вот для этого, граф, мы и решили вас побеспокоить.

— Постараюсь, господа, не оставить вас разочарованными.

Граф вызвал слугу.

— Пригласите детей. Скажите, что их хотят видеть приезжие гости.

Нашему удивлению не было границ — в кабинет вошли двое абсолютно похожих молодых людей. Их разнила только расцветка одежды. Один был в гладком сером костюме, костюм другого был в крупную клетку.

Они учтиво поздоровались и заняли кресла напротив нас.

Я, как и все, мучительно старался определить, кто из двоих знакомый нам скрипач. Из этого затруднения нас вывел сам граф.

— Слева от вас, господа, сидит Том-скрипач, на концерте которого, вы, возможно, побывали. А рядом Кинельм — зоолог. Мои приемные дети, наследники имени и дела моей жизни.

Картрайт переглянулся с Холмсом.

Граф предупредил его вопрос.

— Я догадываюсь, мистер Холмс, о чем хочет спросить ваш молодой коллега. — Один из братьев музыкант, а другой... — граф посмотрел на Холмса.

— Тот, кого ищет полиция, — закончил Холмс его мысль.

— Да, мистер Холмс. Но я полагаю, тот весьма досадный инцидент исчерпан. Кинельм не только вернул деньги, но и принес покаяние, как истинный христианин.

— Но ни то, ни другое, граф, не освобождает его от ответственности по британским и, полагаю, по итальянским законам, — сказал Картрайт.

Граф улыбнулся.

— В таком случае, господа, мне остается сказать, что у нас с вами не было разговора на эту тему. Дети могут идти. Том должен готовиться к концерту.

Разговор принял совершенно неожиданный оборот как для Холмса, так и для инспектора. Ведь ускользнувший от возмездия преступник в данное время находился в своей стране и формально не мог быть привлечен к ответственности не только частным детективом, но и инспектором Картрайтом — служащим другого государства. «Очевидно, — подумал я, — если они будут что-то предпринимать, то это возможно только по линии Интерпола».

— Итак, господа, — прервал тягостную паузу граф, — на чем мы останавливаемся?

Вероятно, впервые я увидел, как Холмс неопределенно пожал плечами. Картрайт вопросительно смотрел на моего друга. Инициативу взяла на себя вдова Уилкер.

— Я полагаю, — сказала она, — что этот вопрос не был главным ни для кого из нас. Лично меня интересует, каким образом ваш приемный сын, — сыновья оказались внешне точной копией моего погибшего в Риме мужа?

— Перед тем, как ответить на этот вопрос, миссис, я должен знать, что по

первому вопросу намерены предпринять ваши друзья. Если они решат возбуждать уголовное дело против Кинельма, то, я уверен, они попросту потеряют свое время и, естественно, мое. Вы поняли, о чем я говорю, господа?

— Я полагаю, — сказал Холмс, — что вы правы, граф. У правосудия предостаточно уголовных дел, вполне подкрепленных доказательствами, что же касается «инцидента» в банке, то он последующим действием грабителя искуплен. Вы согласны со мной, Картрайт?

— Да, сэр, хотя в моей практике этот случай не имеет аналогов.

— Как и в моей, Картрайт, — вздохнул Холмс.

— Итак, господа, — сказал граф, — постараюсь вкратце ответить на вопрос мадам Уилкер. Вас удивляет поразительное сходство покойного господина Уилкера с моими приемными детьми. В этом нет ничего сверхъестественного, потому что оба близнеца являются копиями покойника — не в отношении отца к сыну, а как идеальная копия с оригинала. Воссоздание оригинала по его небольшой частности — клетке.

Да, господа, Том и Кинельм произошли из клеток, еще живых, когда автоавария унесла жизнь вашего мужа, мадам. Трагедия произошла в ста метрах от моего римского дома: первая помощь была оказана потерпевшему в моем доме, но наши усилия оказались тщетными: травма была смертельной. Жизнь, как жизнь целого, ушла, но еще теплилась в частностях, в клетках.

Это был тот период моей жизни, когда я увлекался идеей клонирования и методикой моего соотечественника профессора Петруччио. Помните его опыты по выращиванию яйцеклеток в колбах и питательном растворе?

— Да, тогда его эксперименты не были одобрены церковью, и он был вынужден прекратить опыты.

— Совершенно верно, доктор Ватсон, но их воспроизвел и усложнил я. Так, при виде тела красивого безвременно погибшего молодого человека мне захотелось получить его генетически точную копию. Они, копии, были получены. Вы их видели.

— Простите, граф, но мне все же хотелось бы знать, что именно толкнуло Кинельма на грабеж банка?

— Дело в том, мистер Холмс, что моя фирма, ее лаборатория стояли на грани финансового краха. Произошел массовый падеж дорогостоящих экзотических животных, необходимых в качестве материала для отдаленной гибридизации. Плюс банкротство одного из частных римских банков, в который я имел неосторожность вложить много денег. Зная эти обстоятельства, мои дети отреагировали по-разному: Том поехал гастролировать, надеясь сборами от своих выступлений как-то поправить дела нашей фирмы. Кинельм же решился на отчаянный шаг. Но, поверьте, господа, когда христианская совесть толкнула его на покаяние, он еще ничего не знал о том, что подоспевший договор с австралийской животноводческой фирмой выправил финансовый крен нашего семейного корабля. Они — моя отрада и надежда. В них я нашел не только преданных детей, но и учеников.

— И еще, господин граф, — это уже спросил я. — Ваши темнокожие слуги такого же происхождения?

— Разумеется, доктор Ватсон, вам не откажешь в наблюдательности.

— Ну, теперь, господа, я готов показать вам методику клонирования — как она у нас выглядит на практике.

Граф с болезненной гримасой поднялся с кресла, взял трость и, пересиливая боль, повел нас по своему поместью чудес.

Мне трудно подобрать название помещениям, в которых находились животные, чье межвидовое скрещивание обещало поразить мир невиданными созданиями. Во всяком случае, не стойла для скота. Идеальная чистота на площадках выгула, за которыми помещались просторные кабины для отдыха содержащихся в вольерах животных. Предпочтение было отдано ланям, косулям, оленям и еще каким-то парнокопытным опрятным животным.

— Это — элитарное отделение моего питомника, — пояснил граф. — То,

что предназначено для выполнения договорных отношений с мясомолочными фирмами, интереса для вас, вероятно, не представляет. Там, — он махнул рукой вдаль, — в основном собраны домашние сельскохозяйственные животные, на базе которых предстоит создать высокопродуктивные породы скота.

Проходя вдоль «номеров» элиты питомника, мы не могли не обратить внимания на то, что над входом виднелась дощечка с указанием вида животного, а также имени — человеческого имени и фамилии. Например, грациозная самка косули почему-то была названа мужским именем «Джованни Стелли», самка канадского оленя получила немецкое имя «Вольф Шеллинг». Самку лани нарекли «Джоном Пристли» и так далее.

Мы, естественно, спросили графа, чем вызваны столь оригинальные клички животных.

— Дело в том, — загадочно улыбнулся профессор, — что все эти милые животные в определенное время произведут на свет потомство мужского пола, которое и получит те имена, которые значатся на дощечках.

В конце аллеи с кабинами самок животных, которым, по словам ученого, надлежит дать миру мужское потомство, находилась кабина самки мексиканской ламы. На табличке стояло уже женское имя «Мерилин Ройно», так, помнится, звали погибшую в автокатастрофе эстрадную звезду.

Вдова Уилкер шепнула Холмсу: «Это уже просто недостойно, назвать животное ее именем».

— Извините, мадам, — проговорил граф, — я не только говорю по-английски, но и пока обладаю вполне приличным слухом.

Вдова, покраснев, сказала, что она не понимает, как могли сотрудники фирмы дать животному имя недавно погибшей известной всем женщины.

— Имя присваивается мной будущему потомству, мадам. И это не надругательство над памятью погибших, а их живой памятник.

Сказанное было непонятно, но мы воздержались от вопросов.

Возвращаясь после осмотра удивительного парка, мы шли молча, обдумывая увиденное.

Граф сам проводил нас до калитки. Прощаясь, он спросил, остались ли у нас к нему вопросы.

— Я хотел бы, граф, переговорить с вами наедине, — сказал Холмс.

— Всегда к вашим услугам, господин Холмс, — учтиво поклонился граф.

— Если вы разрешите, я позвоню вам завтра.

— Буду ждать звонка, мистер Холмс.

Миссис Уилкер, Картрайт и моя жена решили, что им больше в Риме делать нечего. Мы с Холмсом хотели еще немного задержаться. Через несколько дней Холмс встретился с графом Марчетти.

— В моем представлении, — рассказывал мне Холмс об их конфиденциальной беседе, — этот ученый — селекционер человеческой расы. Только в отличие от Лютера Бербанка, бравшего для селекции растений исходный материал в виде готовых форм, которым предстояло скрещивание, граф работает над размножением людей путем их выращивания из частиц погибших — заслуживающих, по его мнению, оставить в жизни свои копии.

— Но и это еще не все, Ватсон. Оказывается, содержащиеся в вольерах животные призваны в определенное время произвести на свет копии тех, кто был означен на табличках. Собственно говоря, таким же образом появились на свет и близнецы — копии Тома Уилкера.

— Это невероятно, Холмс, ведь между человеком и животными, даже высшими, лежит пропасть генетического кода. Ведь никому до сих пор не удалось получить гибрид гориллы и человека, а, как помнится, такие изуверские попытки были!

— Все это так, милый доктор, но это не значит, что если кому-то не удалось, то не удастся другому. Марчетти разработал методику внедрения в лоно высокоорганизованных животных зародыша человека, выращенного почти по методу небезыз-

вестного профессора Петруччио.

— Того самого, кому церковь запретила подобные эксперименты?

— Совершенно верно, но времена меняются, и клирики уже, как правило, не атакуют науку, а ищут в ней союзника, добывающего новые доказательства бытия Всевышнего. Однако самое невероятное, Ватсон, заключается в идее Марчетти попытаться воссоздать по костным останкам давно вымерших животных. И гениальных людей!

— Чепуха, профессору это никогда не удастся. Ведь если частица, взятая от погибшего человека, все еще сохраняет в себе жизнь на клеточном уровне,то в костных останках ее нет.

— Граф утверждает, что жизнь — это не что иное, как информация, вложенная в материю — как живую, так и неживую. По его мнению, структура костной ткани так же строго индивидуальна, как рисунок на ладонях, дактилоскопический узор.

— И по структуре костного среза этот фантазер намерен воссоздать Бетховена?

— Не смейтесь, Ватсон, кое-какие продукты его «фантазии» мы с вами видели. Конечно, то, что делает, то, что сделал, и особенно — что предполагает сделать этот удивительный человек, вызывает изумление. Но...

— Кстати, — вспомнил Холмс, — после того, как граф объяснил мне, что его дети имели материнское ложе в утробе животных, я спросил его, кто был временной «матерью» генетических копий Тома Уилкера.

— И что он сказал?

— Скрипача носила лань, а грабителя...

— Хищница?

— Вы, как всегда, догадливы, Ватсон, его «матерью» была пума.

— И ее наклонности передались человеческому ребенку?

— Не уверен — хотя, может быть, имеется какой-то скрытый механизм наследственности, формируемый средой временного обитания.

— Вы считаете, Холмс, что все, что делает и предполагает сделать этот оригинал, может найти большое применение?

— Полагаю, что так. Разве не заманчиво извлечь из небытия давно почивших гениальных людей? И, если бы это удалось, прогресс человечества был бы намного ускорен. И, как результат, мог появиться идеально совершенный Гомо Сапиенс. Кто знает?

Эта загадочная история не имеет счастливого конца. Спустя несколько дней после нашего возвращения из Рима газеты сообщили, что знаменитый селекционер животных профессор Марчетти погиб на своей животноводческой ферме от удара копытом в область сердца. Чуть позже, в ответ на наши соболезнования, принесенные детям графа, они сообщили нам подробности этого печального случая.

Так что теперь можно лишь надеяться, что дети этого ученого сумеют претворить в жизнь идею своего создателя и приемного отца. Но, надо полагать, что увидеть результаты их работы смогут лишь те, кому посчастливится родиться в третьем тысячелетии.

Галина ФЕДОРОВА

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Проводив в армию Алешу, студента архитектурного, я осталась одна в своей чистенькой, ухоженной квартирке. Пусто! Тоска! Прежде хватало забот о сыне, уборке, стирке, да и работа в радость. А теперь руки не поднимаются ничего делать. Готовить для себя одной не хочется, мыть, наводить блеск — как будто и не нужно. Пойти бы куда — да с кем? Подруги все заняты, все при доме, семье, перезвонимся вечерком — и то ладно.

И начала я читать «Курьер», его последнюю страницу, где одинокие, вроде меня, женщины на весь свет выкрикивают свою мольбу: «Жду единственного, без вредных привычек, способного оценить женскую заботу и верность. Дети — не помеха. Образование и рост значения не имеют».

Что до меня, то рост как раз имеет значение — меня всегда, начиная с девятого класса, приглашали заниматься баскетболом. Но я предпочитала театральные студии. И когда все это было?!

Мужчины выступали со своими воплями на страницах газет значительно реже. И рост их, как правило, не превышал 165 сантиметров. Иногда, правда, и богатыри давали брачные объявления, но я сильно сомневаюсь в искренности их тоски по семейному очагу. О, конечно, им нужно, чтобы их кормили, обстирывали, покупали им обновки, выслушивали сочувственно... Но и только! Увы, для большинства мужчин мы — женщины — лишь работницы сферы обслуживания на дому, а также одна из радостей жизни, удовольствий плотских, предмет быта. Для них более важна борьба концепций славянофилов и неозападников, интриги на Гаити футбольные матчи и прочие вещи высшего порядка. Это мое убеждение — после того, как меня бросил очень любящий муж, мой Артем. Бросил, когда я ждала ребенка — оставил ради Москвы, карьеры в столичном театре. Женился на прописке и жилплощади. А был он высок, красив и талантлив. Кто бы мог сравниться с ним? Некоторые пытались ухаживать. Один инженер с нашего завода даже звал замуж, но мне сама мысль показалась дикой. И потому я изучала объявления в газете с грустным любопытством и сознанием никчемности этого занятия.

Но однажды... не в разделе «Службы знакомств», а рядом я прочитала:

«Кооператив «Люкс» приглашает одиноких мужчин и женщин, не удовлетворенных жизнью, приходить в Парк культуры и отдыха имени Владимира Маяковского к шахматному клубу по воскресеньям к 12 часам. Курс уроков по искусству общения — месяц. Плата — тридцать рублей».

Это как будто мне подойдет... Ждала воскресенья, начала новой жизни. Даже в парикмахерскую сбегала накануне, и очередь высидела — а меня всегда очереди пугают. Тут терпела... В двенадцать часов уже была в парке, и половина зарплаты — в сумочке.

Жаркий, солнечный июньский день. Птицы заливаются. Я даже стрекоз увидела — а сколько лет их не замечала! Блестящие удлиненные крылышки сверкали, точно махонькие серебристые зеркала, летящие из ниоткуда — в никуда...

У входа в шахматный павильон — обыкновенный конторский стол, давно уже списанный, наверное, из серьезного госучреждения. Табличка на столе: «Кооператив «Люкс» — гарантии счастья». Над листочками бумаги склонилась очаровательная головка — обесцвеченные перекисью волосы лежали ровными волнами. Девушка подняла на меня прозрачные глаза и улыбнулась — так, как будто немедленно хотела осчастливить и меня, и всех, проходящих по тропинке. Однако, кроме меня, никто не спешил за счастьем.

Девушка — наверное, от скуки — вся втянулась в свою магнетическую улыбку, как улитка заползает в раковину. И улитка, то есть голубая бабочка, запорхала непредсказуемыми, легкими, изменчивыми стежками вокруг стола. Я испугалась — а вдруг она улетит? И стол с объявлением тоже исчезнет. И поэтому спросила громко, обращаясь к бабочке:

— Вы даете гарантии?

— Какие гарантии? — удивилась девушка, крайне недовольная, что ее развлечение — или занятие? — прервали на самом интересном месте, и она вынуждена снова сидеть за столом.

— Гарантии счастья, — я показала на объявление.

— Да, пожалуй, это не совсем точно. Так лучше? — она задумалась только на мгновение.

Теперь на афишке красовалась другая надпись: «Всего тридцать рублей, и вы — счастливый человек. Жизнерадостный, окруженный друзьями».

— Вы полагаете, что не бывает жизнерадостных идиотов? — спросила я бабочку. Но она просто не поняла моего вопроса. Тогда я изменила тактику:

— А что, много ли клиентов у «Люкса»?

— Не очень. Видите же сами. Поинтересуются — и отходят.

— Боятся? Думают, что лучшее — враг хорошего?

— А вы-то сами не боитесь? Записывайтесь.

— Я еще не решила, — что-то меня останавливало. Может быть, история с превращением в бабочку. А девушка теперь стала похожа на рассерженную продавщицу в магазине:

— Ну и гуляйте по парку самостоятельно. А у меня домашние задания. Некогда мне с вами попусту болтать...

Она ведь опять улетит. Уже раскрывается улыбка...

— Но я бы хотела знать, чему тут учат. За что — тридцать рублей? Могу я поговорить с председателем «Люкса»?

— Главный Люксер в отпуске, — девушка вновь стала любезна. — Пройдите в клуб. Там по видику посмотрите наше занятие. А поговорить вы можете с Надиной Омаровной, руководителем этой группы.

Она ввела меня внутрь шахматного павильона — я почти не ощутила прикосновения, но меня именно ввели. Полутемное помещение со странными витражами на окнах. Разноцветные полосы расходятся от центра, расширяясь. И все это опоясано желтой лентой-змеей, утекающей куда-то в запредельность. Я зябко поежилась. Бабочка — да будет позволено мне так называть ее, хотя она была теперь просто милой девушкой, — нажала какую-то кнопку. Передо мной засветился экран. Самого аппарата я не видела, да и не было его в этой пустой комнате. Только столики с нарисованными на них шахматными досками.

— Смотрите. Захотите присоединиться к нам — платите деньги.

И упорхнула. Поплясала еще в солнечном луче и вылетела за дверь.

Передо мной на берегу — я узнала это место в парке, у трех лесных озер — играют в мяч немолодые люди. Тощий рыжий длинный джентльмен в синих плавках — именно так хочется сказать о нем, настолько лицо его грустно — замкнуто и обращено как бы вовнутрь — легко, по-юношески прыгает вверх, и отбив удар, падает на траву. Причем вытянутое лицо его не меняет своего невыражения, пустота ничем не заполняется — ни смущенной улыбкой от неуклюжести падения, ни удовольствием, что трудный мяч-таки взят, ни гримасой боли — ушибся ведь... А мяч принимает пожилая дама — ей бы внуков выгуливать в скверике у фонтана, но бабушка хочет жить. Наверное, это нормально и правильно, да только мы не привыкли к таким бабушкам. Мы запираем их в клетку кухонных и семейных забот и не замечаем собственного бездушия... Впрочем, есть в этой группе и люди помоложе. Все играют с таким упоением и страстью, как будто это самое главное дело на свете. Так что, кооператив «Люкс» — спортивная секция?

— Не совсем, — тут же объяснили мне мягким обволакивающим голосом. — Это разминка. Главные занятие начнутся позднее...

Теперь я увидела говорившую: изящная, маленькая, очень молодая женщина в красном с желтым ободком купальнике на шнурочках сидела на скамейке у озера и глядела прямо на меня. Губы ее улыбались, но глаза были серьезны. Карие глаза. Если, конечно, этот видик не искажает цвета. Не должен — совершенный аппарат. Женщина сидит и слышит меня — двухсторонняя связь?

— А что именно в вашей программе? — я хотела назвать руководительницу по имени-отчеству, но вспомнить странное имя не могла.

— Надина Омаровна, — подсказала она мне. — Наша задача — снятие стресса путем разрушения замкнутости круга. Мы как бы приоткрываем капсулу, в которую человек сам загнал себя — и отработанная энергия, яды, отходы — все это выходит за пределы круга. Мы даем не просто счастье, но и главное условие его — здоровье. Платите деньги!

Рука моя сама собой потянулась к сумочке, но силой воли — пот на лбу — я только вытерла этой же рукой взмокший лоб.

— Очень жарко, — объяснила я Надине Омаровне, не сводившей с меня внимательных глаз. В уголках ее влажных губ промелькнула насмешка.

— Посмотрите на этих людей. Они пришли к нам вялые, заторможенные, просто больные. Они разучились улыбаться. Мы учим их улыбаться заново.

— Да, я заметила. Особенно этот рыжий джентльмен чересчур улыбчив.

— Авенир Юрьевич в самом начале курса. Может быть, ему придется остаться с нами еще на месяц — случай довольно тяжелый. Он засудил по звонку сверху более десятка человек — и теперь хочет освободиться от греха, как раньше бы сказали...

— Осознал грех? Замаливает?

На экране видео крепкий старик отрешенно и самозабвенно скакал на одной ножке...

— А вы не язвите. Он заплатил деньги, надеется... Сам пришел! А мы — не прокуратура и не церковь. Но кое-что и мы можем. Так вот, у всех наших клиентов через месяц занятий заметны успехи на службе, улучшатся сон, самочувствие... Вы хотите быть здоровой? У вас побаливает правый бок, не так ли? А ночами иногда прихватывает сердце?

Эта Надина берет на себя слишком много. Но сумочка моя уже раскрыта, старая-престарая сумочка на ремне — ремень не раз менялся, а коричневая кожа сумки потемнела и покрылась блеском времени. Я покупала эту сумку в Прибалтике, куда мы с Артемом ездили отдыхать — в первый и последний наш совместный отпуск, медовый горький месяц. Надо выйти из полутемного помещения — туда, к секретарше у входа, к голубой бабочке, чтоб заплатить деньги...

— О нет, это лишнее. Давайте сюда. — Надина Омаровна уже сидела за моим столиком, оправляя пеструю юбку, устраиваясь поудобнее. Когда она успела одеться? Витая желто-красная тесемочка купальника врезалась в загорелую шею — загар оттенялся еще сильнее белой блузкой. А глаза Надины Омаровны при ближайшем рассмотрении показались мне темно-синими.

Три десятки сами выскользнули из моих пальцев, упали на черную клетку шахматной доски — и исчезли.

— Вы не удивляетесь? — спросила Надина Омаровна.

Но я уже успела адаптироваться к чудесам и ответила вполне беспечно:

— А вы хотите удивить меня?

— Мне хочется вас немного развлечь. Да и поговорить. Я всегда беседую с новенькими. Для каждого понятие счастья — свое. А наша инспектор — это ее работа — пока только осваивается...

— Да, учится превращаться в бабочку. Но сущность продавщицы из овощного ларька остается при ней.

Быстрый, цепкий взгляд Надины Омаровны.

— Будьте же снисходительны. Она попала в катастрофу. Стала хромать, на лице — шрамы. Мы вернули ей красоту. Грубая сущность уйдет — она очень старательно учится.

— Завидную судьбу вы ей готовите — порхать по жизни...

— Но не всем же ломать голову над философскими проблемами! Она будет бабочкой, только когда ей этого захочется. А философские проблемы пусть решает тот, кто ее полюбит. Вас ожесточила жизнь.

— Может быть! Но добренькой все равно быть не хочу!

— Я взяла ваше условие на заметку. Вам кофе или чай? Не откажетесь?

— Кофе.

Тотчас две почти прозрачные тончайшего фарфора чашечки (антиквариат?!) оказались перед нами на столе. Аромат настоящего кофе. Светло-коричневая пена. Вот это истинное волшебство — натуральный, а не какой-нибудь ячменный или юбилейный суррогатный напиток.

— Так чего вы хотите от жизни?

Трудный вопрос. Я отделываюсь шуткой:

— Такой кофе — верх всех желаний!

— Благодарю, — кивнула Надина Омаровна, — и все же... Мужчины к нам приходят с разными комплексами. Женщины — большей частью из-за неразделенной или обманутой любви. Поглядите, блондинка в черном купальнике. Полина. Ее бросил муж. Как и вас, кстати. Она надеется на новую любовь.

— А разве это возможно — какое-то другое чувство?

— Для вас — затруднительно. Для нее — возможно, — одними губами вновь улыбнулась Надина Омаровна. — Она теперь уже близка к освобождению от старых привязанностей, еще чуть-чуть — и в ней вспыхнет новая страсть. По секрету скажу, что ее избранник — вон тот белокурый человек в кепочке. Прежде женщина была для него либо товарищем по работе, либо... Конечно, к нам он пришел совсем не для того, чтобы научиться любить. Нет, он не видел в этом необходимости. Он партийный функционер, обратился к нам, чтобы избавиться от страха и инстинкта послушания. Перестройка требует. Как видите, мы идем в русле времени...

— Но от страха нужно лечить всех. Мы все это получили в наследство.

— Проводим профилактический общий курс. А Аркадия — его у нас зовут Аркадием — лечим и дополнительно. Пытаемся окрылить его душу. А что окрыляет человека больше любви?!

— Значит, Аркадий — не настоящее его имя?

— Вступая в кооператив, люди вольны сохранить тайну. А как бы хотели зваться вы, Светлана Иннокентьевна?

— Мне-то зачем скрываться? Я же не партийный работник.

Надина Омаровна скептически улыбнулась, не раздвигая тонких губ. Я до сих пор не видела ее зубов. Плохие зубы? Нет, наверное, тут другое.

— Да, другое. Вам пока это ни к чему...

А чужие секреты выдает спокойно.

— Это не секреты. Вы все равно узнаете всю подноготную — раз пришли к нам. Мы тут проигрываем собственные житейские ситуации. Вот та бабушка желает помириться с дочерью. А чего все-таки хотите вы, если серьезно? Друзей, здоровья, любви? Хотите иметь уверенность в себе? Хорошо, хорошо, я не буду мучить вас. Разберемся постепенно.

— Можно еще вопрос?

— Хоть сотню! Для этого я здесь.

— Сколько ваш заработок в кооперативе?

Наверное, вопрос мой неуместен, может быть, даже оскорбителен. Лицо Надины Омаровны, и без того как будто задернутое темной вуалькой, на мгновение пропало вовсе. Я уже подумала, что она исчезла, но нет! Появилась вновь с извиняющейся улыбкой:

— Я не знала, можно ли вам говорить все. Пришлось проконсультироваться.

Оказывается, можно... У нас не обычный кооператив. То есть налоги государству мы, конечно, платим. А вот сами зарплату не получаем. Деньги тратятся на приобретение аппаратуры (легкое движение в сторону экрана) и на выполнение желаний клиентов. А желания бывают весьма дорогостоящие. Вот, скажем, ваше сокровенное — поправьте меня, если я ошибусь, — вернуть мужа. Думаете, работа обойдется в тридцать рублей? О, значительно дороже.

Она поглядела на меня со значением — понимала, что теперь, после ее обещания вернуть мне Артема, я уже точно никуда не денусь. А ведь она угадала! И сына я мечтала вырастить достойным человеком, чтобы отец, когда узнает — ну должен же он когда-нибудь узнать! — порадовался...

— Как же вы живете, если ничего не получаете в кооперативе? И зачем вам этот «Люкс», не понимаю?

— Объясню, терпение. Я математик по образованию, а сейчас еще учусь в физкультурном институте. А тут вроде как практика — для себя. А ради денег подрабатываю ночным сторожем в детском саду. После лекций. И все так. На общественных началах. Сами ищем счастья — или хотим помочь другим. У нас только председатель освобожденный.

Миссионеры какие-то... Но меня тревожил еще один вопрос — чтобы окончательно для себя разобраться с этим миссионерством. Может быть, этот вопрос тоже неуместен?

— Рискните, спросите. А вдруг?

— Для вас существуют понятия добра и зла?

Она вскинула голову и быстро посмотрела на меня — так что я почувствовала, как между нами зажглась светящаяся, бегущая ниточка — из глаз в глаза. Я опустила ресницы первой, с усилием.

— Могу ответить только фразой поэта: «Добро и зло приемли равнодушно и не оспаривай глупца...» Вы удовлетворены? Учтите, вы можете всегда отказаться от наших услуг...

А глаза у Надины, оказывается, все-таки зеленоватые. Интересно, они светятся в темноте?

Ход моих мыслей, кажется, не понравился Надине Омаровне, она порывисто поднялась:

— Мы заболтались, а нас ждут...

Надина Омаровна одним плечом втиснулась в экран, а меня просто поволокло следом. Как мы совершали перемещение в пространстве, я бы объяснить не сумела, но факт, что через секунду мы стояли — причем в одних купальниках — платья в руках — на цветущей поляне у трех озер. Пьянящий горячий сосновый воздух струился вокруг моего тела, неприлично белого среди загорелых новых товарищей по «Люксу». Но ничего, я тоже стану, как они... Солнце ложится мне на голую спину. И пусть! А вот черные мои волосы лучше прикрыть панамкой, что я немедленно и сделала, усевшись на скамейку... Сначала поглядим, не стоит торопиться вставать в общий строй...

Надина Омаровна уже командовала:

— Грудная клетка вздымается. Верхнее радостное дыхание. Руки вытянули к солнцу, набираем энергию. Задержали дыхание, держим, держим — сбросили! Резче! Вы освобождаетесь от усталости, от дурных эмоций, вы становитесь легкими, все легче, легче... Руки — крылышки. Включили солнечные батареи...

О нет, это не для меня! Я не освобождалась, не включала ничего, хотя мне и хотелось, может быть, — а почему бы и нет? — снова стать одной из... Как в тот момент, когда я решила загореть, как все — но нет, я снова сама по себе, я сижу, не шевелясь, скептически созерцая это сумасшествие... Дружный коллектив тем временем взвился хороводом в небо. Вслед за Надиной Омаровной, превратившейся вдруг в бабочку-траурницу — красные крылья, желтая кайма, капельки желтизны вдоль каймы. Рядом с ней обыкновенная крапивница — не Полина ли, ожидающая новой любви? Пестрая репейница — бабушка, поссорив-

шаяся с дочерью? А дневной павлиний глаз — это нарядный Аркадий? Вынести превращения секретарши у шахматного клуба еще можно было — но увидеть такое?!

Я быстро натянула на себя платье и ринулась к лесу. Траурница закружилась вокруг меня, порхала тревожно — так что я просто принуждена была остановиться. Надина Омаровна возникла на моей дорожке. Она кусала губы, плакала. Это было неожиданно, но она в самом деле плакала:

— Светлана Иннокентьевна, прошу, не убегайте...

— Вы же деньги-то получили. Теперь вам что! Баба с возу — кобыле легче...

— Не совсем так. Вы уже вошли в систему. С вашим уходом что-то может разладиться. Хотите, я с вами поделюсь своими знаниями?

— Э, нет, не надо! Порхающие бабочки, экстрасенсы — это не для меня.

— Но вы и не полетели. И не полетите, если не пожелаете. Но ваше трезвое мышление служит отличной стартовой площадкой для всей группы на взлете. Вы нам нужны, мы — вам. Это аксиома. А мужа мы вам вернем. Пожалуйста...

Мне стало ее жаль. Нагорит ей, наверное, от главного Люксера, что не удержала клиентку. Ладно... Она славная, эта Омаровна. Успею еще удрать отсюда.

— Конечно, конечно, мы силой не держим.

И бабочка вспорхнула и потерялась в синем небе.

А потом, когда весь хоровод вернулся, начались исповеди. Сегодня был день бабушки.

— Все дочери неладно. Больше из-за внука ссоримся. Я на него поругаюсь, она его защищает. Она рассердится на Олежку — я его защищаю. А после молчим неделями...

— Типичная ситуация — жертва, преследователь, спаситель... И смена ролей, — это Аркадий комментирует. Я пока в ролях совершенно не разбираюсь. Но мне кажется, что и Варвара Петровна тоже... Зато вся группа бурно обсуждает.

— А если попробовать нарушить молчание?

— А если не кричать на Олега?

— А если не вмешиваться в отношения мать—сын?

— А когда она была маленькой, вы ее били?

Последний вопрос заставляет Варвару Петровну вскочить:

— Да я ее и пальцем никогда...

— Нельзя здесь врать!

Надина Омаровна вмешивается:

— Варвара Петровна, если мы не услышим правду, мы не сможем вам помочь. Тогда занятия теряют смысл.

— Разве шлепнуть ребенка — это так уж плохо? Ну, конечно, шлепала. Но не била...

— Мы вам верим, Варвара Петровна. И все же, как помочь? Хотя, конечно, мать и дочь — это всегда система отталкивания, но можно стараться не раздражать друг друга... Уважать... Какие пути примирения поискать, кто предложит?

— Вспомнить теорию ритмов, — высказался неулыбчивый Авенир Юрьевич.

— Какая теория, я не знаю никаких теорий, — чуть не плакала Варвара Петровна.

— Я объясню, — спокойно, мягко продолжала занятия Надина Омаровна. — Время ускорилось. И вам, чтобы не чувствовать себя обиженной, нужно постараться войти в новые ритмы, в которых живет ваша дочь. Тогда вам легче будет понять друг друга.

— А как в них войти-то, попроще бы как-нибудь... Стара уж я для ваших теорий...

— Ничего, Варвара Петровна, вы моложе многих из нас. Пришли в «Люкс», углубляете контакты, знакомитесь с новыми людьми — вот ваши ритмы и ускоряются. Дочка поймет, увидит вас иначе...

— Да что она поймет! Вы бы не мне, ей бы объяснили...

— Пока мы объясним вам. Но и с дочкой проведем работу. Как коллектив считает — пора уже?

Все согласно закивали головами. Надина Омаровна уселась на скамейку, достала из сумки какую-то блестящую штуковину, покрутила ручку настройки, поговорила — вроде как по рации. И уже через несколько минут к нам по дорожке с большой лохматой колли и мальчуганом в матроске подходила молодая женщина.

— Мама, да это же бабушка! Бабушка!

И очень скоро дочка, недоумевая, с растерянной улыбкой смотрела, как бабушка в веселой компании бегает трусцой. Потом Аркадий притащил и подарил Варваре Петровне необыкновенную корягу — почти готовую статуэтку летящей девушки.

— Мы ее приспособим к книжной полке, не так ли, Маша?

Маша удивленно покачала головой — и согласилась.

Авенир Юрьевич начал обучать Олежку рыбачить и поминутно звал:

— Варвара Петровна, посмотрите, как ваш внук забрасывает удочку! А как он ловко надевает червяка...

Женщины в стороне бросали палку в озеро — колли купалась, выполняя приказы матери и дочери.

— Варвара Петровна, какая у вас умная собака... Фред!

Колли бегал среди клиентов «Люкса», отряхивась и радуясь чрезвычайно, хотел каждому положить лапы на плечи и лизнуть лицо.

— Пойдем домой, мама, — наконец, дочке захотелось увести мать отсюда. Но Варвара Петровна молодо засмеялась:

— Да нет, я, пожалуй, еще поиграю в мяч. А ты не хочешь? Ну, конечно, тебе же еще готовить обед...

Дочка ушла — с колли Фредом и сыном Олежкой. И бабушка сразу сникла и потеряла задорную свою улыбку.

— Все нормально, — успокоила ее Надина Омаровна, — посмотрим, каков будет результат сегодняшнего эксперимента. Если понадобится — повторим. Но, мне кажется, и этого достаточно. Только сами следите, чтобы снова не отстать от потока времени...

Варвара Петровна остановившимися глазами глядела на середину озера, потом неожиданно, с посветлевшим лицом спросила:

— А как насчет искупаться?

Впрочем, в воду полезли не все клиенты «Люкса». Авенир Юрьевич дотошно выспрашивал у руководительницы, какие есть еще возможности войти в поток времени. Я подумала, что все мы, собравшиеся тут, отстали от этого потока — вот и ищем способы войти в реку времени. Мы не на берегу, нет. В каком-то затянутом тиной рукаве, потерявшие связи с текучей водой...

— Только контакты. Общение с людьми, с природой, с современным искусством. Однако продолжим занятие. Все уже познакомились со Светланой Иннокентьевной, нашей новой подругой. Предположим, у нее сегодня день рождения. Итак, что вы ей подарите?

— Ткань на костюмчик... Духи... Цветы... Стихи...

Я принимала гостей на кухне.

— Нет, — поправила меня Надина Омаровна, — в комнате, только в комнате. У вас уже все приготовлено. Зажарен цыпленок табака. Первый гость вы, Аркадий. Ситуация. Прошу внимания. Светлана Иннокентьевна, вы были когда-то комсомольским секретарем, а Аркадий — инструктором райкома. Были даже слегка влюблены друг в друга. Забудьте о разнице возраста, идет игра. С тех пор ваши дороги разошлись. Светлана Иннокентьевна — кто вы? — ага, работаете лаборанткой на том же заводе. Оставила общественные дела. А Аркадий — уже значительный партийный работник. И вдруг вы, Аркадий, вспомнили об этом дне рождения. Решили зайти. Есть дополнения, поправки к ситуации?

— Можно? — Авенир Юрьевич проявляет активность. — Год назад у нашей именинницы мужа уволили по сокращению штатов, она обращалась к Аркадию за помощью, но тому было некогда. Годится дополнение?

— Годится. Итак, Аркадий, вам совестно стало? Вы пришли с букетом, звоните...

Я открываю. Изображаю удивление. Вот когда, оказывается, пригодились занятия в театральной студии. Когда-то мы играли вместе с Артемом. Сто лет назад...

— Аркадий, вот уж я не думала, вот уж не ждала. Ты помнишь мой день рождения...

— Всегда помню. Поставь цветы в воду...

— Какие красивые, спасибо.

— А где твой муж?

— Артем? Сейчас подойдет. Пошел купить кое-что к столу...

— Извини, ты тогда позвонила как-то неудачно, у нас запарка была. Но я узнавал, у Артема твоего все в порядке.

— Да. Он перешел в другой театр, все хорошо. Я знаю, ты бы обязательно помог, если бы не был так занят. Я уверена... Не стоит извиняться, забудем...

В какой-то миг мне стало грустно. На самом-то деле в день рождения я, как обычно, буду сидеть одна-одинешенька... Надина создает тут какой-то иллюзорный мир.

Однако в следующее воскресенье я без пятнадцати двенадцать в лучшем своем платье, зеленом с пояском по бедрам,, уже сидела на заветной скамеечке у трех озер. Однако, никого из клиентов «Люкса» не было. Я честно и спокойно ждала пятнадцать минут, еще столько же. Потом начала беспокоиться... Может быть, у них опять сегодня полеты? Может быть, мне следовало идти к шахматному клубу, а не сюда вовсе?

Бабочка-капустница порхала возле меня. Я приподнялась даже, следила за ней, но она явно не обращала на меня внимания. Скользила по своим невидимым чудовищно ломаным линиям. Умчалась. Видно, обыкновенная бабочка...

Какая-то женщина присела на скамейку рядом.

Они у реки. Скорее!

Я обрадовалась ей, как сестре. Полина! В новом, без бретелек, по моде, сарафанчике, улыбающаяся — видно, все же их учат улыбкам. Мы взялись за руки и побежали по тропинке. Я быстро запыхалась, схватилась за сердце.

— Поля, пойдем потише. Я не могу...

Только и Полина, видно, не могла идти тише — ее несло вперед. Наверняка, уже разворачивается ее роман с Аркадием, она прямо летит...

— Надо спешить! Мы можем опоздать к обеду... Выпей витаминчик! — Полина протянула мне желтоватую пилюлю. Я проглотила ее, не рассуждая, не раздувая — какой витаминчик, какой обед, куда мы мчимся?! Еще неделю назад я бы поостереглась принимать неизвестно какие лекарства. Пилюля подействовала почти мгновенно — мои одышка, колотье прошли, и мы понеслись через лес напрямую, без тропок, как две косули.

Я прекрасно знала эти места, гуляла не раз с сыном. Но то, что я увидела, когда мы выскочили к реке, заставило меня замереть. Откуда тут, на диком высоком берегу — белые колоннады дворца, аллеи со скульптурами, фонтаны, мраморные лестницы?.. Из каких снов или сказок?

— Где мы, Поля? — обернулась я к подруге, но никого уже не было рядом со мной.

И я шагнула вперед, на аллею, в праздничную круговерть. Шум, музыка, смех водопадом обрушились на меня после тишины леса. Играли на эстрадах — открытых со всех сторон квадратных помостках — оркестры. Танцевали смуглые индусы в белых национальных одеждах. Поэты, сменяя друг друга, читали стихи — их не слушали. Кажется, тут никто никого не слушал... Я быстро поняла, что найти товарищей по кооперативу мне будет трудно. А может быть, и невозможно. Полину я-таки увидела. Она шла, положив голову на плечо Аркадия, в тихой задумчивости. Улыбка, робкая, нежная, немного удивленная, плавала над ними — одна на двоих. Стоило ли им сейчас мешать?

Людской поток вынес меня на главную площадь — перед Дворцом. И тут я

увидела тот же столик, что и в парке, и ту же голубую девушку-бабочку за столиком. Табличка на столе: «День самых главных встреч». И пониже помельче: «Просьба ко всем участникам зарегистрироваться и получить личный план дня». Расталкивая людей — они как-то легко расталкивались, точно я проходила сквозь них — вышла к столу.

Голубая бабочка тут же, немыслимо обаятельно улыбнувшись, отметила мое имя в списках и все с той же улыбкой — пролетев круг над столом и снова опустившись на свое место, добавила:

— Ваши гости — Артем Боков и его супруга. Встреча назначена...

Она пыталась еще что-то мне объяснить, махала какой-то бумажкой, но я уже бежала — сквозь тени гостей — к зеленой стене леса. Его жена, его жена, та, со столичной пропиской... Прочь отсюда! Но выйти к лесу я не могла — куда бы ни шла, возвращалась к площади Дворца. Наконец, измученная, легла на травку у фонтана. Лежала и перебирала руками длинные ползучие стебельки спорыша, горца птичьего, как его еще называют, поглаживая пальцами мелкие блестящие листочки. Сорвала травинку, надкусила... На меня никто не обращал внимания. Привычка делать то, что хочется — если, конечно, не мешать другим — вообще-то мне, как и большинству наших людей, не свойственна. Разве что в аэропортах, натолкавшись в переполненных залах, пассажиры позволяют себе уснуть на зеленых газонах. Как вот я позволила себе сейчас лечь на лужайку... От усталости и отчаяния.

Правда, иногда спят на газонах и пьяницы, но в трезвом состоянии они делать этого бы не стали. Здесь не Америка — ходить, в чем заблагорассудится, садиться, где удобно — хоть на пол. Мы — в комплексах, как в униформах. Шагаем в ногу — сколько надо времени, чтобы приучить нас жить и дышать свободно, не оглядываясь по сторонам, не ожидая приказа? Вот тут, в парке, из которого нет выхода, мне одиноко и свободно. Хотя какая свобода, если не можешь уйти? Да и как уйти, если этих аллей, фонтанов, этого Дворца просто не существует... Ладно, можно наплакаться вволю...

— Светлана Иннокентьевна! Зачем же так категорично? Вы же видите, слышите. А если вы попробуете наш обед... Мы существуем, правда, в ином измерении, вы к нему не привыкли... Вас можно отправить домой, но зачем торопиться? Что же вам у нас так не понравилось?

Голос медленный, тягучий, почти без интонаций. Я приподняла голову, вытерла слезы. На тропинке рядом со мной — шкафчик на колесиках, сверкающий никелем, мигающий разноцветными фонариками на панелях. А в середине — мерцающий зеленый экран. Видик в шахматном клубе — а что, очень похоже... Но Надина Омаровна тогда разговаривала со мной — и я ее видела, а тут — чистый экран. Наверное, это говорит сам робот!

— А если я не буду вам отвечать?! Или вашему компьютерному мозгу не дали такой необходимой программы — о человеке, которому надо побыть иногда одному, поплакать, а? Вы, наверное, робот с кухни?

Я хотела оскорбить его — уж так было горько!

— Не совсем. Хотя мороженым я могу вас угостить. Или вы желали бы свежее яблоко? Или кофе гляссе?

Нет, эта машина вполне годится, чтобы служить человеку.

— Мороженого, — верно, пусть-ка даст мне порцию и катится на своих колесиках дальше. Из брюха робота выдвинулся столик, а на нем в хрустальной вазочке мое любимое мороженое, с орехами и шоколадом. И золотая ложечка рядом.

— Спасибо. Можете обслуживать других гостей. Наверное, никто не откажется от такого лакомства...

Робот укоризненно покачал своей квадратной головой.

— Вы сильно ошибаетесь, Светлана Иннокентьевна. Я не кухонный робот. Вы меня не видите, а эта электронная кукла — мои глаза и руки. Я — главный

2705 — 8

Люксер и устраиваю этот праздник для клиентуры нашего — ну, и не только нашего — кооператива. Как хозяин, я должен заботиться, чтобы гостям было хорошо во Дворце. И вдруг мне докладывают, что вы даже не захотели взять свой личный план Дня главных встреч. Ну что такое, Светлана Иннокентьевна... Простите, я не представился. Называйте меня просто Вольдемаром. Конечно, если вам неприятно видеть перед собой заурядного робота, я бы мог явиться перед вами в каком-нибудь земном виде — этаким хлыщем с цилиндром и тростью...

Вольдемар — владеющий миром — да, от скромности не умрем. Однако...

— Трости теперь не носят. Да и цилиндр — это же девятнадцатый век. А сейчас у нас...

— Ну, такие мелочи, простите... Хорошо, с японским складным мужским зонтом.

Я расхохоталась. Мне легко было говорить с этим человеком, не желавшим показаться мне. Прямо как в «Аленьком цветочке» — очень в детстве я любила эту сказку. Может быть, за ее счастливый конец?

— Спасибо вам, Светлана Иннокентьевна. Иногда очень трудно общаться с клиентурой — не понимают. Я уже редко выхожу на контакт, все Надину отправляю. Приятно, когда человек не заставляет меня надевать какие-то ненужные маски. Всю жизнь в масках — ужас! Так отчего вы плакали, дорогая Светлана Иннокентьевна?

— Но если вы — Вольдемар, то я — Светлана...

— Божественное имя. С таким именем — и плакать...

— А зачем тут его жена? — резко, капризно спросила я. Ком встал в горле. Вольдемар мог бы и не понять, о чем я, но он понял.

— Ну раз она есть, куда ж я ее дену? Вы же не хотите крови, насильственной смерти, а?

Я поежилась — и забыла есть мороженое.

— Конечно, не хочу.

— Я так и предполагал. Надеюсь, развод устроит вас больше. Но на развод нужно время — и деньги. Хотите, я сейчас покажу вам вашего Артема? — тут на экранчике запрыгали звездочки, антенны закружились — быстрее, быстрее — и замерли. Общий план — парк, скамейка в глубине, парочка на скамейке. Стремительный наезд. Камера деликатно оставила за кадром лицо женщины, и на меня глянул...

Да ведь я уже видела его — едва вместе с Полиной ступила в эти аллеи. Мне его показали сразу — а я... не узнала... Располнел, постарел. Но все так же элегантен, горд. Мне надо время, чтобы привыкнуть к нему, к новому, чтоб нынешний образ совместился с тем, который хранился в памяти, чтоб в полминуты пробежало двадцать лет — и Артем снова стал для меня тем Артемом.

Я всхлипнула. Гонг-экранчик погас.

— Признали, Светлана Иннокентьевна?

— Он, верно. Но мы же договорились, Вольдемар. Я — Светлана.

— Виноват, Светлана. Божественное имя.

Мороженое капнуло мне на платье. Я вытирала пятно — и не успевала вытирать слезы.

— Ну, не надо разводить мокроту. Послушайте моего совета. Вернее, я сообщу вам тот план, который вы не захотели выслушать от нашей сотрудницы... Идите к пристани, садитесь на паром и дуйте на тот берег...

— И тогда я попаду домой?

— Ну, не сразу, но сегодня попадете, обещаю вам, — он засмеялся заразительно, громко, весело, потом как-то враз смех стих, съежился, обратился в сострадательную улыбку, не высокомерную, но дружескую — так я чувствовала ее, хотя робот, конечно, не мог улыбаться. Поставила вазочку на подносик — и он с шумом въехал внутрь, исчез за упавшей металлической завесой. Я поднялась, помахала рукой — не роботу, но экрану — Вольдемару.

— Я пошла.

— Вот и умница.

Робот покатился на своих колесиках дальше по тополиной аллее охранять радость и веселье в толпе у фонтанов. А я брела к реке, ничего не видя, не слыша, думая только — зачем меня — на тот берег? Тополиные пушинки ложились мне на плечи и забирались в волосы — я не замечала, не отряхивала их...

— Светлана Иннокентьевна! — окликнули меня. Я обернулась. Та девушка, что только что со своим парнем прошла мне навстречу — я и не взглянула на них — была Надина Омаровна. Теперь она торопилась назад, ко мне, тянула за рукав своего спутника, мрачноватого высокого молодого человека, на котором странно болтался новый черный костюм, пиджак, надетый почему-то прямо на майку...

— Света, едва не разминулись. Познакомься, это Стасик — мой муж.

По счастью, я не подала руки, я помнила тени на аллее — вдруг это тоже тень на аллее? Секунду назад я видела живое, умное, печальное лицо, а тут безносый череп зыркнул глазницами в мою сторону и осклабился с пониманием. И снова отрешенное, но человеческое лицо. Надина, кажется, не заметила этого превращения — она буквально висела на своем Стасике, поглаживая его рукав, донельзя счастливая. Такой счастливой я никогда не видела ее прежде — и не увижу никогда больше.

Я ужаснулась, оцепенела — Надина, видимо, поняла мое состояние, смущенно пробормотала:

— Да, ты не ошиблась. Он покончил собой. Но он все равно с нами — со мной и Мишенькой... Он любит нас.

И она играла, как галстуком, обрывком веревки, болтавшейся на его голой шее. Потом в ее горящих восторгом глазах проснулась озабоченность:

— Вольдемар тебе велел идти на паром, ты торопись. Жаль, что ты не будешь на обеде... Ну, беги, беги...

Я ринулась вперед, вниз, к реке. Вот она, тайна Надины... Вот ее Встреча. Что же меня-то ждет на том берегу? Милая беседа с Артемом и его супругой?

А вот и пристань. Как ни странно, но на нашей давно обмелевшей грязной речушке, где и мальчишки-то не купаются, где рыба ловится с таким запахом бензина, что и кошки от нее отворачиваются, — на нашей речке обнаружилась пристань! Во всяком случае мостки, у которых стоял паром. Паромщик, бородатый старик, приободрил меня:

— Заходи, дочка, тебя ждем.

Когда я плавала на таком пароме? Наверное, в детстве, когда гостила у теток в далеком сибирском городке. Не оттуда ли, из пятидесятых годов — и этот паромщик?

Противоположный берег — низменный, пустой, унылый. Ни строений, ни лесов. И праздник, и обед остались на той стороне, во Дворце.

— Прибыли. Дочка, вылезай, а мне пора назад.

Я осталась одна на болотистом берегу. Зачем Вольдемар прислал меня сюда?

Однако вскоре подъехала оленья упряжка. От животных пахло потом — настоящие, не нарисованные олени. И без каюра. Остановились около меня — умные какие... Я было подумала — сесть в нарты, что ли... Но тут из-за моей спины — то есть от реки — появились два человека — очень хорошо мне знакомых человека. Я, расположившись на стволе сухого дерева, смотрела этот спектакль. Один из них — инженер с нашего завода — как-то он осмелился позвать меня в кино. И потом предложил вариант совместной жизни. В кино я пошла. Замуж — нет.

А другой... О, это история, которой я стараюсь не вспоминать! Лет десять назад, когда сын был в пионерском лагере, я позволила себе дом отдыха. Там мы и встретились. Он был похож на Артема — и я влюбилась — без памяти — на три дня. Потом он писал, но я решила, что не надо отвечать. Он приезжал даже. Что теперь...

И вот именно эти двое и садились на нарты. И я, оказывается, переправля-

лась на этот берег для того,чобы проводить их. Проститься?

Я встала со своего кресла — то есть с сухого дерева — и подошла к нартам. Склонившись, поцеловала инженера в лоб. А того, который походил на Артема, я отчего-то поцеловала прямо в губы. Нарты уже тронулись, а он смотрел, обернувшись, на меня — как будто хотел отчаянным своим взглядом забрать, увезти меня с собой. Олени рванулись вдруг — ветром ушли, как говорят ненцы.

Уже точкой казались нарты — черной точкой на холмистой зеленой равнине.

Кто-то уверенно положил руку мне на плечо. Властная мужская рука.

— Пора, Света. Они уехали, а мы с тобой только начинаем жить...

Артем! Вот так просто — пора! После почти двух десятилетий разлуки. Или все что сейчас происходит — не реальность, но лишь ее перспективный план? Может ведь и не случиться всего этого во взаправдашней жизни?

И все же... Мне казалось, что я теряю сознание от счастья, заполнившего вдруг, сразу каждую мою клеточку. Говорить не могла — перехватило горло. Сушь, трудно было сглотнуть слюну. А Артем под руку вел меня к берегу. У пристани — игрушечный кораблик. Под бумажными парусами.

— Ты предлагаешь садиться сюда? Это же невозможно, — я еще пытаюсь цепляться за привычное.

— Взойди на борт, Света...

Поверить, решиться! Я уже занесла ногу, но в этот момент потемнело в глазах, и я стала медленно оседать на руки Артема. Еще успела увидеть сверкающие бусинки солнечных пятен волны большой и чистой реки, качающийся игрушечный кораблик — да нет, не игрушечный — настоящий, большой парусник, — и чернота, мрак, ничего.

Приходить в себя трудно. Меня тошнило.

— Сейчас, сейчас, я помогу вам...

Надо мной — озабоченная Надина. В стороне — расширенные глаза Полины. Надина проводит руками вдоль моего тела, сосредоточенно что-то шепчет. Мне это шаманство смешно, хотя я едва могу улыбаться. Но боль в сердце отпускает, возвращаются силы.

— Ну вот и хорошо, вот и полегчало, — Надина вытирает мне лицо мокрым платком. Помнит ли она нашу встречу на аллеях садов Вольдемара? Надина, которая учит нас быть счастливыми, бедная, несчастная Надина...

— Надина, спасибо, мне уже хорошо. Наверное, я перегрелась.

Я поднимаюсь с травы, ноги чуть-чуть дрожат. Сажусь на скамейку.

— Мы проводим тебя, Света.

— Зачем, я сама...

Потихоньку идем по дорожке в сторону шахматного клуба. Но мне-то, чтобы попасть домой, лучше свернуть налево. Останавливаемся у развилки.

— Светлана, в следующее воскресенье вместо занятий в парке — вечернее выездное заседание. Культпоход в театр.

Мне снова стало нехорошо... Я прислонилась к сосне.

— А если я не пойду? — мне захотелось спрятаться от судьбы, которую я вместе с Надиной и Вольдемаром строила сама для себя.

Надина вытянула перед собой руки — пальцы ее дрожали.

— Ты-то придешь обязательно. А другие — кому как хочется.

Я не на побледневшее лицо Надины смотрела — на ее пальцы. Ей плохо, нашей командирше, наставнице. Нет, не зря она остановила меня в аллее — ей отчего-то было нужно, чтобы я з н а л а.

— Ты угадала, Светлана. Это нужно. Только никому, никогда!

Я почувствовала себя старшей сестрой Надины, погладила ее по упругим, жестким волосам:

— Конечно, никому, никогда! Я приду в театр, ты не расстраивайся...

Она молчала, глядела своими большими глазищами, тихонько сдувала с моих волос тополиные пушинки. И я, и она, и Полина прекрасно знали, помнили

те высокие серебристые аллеи садов Вольдемара — и нам не казались странными эти легкие тополиные пушинки — в сосновом лесу...

В следующее воскресенье у подъезда театра я подошла к афише. Пока наших не было. И увидела родную фамилию — роль городничего в сегодняшнем спектакле исполняет актер из Москвы Артем Боков. Мне показалось: люди вокруг услышали, как громко, на всю театральную площадь застучало мое сердце. Надо зайти в театр. Но я не могла сделать ни шагу. Внезапно сердце перестало биться вовсе. Абсолютная пустота во мне — и в мире. Сколько можно прожить с остановившимся сердцем? Руки и ноги начали холодеть. Сейчас упаду прямо на тротуар. Как рыба, вытащенная из родной, привычной среды на берег, я начала судорожно хватать ртом воздух. Сердце медленно застучало снова. Живу.

— Вам нехорошо. Примите пилюлю, — около меня суетится голубая бабочка. Очень внимательна. Помнит неудачу в парке Вольдемара, когда я убежала от нее? Но как мне хочется сделать приятное милой голубой бабочке — наверное, ей нагорело от Вольдемара — и все же — пилюли — нет, простите.

— Не надо, мне уже лучше, — отмахиваюсь я. Кто-то подает мне руку — Авенир Юрьевич, его замкнутое лицо, — я опираюсь почти автоматически и вхожу в фойе. И вот кресло в первом ряду партера. Да, услуги клиентам кооператив «Люкс» оказывает по высшему разряду.

Пьесу Гоголя я знала и любила, но сейчас видела на сцене только Артема.

— А если спросят, отчего не построена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому лет пять была ассигнована сумма, то не забыть сказать, что начала строиться, да сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, забывшись, сдуру, скажет, что она и не начиналась...

Голос бархатистый, вельможный, движения скупые, выразительные. Современнейшая пьеса, почти «Дорогая Елена Сергеевна». К тому же в доме городничего — телефон, телевизор, с улицы слышны гудки... Ко времени, все — ко времени... И актеры хороши. Но всех лучше, конечно, мой Артем.

Я сидела, не шелохнувшись, хотя спектакль уже закончился.

— Он ждет вас за сценой, пойдемте, — шепчет мне Авенир Юрьевич. Юрист, оказывается, все это время сидел рядом со мной, по правую руку. А по левую — Аркадий. Милые, душевные люди. Но за сцену я не пойду! Ни за какие коврижки. Сил не хватит — пойти к Артему.

— Мы проводим вас за сцену...

— Нет!

Говорить «нет!» я всегда умела. Оба посматривают на меня с беспокойством, как на больную. Они не знают, что со мной делать. Видно, им было поручено только отсидеть спектакль и проводить меня за кулисы. Аркадий, Авенир Юрьевич, спасите меня, увезите меня поскорей домой — я не хочу, не хочу видеть Артема. Что вам подсказывает самостоятельность мышления, а?

— Авенир, иди за такси. Мы отвезем Светлану Иннокентьевну домой...

Меня их переговоры как будто и не касаются. Сижу прямо, так, что спина вот-вот превратится в стрелу лука, стоит кому-нибудь спустить тетиву — и меня понесет вверх, вознесет... Но тетиву никто не спускает.

Аркадий берет меня под руку, аккуратно, бережно проводит через толпу. Такси уже ждет. Он садится рядом с шофером, называет мой адрес. У двери квартиры раскланивается. Похоже, в «Люксе» Аркадия и в самом деле кое-чему уже научили.

Я полна благодарности к нему, но вот выразить эту благодарность нет сил.

— Спасибо, Аркадий, — все-таки выговариваю я. Дома, в своей квартире, где сами стены защищают, берегут душу, я чуть-чуть прихожу в себя. То есть отпускает напряжение — и тотчас надо упасть и уснуть. Что я и делаю... Не забыв, правда, скинуть нарядное платье и надеть брюки — люблю дома ходить в брюках...

Очнулась от того, что кто-то прижимается к моим рукам, гладит их. Артем! Я сплю, похоже. Снова сады Вольдемара? Я счастлива...

— Почему ты не зашла ко мне за сцену? Была на спектакле...

Претензии, все начинается с претензий. Э, нет, я не сплю, и это моя квартира, а вовсе не владения Вольдемара. Я решительно соскакиваю с дивана.

— Одну минутку, Артем, я приведу себя в порядок. Как ты попал сюда? Был на старой квартире, и там тебе дали адрес?

— Нет. Меня привезли твои друзья, сразу после спектакля. Такие у тебя хорошие друзья...

Врать он не умел и не научился — это приятно.

— Почему вдруг приехал? Столько лет ни звонка, ни письма — и вдруг...

— Сам не знаю. Спонтанный порыв какой-то. И главное, все так легко устроилось. Только о тебе подумал — и меня приглашают к вам на роль городничего, на один спектакль. А кто это на фотографии?

Я села на табуретку, как на коня, готовая к бою. А он, видно, настроен вполне миролюбиво — преспокойно улегся на диван. Как дома.

— Твой сын, между прочим. Алеша. Теперь в армии. На Курилах.

— Вот как, у меня есть сын? И он на Курилах? — новость показалась ему любопытной, но не ошеломляющей. Он не вскочил, лишь приподнялся на локте.

— Когда он родился?

Я отчеканила дату.

— Да, да, может быть, — пробормотал он задумчиво. Неужели забыл, что я была беременна, когда мы расстались?

— Может быть. Но я полагал, да нет, был уверен, что ты разумный человек и сделаешь аборт.

— Поздно уже было для аборта, — ответила я. Этот резон ему понятнее, чем мой истинный: я хотела ребенка от Артема, я бы его оставила в любом случае.

Он снова лег, руки за голову, о сыне больше не спрашивал: видно, считал тему исчерпанной.

— Ты так и не выходила больше замуж? — полуутвердительно спросил он. Я кивнула головой. Видно, подумал: кто бы мог взять такую? Удовлетворен.

— Слушай, я сильно голоден. У тебя найдется что-нибудь поесть? Хотя ты всегда была плохой кухаркой.

— С тех пор кое-что изменилось. Но я не готовилась к приему, так что придется довольствоваться бутербродами и чаем.

Однако принесла-то я цыпленка табака. С удивлением обнаружила его в духовке. Надины не было на спектакле — а цыпленок в жаровне стоял горячий, с пылу-с жару...

— Хитришь... Говоришь, не готовилась... Я и бутылку вина вижу. Выпьем за встречу. После спектакля хорошо — стресс сбрасывается.

Этот чужой мне человек лежал на моем диване, пил и ел в моем доме. Он так и не встал к столу — я поставила ему тарелку и рюмку на деревянную, крашенную коричневым табуретку, которую я притащила с кухни и придвинула к дивану. Сердце больше не замирало, и руки не холодели.

А он жевал с аппетитом и говорил заодно:

— Но ты знаешь, что я прежде в другом театре работал? Поругался там с главным. За правду бился, как дурак. И подвели под сокращение штатов. Вот справедливость! Хорошо, удалось устроиться в академический...

Этот эпизод вдруг напомнил мне первое занятие в «Люксе»... Что-то слишком знакомое... Однако, что может меня удивить после садов Вольдемара? И все же...

— Когда это было?

— Год назад...

Совпадения, совпадения... Ладно, а будут ли сегодня олени и парусники? Увы, пока ни того, ни другого...

— Роли приличные дают редко. Кругом нужны связи... Директор наш, чурбан набитый, орден получил. За то, что дочка замужем за большим человеком...

— А вы не молчите. Хватит, намолчались уже...

— Чтоб снова — по сокращению? Это тебе хорошо говорить — ты ничем не рискуешь. Заметила, Света, кто сейчас больше всего воюет, кто всех смелее, прорабы духа? Против привилегий — и за чистоту, экологию... Почтальоны или академики — Лихачев, Сахаров... Им не страшно. Одни ничего не имеют — им и терять нечего. А другие имеют так много, что авторитет их уже не зависит от должности, они могут — правду в глаза... Их весь мир слушает... А что мы?! Маленькие люди — но ведь есть что терять...

— Ну, не такой уж ты и маленький, звание имеешь... И боишься?

Артем молчал. Косточку с хрустом обсасывал...

— Случаются в жизни и радости. Хорошо у тебя, Алена...

— Кто такая Алена? Жена?

Он смутился — или разыграл смущение.

— Нет, я разошелся с женой. Как раз накануне приезда сюда. Алена — актриса из нашей труппы.

Мог бы и не разобъяснять про актрису, и так ясно, кто такая Алена. Это я поняла. Но в то же время поняла — стоит мне подойти к нему, присесть рядом... Но я не шевелилась.

Чай тем временем был выпит, косточки обсосаны.

— Посиди со мной, Света, я так давно тебя не видел, — примиряющие слова.

— Сижу, — равнодушно ответила я. Он хмыкнул.

— Ну ладно, отдохнул, пора и честь знать. У меня сегодня ночью поезд, а надо еще заехать в гостиницу за вещами...

— Раз надо — иди, — спокойно, как же спокойно я это говорю.

Пауза... Долгая пауза. Он глядит на меня, в глаза — но я отвожу взгляд... Спрашиваю, скрывая неловкость:

— Тебя проводить?

Вот теперь он разозлился. Вскочил. Резко, с хохотом.

— Ты хотела сказать — выпроводить? Не трудись. Я и сам уйду.

Ушел, не попрощавшись. Дверь жалобно застонала — так он хлопнул.

Только тогда я расплакалась.

— Что же ты так, Светлана? — Надина Омаровна сидела на том самом диване, где только что он лежал. И тарелка с косточками еще придвинута вплотную. — А я думала, переберешься в Москву, я к тебе в гости приезжать буду. А то и остановиться не у кого. Мы так все хорошо устроили. А если бы он от отчаяния повесился тут, у тебя в ванной?

— Он? Он бы — никогда! Это не твой Стасик. Спасибо за цыпленка табака. И за вино. Ты поиздержалась на меня, возьми деньги.

— Кооператив «Люкс» просто выполняет договорную работу. Ты же заплатила свой взнос. Не беспокойся ни о чем. Жаль, конечно, что такой финал.

— У тебя будут неприятности?

— Не знаю. Однажды он уже лишил меня воскресного свидания...

— Разговорчики в строю, — раздался уже знакомый мне медлительный и властный голос. И затем смех — стук шариков в спортлото. — Надина Омаровна, вы забываете о профессиональной этике. Я хотел бы знать, довольна ли клиентка работой «Люкса»?

— Очень, — ответила я решительно и без колебаний.

— Это по мне. А не хотите ли поработать у нас, Светлана? И оклад бы я положил — двести рублей?

Надина так и охнула, глядя на меня, кивая головой — соглашайся, мол. Конечно — всеобщая работа на общественных началах — и вдруг... И все же...

— Пожалуй, я не подойду вам, я же скептик...

— Ну, ну, — усмехнулся голос. — Ладно, девочки, вам хочется еще поболтать на прощание. Не стану вам мешать...

И далекий, затихающий смех...

— Отключился, — предположила я.

— Нет, наблюдает, он всегда наблюдает. Но не обращай внимания. По мне хоть Вольдемар, хоть полный зал. А что, ты и вправду довольна финалом?

— Конечно. Повидала Артема. Убедилась: чужой человек.

— Я тебе даже завидую. Теперь ты свободна для новой любви.

—Нет уж, вариант Полины мне не подходит. Мы похожи с тобой, Надежда.

— Может быть. Только для меня безнадежность — на всю жизнь. Однако мне пора. Сегодня у нас ночная пробежка, купание в пруду. Я тебя не зову, ты устала. Или хочешь пойти?

— Пожалуй, и в самом деле устала...

— А в следующее воскресенье у нас будет суд. Авенир Юрьевич играет одно из своих дел. Те, которые мучают его. Все мы — или обвиняемые, или адвокаты, или свидетели...

— Слушай, а этот суд будет как-то связан с реальной жизнью?

— Возможно, если мы сумеем доказательно решить дело. Это как система зеркал — одно отражает и усиливает другое. Ну, пора, Света.

Я проводила Надину до двери... Что же, кооператив «Люкс» — вовсе не такая уж богадельня.

В следующее воскресенье я снова поспешила к трем озерам. Искала своих знакомцев. Увы, их не было.

Какая-то группа пожилых людей играла в мяч. Женщина лет шестидесяти, присев, у самой земли отбила удар. Другая, тоненькая, молоденькая, что-то весело скомандовала — и вот уже вся группа потихоньку побежала вокруг озерка. Но это была не моя, совсем другая группа. Хоть человек в очках и походил на Авенира Юрьевича, а другой — солидный, с брюшком, казался старшим братом Аркадия...

Когда они вернулись, я подошла к руководительнице:

— Простите, вы тут представляете кооператив «Люкс»? А где Надина Омаровна?

Женщина прыснула в кулак:

— Ну и имечко... У нас таких нет. Мы — кооператив «Светоч». Запись в клубе железнодорожников...

Я села на то же место. Еще ждала, оглядывалась вокруг. Несколько бабочек закружились надо мной. Я вскочила на скамейку, замахала руками. А они — улетели...

Загорающие смотрели на меня, наверное, как на сбежавшую из дурдома. Но мне было все равно. Грустно было.

Совсем рядом малыши барахтались в воде. Дама читала книжку. Молодая пара украдкой целовалась. Жизнь текла, а меня снова вышвырнуло на отмель...

Новая идея — надо бежать к шахматному клубу! И побежала. Но павильон был закрыт — и никакого столика не было у входа. И голубой бабочки — тоже. Все правильно: за свои тридцать рублей я получила от «Люкса» все, что было можно. А сотрудничать с ними дальше я отказалась сама. Чего же еще мне надо?

Дома я перевернула все вверх дном — искала газету, где когда-то прочитала о «Люксе». Я нашла эту газету — только вот о «Люксе» там объявления не было.

И все пошло в моей жизни как будто по-прежнему — от письма сына и до письма. Нет, кое-что иначе. Я научилась, оказывается, улыбаться. И вдруг оказалась всем нужна. Ко мне идут люди — квартира ожила. Обидели соседку-бабушку — надо одернуть, поставить на место ее зятя; вывезти мусорные ящики с детской площадки; восстановить на работе уволенного за критику — все это почему-то стало волновать меня. Я писала и подписывала какие-то письма, даже речи произносила перед микрофоном — за гласность и демократизацию. И посещала стихийные митинги.

Но самая большая неожиданность — это открытки и письма из Москвы. И переводы. Видно, опомнился, что не помогал мне воспитывать сына. Зовет даже съездить вместе к Алеше. Мне эта мысль очень понравилась...

Лишь во сне я иногда вижу теперь Надину, неизменно печальную. И слышу смех главного Люксера-Вольдемара — стук шариков в спортлото.

ВЕТЕР НАД ГОРОДОМ

2 сентября 197... года. Газеты в этот день сообщали о награждении летчиков-космонавтов, о сборе зерна на Алтае, предстоящем визите в Африку госсекретаря США и о многом другом, волновавшем умы живых. Всего этого для меня не существовало. В комнате стояли, шепотом переговаривались люди, родные, соседи и совсем незнакомые. Некоторые плакали.

— Мальчишка сиротой остался... Старикам-то каково — дочь хоронить... 28 — какие годы...

Жалостливые слова — обо мне? Будто о ком другом... Что значат слезы теперь, когда все позади?

Печальный и торжественный реквием Моцарта сменяется сонатой си бемоль минор Шопена. Это мама ставит новую пластинку. Третья часть сонаты — траурный марш. Неясные, лоскутные картины прожитой жизни, качавшиеся вокруг меня, вдруг обретают имя — Юрий Литвак.

... Я сидела в мягком кресле, неярко светила лампа двурогого торшера. Юрий лежал на тахте, закинув руки за голову. На нем была рубашка с цветочками, тогда только-только входившая в моду, джинсы. Густой запах мужских духов. Даже в полумраке комнаты видно — Юрий чисто побрит и, похоже, совсем недавно пострижен. Может, и в самом деле только что из парикмахерской. Не в пример мне, Юрий тщательно следит за своей внешностью.

Длинных волос, как носят теперь, он не признает. Как-то в шутку я посоветовала ему отпустить усы. Они бы очень пошли к его лицу, в котором есть что-то восточное. Он прищурил свои карие глаза, так что они превратились в узкие щелочки, из которых так и брызгал смех:

— Ты сошла с ума! В кабинеты к директорам, академикам — с усами! Нет, меня не поймут. Не предложишь ли ты отпустить еще и бороду?

Но это — чуть раньше. А в этот момент, когда звучала соната, мы не разговаривали, мы слушали. Взгляд мой рассеянно скользил по полированной поверхности стенки (ящики, ручки, книги, пустой глаз телевизора), по лакированной крышке стола, где нас одиноко ждали две рюмки... Немного досадно, что интерьер ЕГО квартиры так безлик и рационален. Но таков стиль, таков век... Отмахиваюсь от нелепых мыслей (бог весть, куда они могут завести), возвращаюсь в музыку, беру Юрия за руку и смотрю в далекое пространство темного окна. Аккорды. Тяжелые, ломаные шаги, будто ноги не держат, подгибаются, но снова вперед, за катафалком... Издалека сладкие, нежные звуки — воспоминания. Парк, сырой запах мертвых листьев. Желтые, с красными пятнами, пожухлые зеленые, они еще думают, что живы, еще летят, их несет ветер. Парк — такое безнадежное позавчера. Тот человек рядом — отец Павлика. Давно потеряно и забыто.

Из пропасти равнодушия после разрыва с тем человеком поднял меня Литвак. Юрий Литвак — да еще работа. Но болезнь уже поселилась во мне...

— Знаешь, они хотели отказаться от новой технологии, — Юрий только что из командировки, для него соната — не похороны, а борьба, он услышал то, что ему надо было услышать. — Я сразу к директору. «Понимаете, — ору, — что новый металл надежнее и дешевле?!» Прочность возрастет, значит, экономия в миллионы рублей! Почему не хотите мыслить по-государственному?!» А у него, видите ли, план! Ему вагоны с ванадиевым шлаком не поступили! Я из Волгограда — в Нижний Тагил. «Где обещанные вагоны?! Театр был. Главный кипятится, у него вагонов и на основную продукцию не хватает. Не обязан он этот шлак

отправлять, с него голову за шлак снимать не будут, а вот за план..! Пришлось комсомольской делегацией заявиться прямо на производственное совещание. Штаб в действии. Нашел вагоны, как миленький!

— Но штаб-то в институте! Кого ж ты привел с собой на совещание в Нижнем Тагиле?

— Пара пустяков. Горкомовцы помогли. Организовали там пост, подключили заводских прожектористов...

Я восхищаюсь энергией и настойчивостью Юрия. Радуюсь, потому что в новой технологии разрабатывала целый раздел. Победа Литвака — и моя победа тоже. Жаль, что не удалось завершить работу.

... Еще звучат тяжелые аккорды, мама задумчиво стоит с письмом в руках. Я не успела прочитать его — оно пришло слишком поздно. Потом включает проигрыватель. Только шепот вокруг и чужое бормотанье. Где ж Павлик? Наверное, отправили к соседям или отпустили на улицу. Цыпленок, киска моя... Мама не знает, что ж делать с письмом. Потом, не вскрывая, кладет его со вздохом к стенке гроба. Я не посвящала маму в свои сердечные дела, но она что-то чувствовала, догадывалась — и вот последняя весточка от Литвака должна со мной спуститься в землю.

«Наденька, милая, — писал он, — надеюсь, что все самое страшное — операция — позади, и ты скоро приедешь к нам. Твои исследования нам очень помогают, мы пытаемся идти дальше. Пробуем хром, марганец, кремний, — работа, сама знаешь, зверская. И ты простишь, что долго не отвечал на твои письма. К тому же меня назначили зав. лабораторией — хлопот прибавилось. Дисер успешно прошел все рогатки, назначен уже срок. Теперь недолго до защиты, кутнем и потанцуем на банкете! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить... Такие пироги... Так что приехать — никакой возможности. Поправляйся, ждем. От Наташки и всех наших — привет. Выше нос. Пиши. Целую. Твой Литвак».

Само письмо — радость. Он помнит! Правда, пишет все о себе — что ж, такой у него важный период жизни. Постороннему глазу покажется, что в письме — ни нотки сочувствия. Но я знаю Литвака, знаю, что этот лощеный лист бумаги с его аккуратнейшим бисером букв — выражение сострадания. Резкая и жестокая мысль — а если самооправдания? Ведь он женится, у него на 3 сентября назначена свадьба. Я слышала о его намерениях — но давно и от других. Теперь-то знаю точно. Теперь мне дано знать все. Он «забыл» написать мне об этой мелочи, оберегает от волнений. Что я перед его невестой? Она — дочка видного металлурга, ученого, с таким тестем Юрий далеко пойдет. Если бы я могла плакать! И все-таки письмо — какое-то утешение.

... Понятное дело, когда в институт пришла телеграмма о моей смерти — мама ее отправила, ведь я числилась в штате института — Литвак об этом ничего не узнал. Он примерял черный костюм к свадьбе, костюм, вполне уместный на похоронах. Узнала Наташка, и в тот же день, взяв деньги из комсомольской кассы, помчалась в аэропорт.

Наташка — единственный человек, который знал все или почти все о наших отношениях, о моей любви. Мы вместе учились, потом вместе работали, и не было у нас тайн друг от друга. Только и счастья ни у нее, ни у меня не было... Впрочем, это ведь что считать счастьем. У меня — сын, любимая работа, да вот и Литвак. У Наташки не было и этого, а работу она не находила столь уж большим подарком судьбы. Зато ей отмерена длинная жизнь — и она найдет себе доброго мужа, родит детей и будет счастлива. А пока она кладет к моим ногам уральские цветы.

— Зачем прилетела, Наташа, да еще на общественные деньги? Не стоило, — сказала бы я ей.

— Стоило. А деньги я верну, не беспокойся.

— Опять тебе неприятности. Молнию выпустят, да еще выговор получишь...

— Единственный выход был, что ж делать...

— А если уволят?..

— Наплевать, в другом институте буду химией заниматься. Не могла же я поступить иначе. Литвак тебя предал. Ты хочешь, чтобы и я тоже?

— Он не предал, — взорвалась я, — он просто живет. И будет помнить меня на земле вечно...

— Брось, Наденька! — машет рукой моя подружка. Потом, опомнившись, шепчет: — Ну, конечно, конечно же, он будет помнить тебя вечно...

Я рада, что Наташа — здесь. Я бы обняла ее, если б могла. Лицо моей однокурсницы осунулось и посерело. Ничего, Наташа, не переживай. Стрессовые ситуации очень вредно действуют на здоровье, а тебе еще жить да жить...

Мне неспокойно, что-то зовет меня, мне куда-то еще надо успеть. Я подчиняюсь зову — и скорбным знойным ветром уношусь далеко-далеко, в тот уральский город, который несколько лет я звала своим.

Свадебный кортеж — легковые машины с золотыми кольцами — движется по главной улице. В передней Юрий и она, незнакомая мне девочка, смущенная и нарядная, как кукла на капоте «Волги». Во второй машине — двое из нашего института:

— Говорят, у Литвака было что-то с этой, Морозовой...

— Да ну, она болеет последнее время, — эти двое еще не знают о моей смерти.

— Точно тебе говорю. Она к нему домой ходила. Ее там, знаешь, кто видел? Утром у дома.

Шепчутся... Значит, все-таки видели, и поползли слухи. А он просил быть осторожнее. И я старалась, видит бог. Ему будет неприятно, если до молодой жены донесутся отзвуки этих разговоров. Вторая девушка всплескивает руками:

— Надо рассказать нашим — то-то забавно! Ну да что там, такой видный парень, не монахом же ему ходить! Невеста-то прехорошенькая, да с таким папочкой... Губа не дура.

— Перестань! Он такой вежливый, умный, мне он и самой нравится.

— А кому ж он не нравится?

Хихикают... Что эти девчонки могут знать обо мне, о нашей любви?! Я одна могу быть судьей — и я ни в чем его не упрекаю. Машина останавливается. Молодые кладут цветы у Вечного огня. И опять идет свадьба — на этот раз к центральной площади. Останавливается у памятника. Медленно и торжественно Юрий и она поднимаются по ступеням. Вокруг суетится фотограф. А я все дышу той сонатой, которую мы слушали дома у Литвака. Ясные, чистые, даже наивные звуки весенней мелодии — а там, вдали, топот коней, мерный шаг. Гибель, поражение. Ясное, трепещущее — только воспоминание. Да была ли она, наша любовь? Басы фортепиано — точно оркестр духовых — это конец, мои похороны. Соната плывет вокруг меня — и Литвак слышит ее! Я вижу, хоть он и невозмутим, я знаю, в эту минуту он слушает мою музыку, он думает обо мне!

Невеста вдруг запуталась в подоле длинного подвенечного платья и чуть не упала. Враз смолкла музыка — жених рванулся и поддержал девушку. Я расхохоталась. Дрожала и сотрясалась от хохота. Ревность жгла меня. А невеста подняла на Юрия лицо, в кукольных голубых глазах ее — слезы, она даже прикусила губу, чтобы не разрыдаться. Бедная, неужели она уловила, что в этот святой миг Юрий — не с ней, и не свадебный марш Мендельсона слышит он, а совсем другую музыку...

Юрий смешон, удивительно смешон. Я не видела его таким надутым и чопорным И не отказала бы себе в удовольствии проводить их, побыть на свадьбе и потом, у постели, когда он будет говорить ей лживые слова и осыпать поцелуями, которые принадлежат мне. Потому что Юрий меня любит — я в этом сейчас убедилась. Иначе он не услышал бы моей музыки.

Я тоже люблю его, люблю так бесконечно, что не позову за собой. Я оставлю его жизни — и этой дочке профессора. Девушка ведь ни в чем не виновата.

Она глядит на Юрия с таким обожанием, что мне жаль маленькую невесту. Меня не должны терзать больше ревность и другие земные чувства.

Я оставила их. Никто этого не заметил, только невесте, кажется, стало легче дышать. Издалека я обернулась еще и увидела, что она не так бледна, как прежде, и улыбается. Боже, что Юрий будет делать со столь чувствительной душой? Мне кажется, он глядит мне вслед, если можно глядеть вслед ветру над городом, уносящемуся с мелодией сонаты...

... В институте сочиняли официальную телеграмму с выражением сочувствия, позвонили директору.

— Да, да, помню. В лаборатории Литвака, да еще и в группе Литвака? Ну пусть он и пишет текст. Что? Свадьба? Совсем запамятовал. Вы — председатель месткома, вы и пишите или поручите кому-нибудь.

Он повернулся к своему заму тут же, в кабинете:

— Вы на свадьбе-то будете сегодня?

— А как же, приглашали...

— И я собираюсь. Друг единственную дочку выдает, да за такого парня! Талантище! А хватка! Да... Звонили тут... Девушка из его отдела умерла, так не вовремя. Помните, Морозова. Интересные у нее разработки были. Очень способная... Не помните? Как же? Все квартиру просила. Ее отец в Москву писал, что больному человеку жилье нужно.

— Так ведь и дали же, — внезапно спохватился, соскочил, засуетился зам, — Что ж будет с этой квартирой?

Теперь уже он берет телефонную трубку. Звонит в местком, просит разузнать, как и что. Через полчаса ему сообщают, что в квартире прописана моя сестра и мой сын. Надо было видеть, как возмутилось наше руководство:

— Люди годами без квартир. А она! Да отец ее просто спекулировал на болезни, чтоб получить жилье для другой дочери! Финт какой!

Действительно, уезжая, я прописала Машу, а сама думала, вернусь после операции, как-нибудь все устроится...

— Потеряна квартира, надо же...

Вдруг подумала, что не случайно родители отправили Машу жить ко мне, они догадывались о близком конце. Я умоляла отца никуда не писать, не требовать квартиру, но он сердился или смеялся, — в зависимости от настроения — и говорил, что я плохо знаю жизнь. И, едва я получила квартиру, приехала Маша...

...Кто-то заплакал у самой моей головы. Родной голос, Павлик. Мама торопливо отвела сына в сторону:

— Ты опаздываешь в школу.

Сегодня, в самом начале учебного года, мой первоклассник не написал положенных ему крючков и палочек. Мне бы сесть рядом, показать, как держать ручку, чтоб она опиралась на средний палец и смотрела в плечо — но это уже не для меня. Как я могла по полгода не видеть сына? Не понимать, что мой мальчик — самое главное для меня на свете. Он уходит в школу. Слезы высохли, он забыл, что дома лежит страшная, непохожая на себя мама. Он уже скачет и слушает, как стучат в ранце карандаши в пенале. Скоро он забудет меня.

— И что не отправили ребенка к родне, зачем ему все это видеть!

Мама смотрит на меня сухим взглядом. Ох, давно они приготовились к этому концу, хоть и скрывали от меня. Потому и Павлика у себя держали — их дите, им воспитывать... Мама опустилась на табуретку у изголовья, положила руку мне на лоб. Хоть и готова она была, но тяжело ей, так тяжело — и мне жаль маму...

... А в институте все еще сочиняли телеграмму. Председатель месткома вызвал к себе очкастого юношу — штатного стихоплета.

— Нет-нет, я больше по дням рождений. Да и не знал я ее вовсе... — тянет молодое дарование, во всем остальном нормальный инженер из соседнего отдела.

Председатель уныло машет рукой — и пиит исчезает мгновенно и с такой восторженной улыбкой... Отвертелся! Председатель месткома вслед за ним сам выходит из кабинета. Гнев начальства по поводу потерянной квартиры сильно согнул его плечи. У окна Светлана, девушка из нашей группы, ужасная активистка. Ведет, вероятно, страшно скучный разговор — исключительно по делу — с незнакомым мне парнем. Недовольна, что подходит к ним председатель месткома.

— Извините, Света. Вы знали Надю Морозову? Я начал телеграмму ее родным так: «Примите наши соболезнования... » Что дальше?

Света досадливо поводит плечиком, отходит от парня. Склоняется над листом бумаги. Быстро пишет: «Ваша дочь была хорошим и честным человеком, талантливым исследователем. Верным товарищем. Она навсегда останется в нашей памяти. Разделяем ваше горе». Ну, и все нужные подписи. Нормально?

— Вот спасибо, хорошо.

Профсоюзный лидер отходит. Света поворачивается к юноше.

— Еще и членом месткома избрали, надо оправдывать.

Достает сигарету. Юноша предусмотрительно чиркает спичкой. Потом спрашивает:

— Кто это — Морозова? Молодая?

— 28. Работала у нас. Рак. Квартиру ей выхлопотали, а она туда сестру поселила. Люди в общаге и по частным живут, а она, ишь ты как... О мертвых плохо не говорят, но помню, мы рейды делали, так в ее комнате сроду — парни, пьянка... Сын у бабушки за тридевять земель, а она тут весело жила... На работе тоже — что особенного? Литвак на этой золотой жиле диссертацию сделал, у меня — на подходе. А ее, видишь ли, успех не интересовал. Даже кандидатские не хотела сдавать. Все есть: статьи в научных журналах, внедрение, экономия — только защищайся, а ей плевать было... Будто мы все за звания, за материальные блага, а она — за чистый технический прогресс... Точно по небесам ходила...

— Может быть, она чувствовала смерть? Торопилась?

— Ерунда. Просто такая уж непутевая была...

— А в телеграмме ты как-то хорошо сказала...

— Ты что — того? — удивилась Света. — Так же полагается. Но вернемся к нашим баранам. Как начнем диспут? Ты сам-то это кино смотрел?

Ей казалось, что парень хотел пригласить ее в кино, но теперь он стоит столбом, будто не понимая, что он должен... Потом торопливо:

— Нет, но посмотрю обязательно. О диспуте — в другой раз договорим. У меня тут теплотехники пришли, ждут. Извини.

Ушел. Света задумчиво стоит, докуривает сигарету... Нехорошо получается. Когда это она рейды по общежитию делала? Да не рейды, а один рейд — под Новый год. Тогда я еще не знала, что это последний мой праздник — и меня бросало от надежды к отчаянию.

В тот вечер я украшала маленькую елку. С детства люблю этот запах — хвои, свежести и начала начал... А тут еще влюбилась, как дурочка, впервые после того неудачного романа с отцом Павлика. Все в лаборатории знали, что я «втюрилась» — скрыть это было невозможно. Но Юрий держался сухо, деревянно, чуть высокомерно. Дела его шли блестяще, даже в Министерство вызывали, как автора исследований, очень перспективных для всей тяжелой промышленности. На Новый год хотели собраться всей группой — не получилось. А Литвак, на тебе, пришел. Наташки не было, когда он появился в дверях, заиндевелый — Дед Мороз. Забасил, отряхиваясь, как медведь. И холодом потянуло от его пальто и меховой пушистой шапки. Я села, а подняться не могла. Колени ослабли. Только и сказала:

— Ты пришел. Вот новогоднее чудо. Это случилось — ты пришел!

Прежде я его звала только на «Вы», но он будто и не заметил нарушения субординации. Странно как-то. Наверное, я бы вела себя иначе, скованная

рамками приличий, если бы надо мной не висела мысль о смерти. Почему я должна лгать, притворяться, что равнодушна, когда теряю голову?! Умирать, так с музыкой. Хоть этот кусок жизни, что остался мне, прожить на полную катушку. Что там полную! Хоть капельку счастья!

Я раскинула руки, чтоб обнять Юрия. Наверное, он был ошарашен. Он не ожидал такого взрыва чувств, не успел все осмыслить и испугаться. Мне показалось, что в этот момент Литвак был самим собой, а не тем, чем хотел казаться...

Он подошел и поцеловал меня:

— С Новым годом, Надежда Кирилловна! Наденька!

Так свободно, легко и радостно оказалось обнять Юрия. Литвак — мой, он в этот миг был таким, каким я его хотела видеть, искренним, беспомощным, ужасно милым. Мы закрыли двери на ключ: Наташа должна была прийти к одиннадцати. Еще два часа — два часа счастья. Стук в дверь:

— Рейд, проверка!

Юмор. Мы сидели тихо, как мыши. Светин голос:

— Я видела, Надя была дома. Гляньте, если есть свет в окне...

В самом деле, полчаса назад мы вместе готовили салаты на кухне. Кто-то бежит к лестничной площадке, откуда видны наши окна.

— Нет света!

— Ладно, потом зайдем еще раз! Поздравим.

«КП» поздравляет с Новым годом — остроумно. Полезное с приятным. Мы с Юрием покатились от хохота и целоваться забыли. Я вскочила, отомкнула дверь, включила свет:

— Пусть приходят, кто хочет. Мы встречаем Новый год!

Вскоре объявилась и Наташка со своим очередным поклонником, другие знакомые. Комиссия-таки еще пришла, тут уж точно было, как Света потом сказала: парни, пьянка и дым коромыслом. «Прожектор» нас поздравил и попросил вести себя потише. Литвак потемнел. Не привык, чтоб его поучали. Поднялся и наговорил Свете резкостей. После того Юрия вызывали «на ковер». Стружку сняли. Инцидент как будто был снят, забыт... Ан нет...

В нашу следующую встречу, не в общежитии, а в его маленькой однокомнатной квартире, Юрий сказал:

— Наденька, ты представляешь, слухи пошли... Давай встречаться здесь.

Тот Литвак, которого я узнала в прошлый раз, бледнел, тускнел, придавленный блеском, энергией и перспективами другого, растущего дарования. Обидно. Невмоготу. Хотелось вернуть моего Деда Мороза. Только Новый год прошел. И чтобы не потерять Литвака совсем, я согласилась на все. На работе — «Вы» и по имени-отчеству; в общежитии — здороваемся, ни боже мой поговорить; зато в его квартире — что душе угодно... Я стала ломать эту комедию — до отъезда на операцию. Юрий так трогательно стоял на коленях, прижавшись ко мне головой, целовал руки и шептал, какой у меня удивительный подбородок с ямочкой... Я опять видела в нем Деда Мороза — ранимого и нежного человека, и боялась обидеть... О Юрии — Наташке — я могла говорить часами... так что та иногда не выдерживала:

— Ты счастливая... А мой Петр (или Вася, или Слава) не звонит больше... — Она легко увлекалась, и каждый раз вспыхивала, как соломка, а потом плакалась в дружескую жилетку. Я ее утешала:

— Не переживай попусту. Не нужен совсем тебе этот пижон. Тебя ценят на работе — это много, этим надо дорожить. А придет настоящее — не пропустишь. Мелочи все это. Я ж поняла, когда увидела Литвака...

Все мои круги начинались и кончались Литваком. Боль и радость моя. Правда, иногда подступала другая боль, резкая, до крика... Я попробовала как-то сказать об этой своей боли Литваку — он не услышал. В этой, главной его жизни я не существовала. В этой сфере, видно, давно уже была запланирована дочка профессора.

— Говорят, ты ухаживаешь за дочкой профессора? Ты скажи, я постараюсь не мешать тебе... Я понимаю...

— Не слушай, что кумушки болтают. Мало ли с кем приходится разговаривать. Лучше иди сюда...

Он лгал. Я не могла поднять на него глаза. Глядела на его блестящие туфли. Однажды, смеясь, он сказал, что настоящий джентльмен лучше не пообедает, но ботинки почистит. В ежедневной суете он и вправду забывал иногда поесть, чем огорчал меня до слез, но штиблеты его всегда сверкали.

— Иди сюда, — настойчиво повторил он, и я забыла про дочку профессора и про туфли. Разве могли лгать его голос, его глаза, его руки?..

Но каждый день приносил новые известия — в институте все быстро становится темой для разговоров в коридорах. И я знала, что вчера они ходили в кино, днем раньше — в театр, а сегодня во время обеденного перерыва сидели на плотинке на показ всему городу. А меня и до дому с работы никогда не провожал, и в новой моей квартире не появлялся... Нет, я не могла его упрекать. Он ведь ничего и не обещал. Да и на что мне претендовать! Я больна, у меня ребенок. Мне казалось — все отсюда. Он знает о болезни. Тут я была не права. Он не знал. Наверное, если бы я ему все-все сказала, в борьбе двух личностей в нем победил бы, хоть на время, мой Дед Мороз. Не думаю, что это так бы уж повредило его карьере. Он талантлив, а это само по себе немало. Но я не заикалась больше о своей болезни и о дочке профессора. И он помалкивал.

Работа — вот что отвлекало меня от мыслей об измене Юрия, приносило облегчение. Я хотела помочь Литваку — чем могу. Чтоб его металл стал зваться его именем. Сделать, сколько успею — для него и всех, кто останется после меня на земле. Если бы он бросил меня совсем — я б умерла еще раньше. Но он пока был со мной... И я торопилась работать, ой, как я торопилась. Тут уж не до собственной диссертации. Эту роскошь я не могла себе позволить...

Наше последнее свидание с Литваком, когда наутро я уезжала... Все, что не вошло в статьи и отчеты, самые последние данные — я выложила Литваку. Не свидание, а оперативка. А потом, ночью, он был так нежен, добр, будто чувствовал, куда отправляет меня — и прощался... Любимый мой!

Домой, домой, к себе, к сыну! К родителям, сестричке, ко всем, кто молчит вокруг моего тела в мертвой комнате. Домой — я слишком долго ношусь по земле. Облака задевают меня — взрываются микроскопическими молниями. Ветер летит над городом. Прощайте, друзья! Поля, леса, слезами озера — прощайте! Внизу — черными квадратиками город, где я сидела два месяца, вела авторский надзор. Пролететь мимо — не в силах. Вижу выпуск металла — горячие брызги, пламень вливается в звуки сонаты Шопена. Звучит светлое начало, призыв, неистовый, как вера. Завтра — это день моего сына, его жизнь...

Внизу опять — трава лесов, шелк озер — и лирическая мелодия, мягкая, точно эти части сонаты играет совсем другой пианист. Но в басах — слушайте — рокот гор, вечность борьбы — и снова беспредельность неба, спокойствие мудрости... Среди других телеграмм на столике — телеграмма от Литвака. Он прислал ее, хоть с опозданием. Его никто не обязывал. От института соболезнование уже выразили. «Потрясен смертью Нади. Поверить нет сил. Всегда буду помнить ее и любить. Заведующий лабораторией Юрий Литвак». Так впервые мой заведующий сказал мне слова любви. Милый заведующий. Конечно же, я знала, что он будет вечно помнить меня и любить. Даже если будет счастлив с дочкой профессора — он меня не забудет.

... Мама уводит от могилы растерянного, не понимающего чего-то Павлика. Сын, постой еще мгновенье! Поздно. Еще вытирает в стороне слезы Наташка. Но вот и она уходит, и ее шаги пропадают в вязкой тишине. Медленно падают первые капли нудно моросящего дождя. Лишь потянул чуть-чуть — в дальнем, последнем дуновении — туда, на северо-восток, к уральскому городу — ветер, что нес аккорды шопеновского марша.

Генри **КАТТНЕР**

ПРОФЕССОР НАКРЫЛСЯ

Перевод Н. Евдокимовой.

Мы — Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незваный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос, куда их не просят.

Так вот,когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не поймем, как оно стреляет), тогда все и началось — с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем так пахнет, в оконце, — норовил поглядеть на Крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у Крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у Крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и задали перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошила Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами маисовой водки и сказал, что у него руки чешутся проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но, видимо, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости заявился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выспрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинув шляпу чуть ли не до самых зубов.

— Убирались бы лучше подобру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший, — только и сказал он. — Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

— Точно, — подтвердил я. — Не доверял я Финеасу. Он обозвал Крошку Сэма уродом, надо же?!

Высокий и важный дядька — прохвессор Томас Гэлбрейт — посмотрел на меня.

— Сколько тебе лет, сынок? — спросил он.

— Я вам не сынок, — ответил я. — И лет своих не считал.

— На вид тебе не больше восемнадцати, — сказал он, — хоть ты рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

— А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

— Никакого отношения к цирку я не имею,— продолжал Гэлбрейт. — Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

— Такого слова и на свете-то нет, — сказала мамуля.

Но тут Крошка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел, как мел, и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

— Это Крошка Сэм, — объяснил я. — Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

— Это ультразвук, — буркнул прохвессор. — Что такое «Крошка Сэм» — коротковолновый передатчик?

— Крошка Сэм — младенец, — ответил я коротко. — Не смейте его обзывать всякими именами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

— Я у-ученый, — сказал он. — Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и... — он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

— Вы действительно умеете летать? — спросил он.

Ну, об этом-то мы не любим распространяться. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назюзюкался и взмыл над горами — до одури напугал охотников на медведей. Да и в библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

— Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали: между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

— Но тут с чужих слов есть свидетельства о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать — только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно — если не говорить о самолетах, — но...

— Хватит трепаться!

— В состав мази средневековых ведьм входил аконит, дающий иллюзию полета, разумеется, совершенно субъективную.

— Перестанете вы нудить? — Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю — от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем, мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

— По какому праву вы к нам пристаете? — сказал я. — Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели с тех пор, как тут крутился тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

— Да папуля где-то здесь, — ответил я. — Только его теперь не увидишь. Он говорит, так ему больше нравится.

— Ага, — сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку. — О господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

— А я про это ничего не говорю.

— Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

— Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

— Фантастика, — сказал Гэлбрейт. — Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

— Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, — сказал я. — Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

— Но помилуй! — Он выглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. — Это еще что?

— Такая штука, — ответил я.

— Что она делает?

— Всякие штуки, — ответил я.

— Угу. Посмотреть можно?

— Пожалуйста, — ответил я. — Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

— Потрясающе! — говорит. — Я кое-что смыслю в электронике, и, по-моему

мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

— Чего-чего? — отвечаю. — Она дырки делает.

— Стрелять патронами она никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо...как, говоришь она действует?

— Откуда я знаю.

— Это ты ее сделал?

— Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

— Откуда я знаю, говорю, — Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтоб его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

— А ты серьезно обещал мне его подарить?

— Если отстанете.

— Послушай, — сказал он, — просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

— На том стоим.

— Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после... — И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

— Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, — сказал я. — Оставите вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и забожился: я пригрозил, что иначе разбужу Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо.

В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом Свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда неравнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уж позабыл. Не то Гвинн, не то Стюарт, не то Пипин — у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

— Этот прохвессор ужас до чего умный, — сказала мамуля. — Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу, где раки зимуют.

— Буду паинькой, мамуля, — ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

— Это чтоб ты лучше запомнил, — сказал он.

— Мы люди простые, — ворчал дядя Лес. — И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

— Я и не пробовал, честно! — сказал я. — Только, я так считаю...

— Не наделай бед! — пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет. Он заговорил о прохвессоре.

— Чужак-то, а? — сказал дедуля.— Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня, господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза — я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

— Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь христова, да разве ты запамятовал, что мы как огня стережемся Лондона и Амстердама — да и Нью-Амстердама* — из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

— Ерунда, — сказал я. — Я ведь хотел как лучше!

— Так он еще речет супротив, паршивый неслух! — возмутился дедуля. — Во всем виноват ты, ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли споспешествовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

— Он прохвессор, — сообщил я. — Звать Томас Гэлбрейт.

— Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы... неважно. Роджер был незаурядный человек. Внимайте же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит нам только покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться — и мы пропали. Вся из волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе, как мертвому припарки — ты внемлешь!

— Но что же нам делать? — спросила мамуля.

— Да чего там, — сказал папуля. — Я этого прохвессора угомоню. Спущу в цистерну, и дело с концом.

— И испортишь воду? — взвилась мамуля. — Попробуй только!

— Что за порочное племя вышло из моих чресел? — сказал дедуля, рассвирепев окончательно. — Ужли не обещали вы шерифу? Ужли и слово Хогбена — ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века — нашу тайну и честь Хогбенов! Посмейте только умертвить этого Гэлбрейта — вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

— Что же теперь делать? — спросил дядя Лес.

— Наша великая тайна должна остаться нерушимой, — сказал дедуля, — поступайте как знаете, только без убийства. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Эбернати, который, завидев меня, зло сверкнул глазами.

— Лучше не нарывайся, Сонк, — сказал он. — Помни, я тебя предупреждал. Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пропускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто ничего в нем не менял. Он стал меня переубеждать.

— Ничего не выйдет, — отрезал я. — Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спросясь, вот и все.

— Послушай, Сонк, — сказал он. — Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно, их свидетельство

---

* Старинное название Нью-Йорка — Прим. перев.

было бы только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья — мутанты, вас надо обследовать!

— Никакие мы не мутанты, — ответил я. — Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но...

— Что?! — вскрикнул Гэлбрейт. — Что ты сказал?

— Э... издольщик один из соседнего графства, — тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

— Бесполезно, — сказал он. — Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

— Этого еще не хватало, — ответил я. — Воображаю,что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? — он махнул рукой в сторону ружья. — Как же оно работает? — спросил он ни с того ни с сего.

— Да не знаю я... Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теребить собственный нос.

— Что же, допустим...а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

— Не будет комиссии?

— Посмотрим.

— Нет, сэр. Не стану...

Гэлбрейт набрал побольше воздуху.

— Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше местопребывание в тайне.

— А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

— А-а, да, — спохватился Гэлбрейт. — Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «Ладно уж!» — и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

— Сколько лет твоему дедушке?

— Понятия не имею.

— Гомункулы, гм... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

— Да не он, его отец, — сказал я. — На оловянных копях в Англии. только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей...друнов? друдов?

— Друидов?

— Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли, как мухи, по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

— Искуственная мутация, обусловленная радиактивностью! — говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. — Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверное, сверхлюди!

— Нет уж, — возразил я. — Мы Хогбены. Только и всего.

— Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья... э-э... со странностями?

— Эй, легче на поворотах! — пригрозил я.

— В смысле — все ли умеют летать?

— Сам-то я еще не умею. Наверное, мы какие-то уроды. Дедуля у нас — золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

— Защитная маскировка, — подхватил Гэлбрейт. — На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном обществе вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

— Только папуля, — уточнил я.

— О боже, — вздохнул он. — Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

— Чудеса, — повторял он. — Все равно что лампу Алладина найти.

— Хорошо бы вы от нас отвязались, — говорю. — Вы и ваша комиссия.

— Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле — поможешь мне. Согласен?

— Не-а, — ответил я.

— Тогда я приглашаю сюда комиссию из Нью—Йорка, — сказал он злорадно.

Я призадумался.

— Ну, — сказал я наконец, — чего вы хотите?

— Еще не знаю, — медленно проговорил он. — Я еще не полностью схватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору — вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался, но твердо знал одно: теперь эта штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Тут было что-то неладно, — соврал я. — Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

— Здесь? — возмутился он. — Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

— Видите, вон там, на крыше, флюгер? — Я показал пальцем. — Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать не отходя от окна.

— Это... это не опасно? — Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторону. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил — он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь во флюгер на крыше, и из дула вылетали кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

— Я вас видел! — орал он. — Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

— Сонк! — вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно

ступая, двинулся следом. Люди метались, как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал выть, что ничего не понимает.

— Я все видел! — оборвал его Эбернати. — Вы прицелились из окна — и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт — ученый. Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор посмотреть на церковные окна — они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото — его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

— Все Сонк Хогбен, — повторял прохвессор. — Поверьте, это он перестроил проектор!

— Я вас видел, — отвечал Эбернати. — Вы все сделали сами. Ой! — Он схватился рукой за челюсть. — Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

— Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

— Вы избавите меня от зубной боли — и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! — простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услыхал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

— Видно, я маху дал, — говорю. — Но могу все исправить.

— Да ты уже наисправлял достаточно. — Тут он остановился. — Погоди. Как ты сказал? Ты можешь и вылечить эту... что это?

—Я осмотрел ружье, — говорю. — Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

— Наведенная избирательная радиоактивность, — пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. — Слушай. Вся эта толпа... у вас когда-нибудь линчуют?

— Не чаще двух раз в год, — успокоил я. — И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не смогу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

— Ты бы лучше что-нибудь предпринял! — говорит. — А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

— Дело верное, — говорю. Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами, и спустите курок.

— Но... да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гэлбрейт уславливается с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в

мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

— Прекратится зубная боль? — настаивал шериф. — Точно?

— Я... вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

— Тогда уж лучше испробуйте сначала на мне. Я вам не доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переплет. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя браться у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилу увернулись от коршуна.

— Зато никто нас не видел, — утешил его дядя Лес. — По-моему.

— У городских сегодня своих хлопот полон рот, — ответил я. — Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал папуля. — Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье. Все прошло без сучка, без задоринки. Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну:

— Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

— Конечно, действует, — сказал он. — Естественно. Я же говорил.

— Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором — прохвессор нес ружье, — и все завопили еще громче.

Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, — конечно, невидимый — вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было — конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света — на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная-то боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только дере-

вянная нога, но и стеклянный глаз. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома — все, кроме дяди Леса — как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, — прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом дыша и тревожно поглядывая на дверь.

— Занятная история, — сказал дядя Лес. — Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним — целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

— О-о-о-х! — простонал Гэлбрейт. — А-а-а-а-х! Они сюда идут? Мамуля подошла к двери.

— Вон сколько факелов лезут в гору, — сообщила она. — Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня.

— Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

— Чушь, — говорю.

— Прячь, иначе пожалеешь! — завижал Гэлбрейт. — Я... я вызову сюда комиссию.

— Ну, вот что, — сказал я. — Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

— Минуточку, — сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал.

— Как, дедуля? — спросил я.

С секунду он прислушивался к Крошке Сэму.

— Прохвост лукавит, — сказал он вскоре. — Желает всенепременно вызвать ту шелудливую комиссию, вопреки всем своим посулам.

— Может, не стоит его прятать?

— Нет, отчего же, — сказал дедуля. — Хогбены дали слово — больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей — право же, дело благое.

Может быть, он подмигнул. Дедулю не разберешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери — смотрел, как в гору взбираются факелы.

Он в меня так и вцепился.

— Сонк! Если ты меня не спрячешь...

— Спрячу, — ответил я. — Пошли.

Отвели мы его в подвал...

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простаками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И, само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами. А бутылочка-то ма-ахонькая!

КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Перевод Н. Евдокимовой

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него при этом был самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хокбены живут в Кентукки, но он — в южной части гор, а мы — в северной. И надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уж подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того, как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать — и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша: в нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил — «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

— Вечно они скачут! — все жаловался дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну, и езжайте, скатертью дорога!

Ну, и уехали.

Лемюэл, по прозванию Горбун, — наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл — ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно-бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уж развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей начали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтоб загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них ловкие лапы, прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует.

А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал на Лемюэла внимания. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было немного. Главная беда — нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья — помои. Если бы Лемюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало, хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор — любопытства ради.

— День выдался на славу, — сказала мамуля. — Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный ковш, коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух и сказал, — мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

— Недавно приехали? — спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюэл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемюэла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?

— Конечно, — ответила мамуля. — Полон жизни, как говорится.

— А мы-то думали, давно покойник, — сказал коротышка. — Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Примерно шестеро, — ответила мамуля.

— Все совершеннолетние?

— Да вот у нас папуля, Сонк, малыш...

— Лет-то сколько?

— Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля? — сунулся, было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбился со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

— Не в деньгах счастье, — сказал он, записывая что-то в книжечку. — Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. Против избирательной машины не попрешь.В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была однаединственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман: дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша завалялись три доллара. Я обшарил карманы Лемюэла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля влепила мне затрещину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку, — как видно, Лемюэл проголодался. Коротышка прибавил шагу.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я уставился в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже.

— Ну их, холуев зловонных, не стоит мараться, — сказал дедуля. — Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

— Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Не поможет, — сказала она. — Сегодня утром приводили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

— Прорыли вы погреб под домом?— спросил дедуля.— Вот и ладно. Укройте там меня с малышом.— Он опять сбился на старомодную речь.— Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимания. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребе), отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок: как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую маисовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где народу было порядочно, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может того быть! — заявил кто-то. — Не сами же они соорудили... неотесанные увальни-горцы! Но, несомненно, в курятнике у них урановый котел!

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов — на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке: я и не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— На своем веку в каких только чудны́х тюрьмах я не перебывал, — сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я Армбрестер, Хорек Армбрестер, упекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

— Мистер Армбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Мне тоже хочется напиться допьяна, — сообщил мистер Армбрестер. — Тогда меня бы не удивляло, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмущался. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего, — сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. — Я этого уж давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

— Сказали, что у нас урановый котел стоит, — ответил я. — Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы, — отозвался он. — Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Что ж, пора нам домой, — сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей, — уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

— Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования — один бог знает на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

— А зачем ему это было надо? — спросил я.

— Знаешь, сколько шальных денег можно выколотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюэлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

— Парнишка — обыкновенный деревенский увалень, — сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. — Если он и угодил в какую-то историю, то случайно. Ему дали по шее и велели закрыться. Он закрылся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

— Послушай, мальчик, — сказал он мне. — Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, — даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос:

— Вот что, мистер Гэнди, — сказал он. — Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его сделал, я знаю,— заявил мистер Гэнди. — Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники нацисты. И я намерен их найти!

— Ого, — сказал мистер Армбрестер. — Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора, или в сенат, или... в общем, диктовать любые условия.

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил, его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел.

Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел, как полотно, и пятился, весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает его куда хочет. Ох, уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно, он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывая на его голову и вроде бы стреляя светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла, и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк, — сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). — У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше — загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может это устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

— Гэнди, по-видимому, уверен, — продолжал он. — Вызвал нескольких физиков, и они сказали, что это явно уран-235 с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для твоего же блага — перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

— Вам надо поспать, — сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

— Пропусти рюмашку, — весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

— Чтоб тебе сдохнуть, клейменая вошь, — сказал дедуля совсем не так весело. — Убери отсюда свой неповоротливый мозг. Сонк!

— Да, дедуля, — сказал я мысленно, — Надо составить план...

Папуля повторил:

— Пропусти рюмашку, Сонк.

— Да замолчи же, папуля. — ответил я. — Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

— У меня личный трубопровод, — сказал папуля. — Могу сделать тебе... как это называется... переливание. Телепартация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне как — вроде картинку нарисовал у меня в мозгу. Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

— Папуля, — говорю, — пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

— Пропусти рюмашку, — не унимался папуля и вдруг как заорет.

Я услыхал смешок дедули.

— Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля. — Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее к тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. Ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

— Есть, дедуля, — говорю. — Ты в форме?

— Да.

— А малыш?

— Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той... все забываю слово... в том урановом котле.

— Значит, это все-таки он, — сказал я.

— Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди.

Он порылся в мозгу у нескольких человек. Потом продолжил:

— При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась! ... гм... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот почему мы и мутанты.

— То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? — припомнил я.

— Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

— Да, дедуля, — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

— Вот тут-то и заковыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего получить ее от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед, как шальные. Я слыхал, это атомы. До чего же они веселенькие — суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Зато после этого я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания — наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова — думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли досягнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля

объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно — наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи; времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала... да что я—в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл, я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

— Дедуля мне дал знать, что творится, — сказала мамуля. — Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

— Будьте уверены, — сказал я. — А почему все так волнуются?

— Не могут понять, что с нами сталось, — объяснила мамуля. — Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

— Я сделал все, как дедуля велел... — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо, прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтоб разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкуру. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола — сами себя свежевали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов — цап его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

— Мамуля, — говорю, — это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

— Нам домой пора, — уперлась мамуля. — Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

— Да, мамуля, — говорю. Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

— Проснись!

— Пропусти рюмашку, — завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтоб они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыплют пониже спины.

— Ладно, мамуля, — поддакнул я, но на самом деле я и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну, погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не советую, — сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — взвыл кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

— Обработайте его наркотиком правды, — сказал он. — А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:

— Куда делся Сонк, я не знаю! А знал бы — не сказал бы... Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

— Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, — объявил он. — Один укол, и ты все выложишь. Понятно?

Воткнули мне в руку иглу и впрыснули лекарство.

Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол.

Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату — и в крик.

— Плотину прорвало! — орет — Гэнди-плотину! — В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и зивизжал:

— Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

— Вы должны их успокоить, — сказал кто-то мистеру Гэнди. — Они кипят от возмущения. Посевы загублены...

— Я их успокою, — заверил мистер Гэнди. — Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов!

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Армбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым, плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

— У каждой плотины свой предел прочности, — объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

— Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! — прогремел он. — Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Эджекс» поль-

зовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, что строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул:

— Да, — говорит, — я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся.

— Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену* и...

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам и мистера Гэнди не стало слышно.

— Так, так, — сказал мистер Армбростер. — Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мамуля рассердится: она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

— В конце концов когда-нибудь будут, — сказал он, — но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал... Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну, вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были урановые котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал: надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля, — как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках суда. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди, он, видно, начался сильный. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

*Член городского управления. — Прим. ред.

ДО СКОРОГО!

Перевод Н. Евдокимовой

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечишка во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, кажется, Людовика, а может, и Тамерлана; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голов , тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки, считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родного брата довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической заковыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов-сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели — ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживет, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем — он близнец дяди Леса, но только родился намного позже — давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что все это не касалось. Но вот малыша, дай ему бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет, и он для своего возраста довольно крупный ребенок — пудов восемь будет.

Мы все могли попрятаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять — ведь в суматохе бутылка, чего доброго, разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов налижутся как следует.

Прохвессор славный, хоть и в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых,

которых называет хромосомами. Они как-будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облучение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых — было такое у нас в Старом свете. Ясное дело, не в настоящем Старом свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом сделались невидимыми, в том числе и малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами проворством.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слыхал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся — и наутек. У него, верно, голова пошла кругом, и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый, как доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

— Ты не пострадал, дедуля? — спросил я, слегка встряхнув его. Он меня отчехвостил.

— А я-то при чем, — возразил я.

— Кровь христова! — воскликнул он, разъяренный. — И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй!

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет судный день. При этом он нисколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хорек способен чувствовать», — повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудл». Енси не обращал на меня внимания.

Енси — маленький, мерзкий, грязный человечишка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я несправедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка — плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки.

Енси, не глядя, поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

— Заткни пасть и убирайся, — сказал он.

— Воля ваша, мистер Енси, — ответил я с облегчением и совсем было соб-

рался. Но тут же вспомнив, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо — посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу:

Он захихикал себе в бороду.

— Красивая у вас картинка, мистер Енси, — заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

— Уж это точно! — сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. — Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк* или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все они на одно лицо и выходят из большой машины, которая — мне сразу стало ясно — ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку — уже не знаю зачем. Красивая картинка.

— Хорошо бы такое случалось в жизни, — сказал Енси.

— Это не так уж трудно, — объяснил я. — Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

— А?

— Вот эта штука, — повторил я. — Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

— Ты, надо понимать, умеешь лучше? — окрысился он.

— Приходилось когда-то, — ответил я. — Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку, по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

— Да что ты там бормочешь? — удивился Енси. — Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь,что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

— Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьюсь об заклад, — сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

— Биться об заклад грешно, — провозгласил он. — Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры — грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. — Он умолк, почесал в баках и вздохнул. — Все, кроме одного, — прибавил он хмуро.

— Что же это за долг?

— Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, налакался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег — коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

— Нет, сэр, — ответил я. — Но мы говорили о вашей плоти и крови.

— Помолчи, — оборвал меня старый Енси. — Так вот, и повеселился уже я! — Он слизнул жвачку с усов. — Слыхал о таком городе — Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку, вроде меня, противно умирать, не разделавшись с долгами.

— А у ваших восьмерых сыновей были долги? — спросил я.

Он покосился на меня, хлопнув себя по тощей ноге, и кивнул.

---

*Джерж Крукшенк — иллюстратор Диккенса. — Прим. пер.

— Теперь понимаю, — говорит. — Ты сын Хогбенов?

— Он самый. Сонк Хогбен.

— Как же, слыхал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

— Нет, сэр.

— Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

— Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

— Интересно, кто бы мне помешал!

— Никто, — говорю, — но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

— Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

— Несчастный случай, — говорю, — Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого — дедуля. Мы не желали вам зла.

— Да и не причинили, — опять захихикал Енси.

— Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

— Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, — отмахнулся Енси. Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы в тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я немного, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал, как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином — были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох, и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чувствует себя боб в моем желудке. Но боб, наверное, вовсе бесчувственный.

Не прошло и получаса, как на дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь.

Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном — старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

— Что-нибудь не так, сосед? — вежливо спросила мамуля.

— Еще бы, — ответил Енси, шмыгая носом. — Я совсем старик.

— Это уж точно, — согласилась мамуля. — Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

— А? — вытаращился на нее Енси. — Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

— Разве я сказала Сонк? — быстро поправилась она. — Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк: он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину — пророком Ильей и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, неважно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался, — мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше это его не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем я толкую, и приказал мне заткнуться.

— У меня семья могла бы еще больше быть, — сказал он. — Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно, вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

— Мы не нарочно, — ответила мамуля. — Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

— На это я и рассчитывал, — говорит старый Енси. — Вам уж не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у вас враль. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но, пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Все, что угодно, — сказала мамуля. — Лишь бы это было в наших силах.

— Сущая безделица, — заявляет старый Енси. — Пусть меня на время превратят в целую толпу.

— Да ты что, Медеи наслушался? — вмешался папуля, спьяну не сообразив, что к чему. — Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

— Чего? — Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. — Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

— Он, верно, о Кадме, — говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масляные.

— Тут все видно, — сказал он с надеждой. — Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

— Какое там,— вставил папуля из своего угла. — Мы давно уже не колдуем.

— Колдуны, — упорствовал Енси. — Я слыхал всякие истории. Даже видал, как он, — и в дядю Леса пальцем тычет, — летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

— Неужели? — спрашиваю. — Нет ничего проще. Это когда берут чуточку... Но мамуля велела мне придержать язык.

— Сонк говорит, вы умеете, — продолжал Енси. — А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

— Где два, там и три, — сказала мамуля. — Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

— Так вот, — заключил Енси, откладывая журнал, — где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

— Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать, — говорю.

— Тогда...

— Стойте, — говорю, — теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек.

— Мальчик или девочка? — полюбопытствовала мамуля.

— Мальчик, — говорю.

— Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и сколько-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

— Хватит на что? — поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрела на меня исподлобья.

— Есть у меня забота, — ответил он. — Хочу разыскать того малого. Только вот беда, не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со

всеми долгами, а я тридцать лет, как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

— Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, — похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

— Тяжкая будет работа, — сказал он. — Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти некудышники вдруг сгинули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

— Ух, ты! — сказал он, отхлебнув здоровенную порцию, — На вкус — прямо адов огонь. Ух, ты! — Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

— Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

— Конечно, так, — согласилась мамуля. — Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

— У вас есть кое-что получше, — сказал Енси — Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да, ни нет. Дело ваше. Но, по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

— Да, наверно, правда, — подтвердила мамуля.

— А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

— Это пустяк, — говорю.

— Уж тогда бы, — сказал Енси, — я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается, — Он шмыгнул носом. — Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

— Да полно, — сморщилась мамуля. — Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

— Ей-богу? — спросил он. — Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали, и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

— А долго надо произносить заклинание? — спрашивает.

— Никаких заклинаний, — говорю. — Я же объяснял, нужен только металлолом да умывальник. Это недолго.

— Я скоро вернусь. — Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыпленка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

— Иди же, смастери ему машинку, пусть стоит наготове, — сказала мамуля. — Пошевеливайся.

— Ладно, мамуля, — говорю, а сам застыл на месте, думаю. Мамуля взяла в руки метлу.

— Знаешь, мамуля...

— Ну?

— Нет, ничего. — Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хоть ничего зазорного в ней не было.

Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил — правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал: «Готово». Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли.

Загвоздка была в Енси. Наконец, я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой — думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От них мне становилось как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой.

Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя. По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я совсем было решился разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие.

Енси сказал: «Ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

— Только и всего? — удивился Енси. — А сатану вы не призовете?

— Незачем, — отрезал дядя Лес. — И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

— Уж я таков, — откликнулся он. — Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

— Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, — ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

— Человеческий организм, — заговорил папуля важно-преважно, — представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

— Но-но! — взвыл Енси.

— ... на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же, как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета — негативы вместо позитивов.

Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, — продолжал папуля, как заведенный. — Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве-времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

— Вы забыли очертить магический пятиугольник, — сказал он. — В жизни не слыхал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть — так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну, и малыш подсобил — никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось — это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки. Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

— Олухи царя небесного! — гремел разъяренный дедуля. — Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому дивиться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. — Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

— Полно, дедуля, — мысленно сказала мамуля, — что такого натворил Сонк?

— Все вы хороши! — завопил дедуля. — Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой своднe? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

— Мистер Енси, — спрашиваю, — что у вас в кармане штанов?

— А? — Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. — Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. — А у самого морда хитрая-прехитрая.

— Зачем он вам? — быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

— Не стану скрывать, — говорит. — Я намерен тряхнуть стариной — трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

— Господи, помилуй, — только и сказала мамуля.

— Вот так! — прыснул Енси. — Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаюсь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

— Какой малый? — спрашиваю. — Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

— Ничего такого я не говорил, — огрызнулся Енси. — Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

— Он вам наступил на мозоль? — удивился папуля. — Только и всего?

— Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

— Вы были пьяны.

— Это точно, — согласился Енси. — Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил — тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох, и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу.

Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это неважно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Совсем взбеленился Енси. Он продолжал, не переводя духа:

— Вот и я подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

— Легче на поворотах, — одернул я его. — Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

— А мне все едино, — буркнул Енси. — Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет — срок немалый. Но потом я прикинул, что даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов ... это из священного писания. Дам разá всем людям мира — тут уж не ошибусь.

— Хогбенам вы не дадите, — заявила мамуля. Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутывайте. А может, лучше возьмите миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

— И не подумаю, — ответил упрямый Енси. — Вы дали честное слово, что поможете.

— Мы не обязаны выполнять такое обещание, — начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

— Слово Хогбенов свято, — сказал он. — На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

— Ага! — сказал я, смекнув, что к чему. — В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом.

— Вы превратите меня в стольких людей, сколько жителей на земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне, не увиливайте.

— Да я и не пытаюсь, — говорю. — Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

— Чего?

— Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девят тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

— Тогда пусть я буду трехметровый, — говорит Енси.

— Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно — сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

Он, видно, понял,что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

— Это уж наша забота, — говорю. — Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

— Маловато.

— Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.

— И верно. — Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. — Пяти секунд с лихвой хватит.

— Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

— Ничего лучшего не надо, — говорит. — Ох, и размозжу я им голову. Хе-хе-хе.

— Ну, становитесь сюда, — скомандовал я и показал, куда именно. — Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

— Приготовьтесь, — сказал я. — Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня просто голова кругом пошла.

Какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и в прах, — он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова.

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и... в общем, было с вами такое, чтобы два миллиадра двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать человек уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос — дедуля велел пошевеливаться.

Вот сунул я полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать поленьев), в столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, — сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмущался. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне. В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чувство юмора. Но у меня не было времени с ним объясняться, потому что Енси шмыгнул мимо меня — и в машинку. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людях, сколько в мире жителей, и стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго. Я заерзал на месте.

— Все устроилось, — сказал я. — Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что... — я остановился и посмотрел на машинку, — ...что получил, — закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий, но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

— Ибо сказано в священном писании! — возгласила она исступленно. — Слушай, ты, паршивец, плевок политурный! В Библии сказано — око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

— Воистину, точно, — поддакнул дедуля с мезонина.

— Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, — сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. — И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

— Но я же не расквитался! — бушевал Енси.

— Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, — ввернул я. — Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и как громом поразило. Он побагровел, точно, борщ, крякнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

— Весь чертов мир меня обидел! — хныкал Енси, обхватив голову руками. — Со свету сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

— Заткнись. — Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. — Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

— Ничего не слыхать, — сказала мамуля.

— Сонк прав, — вступил в разговор дедуля. — Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, — все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

— Что это вы все стоите, как истуканы? — разревелся Енси. — Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не в порядке. Наверное, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох, и особливое же чувство юмора у почтенного старикана.

— Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, — признался я. — Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

— Истинно так, клянусь богом, — выговорил дедуля сквозь смех. — Сонку следует искать убежища. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

— Ты нашалил, Сонк? — спросила мамуля.

— Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! — завизжал Енси. — Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел...

— Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, — обозлилась мамуля. — Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпните что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси облаял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «Раз, два — взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове. Решил поставить на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только

знай сидит себе да шевелит губами — прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

— Объясни, что случилось, Сонк, — потребовала она. — Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, — ты — Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно сли на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

— Да нет пока, — сказал он. Тут я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

— Мамуля, я только немножко маху дал, — говорю. — Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не подняли тарарама.

— Вот те на! — сказала мамуля. — Дитя, до чего ты небрежен!

— Прости, мамуля, — говорю. — Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

— Сонк, — сказала мамуля. — Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать — это все население Земли!

Все население!

По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

РЕКЛАМА

В городе Свердловске создана самостоятельная лаборатория нетрадиционных исследований («ЛАНИ»), которая призвана поставить на службу человеческому обществу неординарные способности человека и с их помощью решать большие и маленькие задачи народного хозяйства.

Если кто-то согрет мечтой восстановить могущество человека, дарованное ему природой, то он может возложить на алтарь победы посильный денежный вклад, который можно сделать в любой сберегательной кассе или по почте, указав: **расчетный счет № 461633 в ОПЕРУ ЖСБ города Свердловска, МФО 253921, лаборатория «ЛАНИ».** О своем благородном поступке можно сообщить, приложив квитанцию, по адресу: 620145, г. Свердловск, а/я 477, Докучаеву.

В сборнике будут публиковаться фамилии вкладчиков и отчеты «ЛАНИ» о расходовании полученных средств. Кроме того, если Вы укажете свой точный адрес, то «ЛАНИ» позаботится о том, чтобы следующий номер сборника попал к Вам, минуя промежуточные этапы.

Нам нужны не только деньги, но и Ваши необычные таланты и возможности. Если Вы обладаете чем-то «этаким», то не исключено, что мы окажемся интересны и полезны друг другу. Пожалуйста, обращайтесь по указанному адресу.

С почтением, «ЛАНИ».

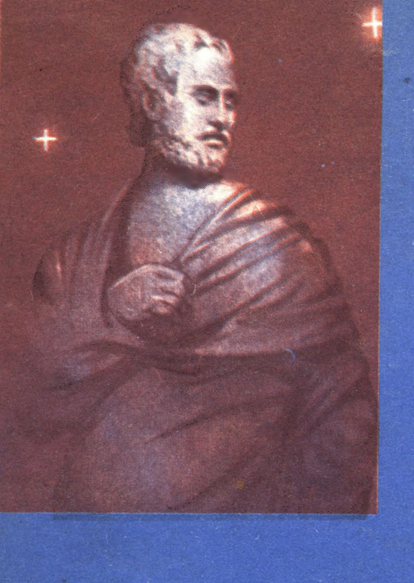

**Сборник научных, научно-популярных статей
и художественных произведений,
посвященных неординарным возможностям человека**

Зав. редакцией *Е. И. Щербакова*
Редактор *В. Г. Козлов*
Технические радакторы *Л. С. Будрина, Т. В. Попова*
Художники *Н. П. Потапов, Д. Ю. Лебедихин*
Корректор *Е. В. Орлова*

Сдано в набор 5.11.90. Подписано в печать 21.11.91. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 12,9.
Усл. кр.-отт. 260,0. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 20000 экз. Цена договорная.
Заказ 2705.

ТПО «Старт». СП «Интербук». 620151. г. Свердловск, пр. Ленина, 69, кор. 10.
Омская обл. типография. 644070. г. Омск, ул. Декабристов, 37.

Эксперимент
Гипотеза
Факт

Фантастика

Явления
Предположения
Предсказания